

"Успеть до радуги"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Андрей Земляной

Успеть до радуги

Всем моим друзьям, а врагам в особенности, посвящаю

Я стоял, тупо глядя на высокого статного офицера в белоснежной форме, поделенного на квадратики не то сеткой, не то решеткой. Его лицо, выбритое так, что оно лоснилось в свете рожков бра, кого-то отдаленно мне напоминало, но кого именно как-то не вспоминалось. Я сдвинулся немного в сторону и с удивлением отметил синхронность движения человека, стоявшего напротив. И тут же ощутил противную жесткость стоячего воротничка и углов парадного кителя. Со мной такое бывало. Я часто мог ощутить то, что чувствовал человек, которого я вижу, мог, пробиваясь через все «не может быть» и «не бывает». Я медленно поднял руку, наблюдая, как незнакомец напротив повторяет мое движение. И тут вместо тепла чужой руки моя рука встретила прохладное стекло. Странно, но эта прохлада заставила меня отдернуть руку, будто от удара током.

Я зажмурился так, что выдавил слезинку из-под века. Открыл глаза. Ничего не изменилось. Снова поднял руку. Она двигалась, словно ватная. Было полное ощущение, будто я напялил на себя чужое тело вместе с одеждой. А одежда...

Не могу про себя сказать, что знаю абсолютно все виды форм и мундиров военных и военизированных подразделений, но одно я мог сказать точно. Это была не форма какой-то неизвестной мне Мухосранской Национальной Гвардии. Отсутствовали характерная для этих армий аляповатость мундира и огромное количество разных медалек и побрякушек за различные «героические» деяния, типа орденов «Три дня без запоя» или «Сифилис – десятый заход».

Треугольные удлиненные погоны бледно-голубого цвета, заползающие острием на рукава, и на них большая серебристая эмблема: двойной ромб. На голове странная комбинация из пилотки и фуражки. Пилотка с козырьком или, скорее, фуражка пирожком. Безвестный творец шапки-ушанки – просто Пьер Карден по сравнению с автором этого кошмара. Я провел рукой по материалу, ощущая его странную, гладкую шероховатость и посмотрел вниз. Потрогал рукой. Сапоги, видимо, из пластика, уж точно не из кожи. Короткие шнурованные сапоги светло-коричневого цвета. Если б не материал, то сапоги как сапоги. Я вновь вернулся к осмотру кителя. Многочисленные знаки различия говорили о развитой иерархии. В общем, это была простая, в меру практичная форма нормальной крупной армии абсолютно неизвестного мне крупного государства. Вот так. Да и черт с ней, с формой. А лицо... Лицо-то свое я где потерял?

Я вновь поднял руку и внимательно ощупал то, что теперь было моим лицом. Не было ни малейших следов шрамов или швов, оставшихся от пластических операций. Нет даже подкожных уплотнений, которые остаются после любой пластики. Если была операция, то я где-то потерял весьма приличный кусок своей жизни. Вот блин...

Похоже, у меня случилось тривиальное выпадение памяти вследствие медикаментозного или травматического шока. Кстати о голове, – я потрогал ее – вроде бы она была в полном порядке, хотя и побаливала. А вот собственную внешность я, видимо, все-таки подзабыл. Какая-то странная форма шока. Я сфокусировал взгляд на своих руках, быстро ощупал языком полость рта и тут понял – все это было НЕ МОИМ!

Голова перебирала различные объяснения происходящего, но все они не выдерживали

серьезной критики. Пожалуй, самой удачной мыслью было наведение искусственной реальности. Вот только такой аппаратуры не то что у американцев, даже у нас пока не было.

Последнее, что я помню из прошлой жизни – это мой непонятный попутчик и невероятный перстень. И все. Дальше – только черный коридор, упирающийся в этот вот клозет...

Ладно, ковыряться все равно особенно не в чем, хотя...

Я сунул руки в карманы и по очереди вывернул их вместе с содержимым. Рассматривая кучу барахла на полу, я почувствовал, как отвратительно пересыхает в горле.

Плохо не то, что в моих карманах были предметы абсолютно неясного мне назначения, в конце концов в мире полно вещей удивительных. Ужасно, что я не понимал ни буквы из написанного на них. Скажите, сколько языков вы знаете? Один? Два? Десять? Держу пари, даже если один, вы всегда сумеете опознать хотя бы шрифт письма. Их вообще-то совсем немного. Я хорошо знал восемь языков и мог объясниться еще на шестнадцать. Но тут был текст, написанный абсолютно незнакомыми мне знаками. Я выудил из груды вещей жесткую металлическую карточку размером с ладонь, на которой были какие-то вдавленные точки и полосы явно кодового назначения. Причем одна эта карточка служила, видимо, ключом от многих дверей с различными системами распознавания. Еще здесь были кусочек ткани вроде носового платка, но с красиво вышитыми по всему полю крылатыми чудищами, нечто вроде зажигалки, этакая блестящая штучка с кнопочкой, и несколько неидентифицируемых предметов, вообще ни на что не похожих. Например, простой цилиндр из полупрозрачного материала с контактной группой на торцевой части... Сомнений быть не могло. Здание бомбили. Прислушавшись повнимательнее, я сделал еще одну поправку. По тому, как гулко и протяжно ухали разрывы, стало ясно: сижу я в бомбоубежище или бункере. И взялись за него, видимо, на совесть. Тут как раз садануло так близко, что у меня на мгновение потемнело в глазах от низкочастотного удара. Я инстинктивно отдернул голову от прохладного кафеля стены и отошел в сторону.

Надо было принимать решение. И хотя оставаться здесь было опасно, снаружи тоже никто пряников не обещал. Я уже сделал несколько шагов в сторону двери, как почувствовал нечто, надвигавшееся сзади.

Сработала доведенная до состояния безусловных рефлексов многолетняя выучка. Преодолевая сопротивление чужого тела, я прыгнул в сторону и ушел под покрытие опорной балки, выглядевшей, как торчавший из стены кусок старой перегородки. Уже в прыжке, повернув голову в сторону неведомой опасности, я увидел, как медленно, черными трещинами вспухает стена, а ее куски неторопливо, словно всплывая, двигались в мою сторону.

Я плыл в легкой зеленой воде, полной светлых, искристых пузырьков. И мягкое движение этой воды было невыносимо приятно. Она ласкала все мое тело, двигаясь неслышными струями от головы к ногам. И звуки были такие, словно серебряные колокольчики позванивали на ветру. Один из колокольчиков был так близко, что мне захотелось потрогать его руками, такой он был славный. Но вдруг что-то забухало и зашумело, и все пропало. И вода, и колокольчики... Я подумал, что спугнул их, и сожалея, об этом, вновь заскользил в липкую черную трясину, пока не провалился совсем.

Неудобство. Что-то мешало лежать в черном безмолвии. Я рассердился так, как сердился очень редко. И решил наказать того, кто мешал мне отдыхать. Черный туман полетел ключьями. Сначала робко, словно сквозь черную ткань, а затем все ярче и ярче свет стал пробиваться откуда-то сверху. Титаническим усилием воли я напрягся и... открыл глаза.

Склянки, банки, куча приборов на блестящих полированной сталью столах, зеленые занавесочки... И мое несчастное тело в коконе из поводков и трубочек, идущих от меня ко всем этим баночкам и приборам. Спасибо, хоть к занавескам не подключили... Скопив глаза вправо, я увидел полуоткрытую дверь. И стал свидетелем того, как оголтелая банда, иначе не назовешь, женщин в серых комбинезонах влетела в палату. Часть из них стала совершать какие-то манипуляции с приборами, а другие выкатили из-за ширмы, которую я ошибочно принял за стену, агрегат на колесиках и что-то лихорадочно стали там накручивать.

Этот праздник жизни продолжался, пока кто-то из дамочек не наткнулся глазами на мой осмысленный взгляд. Что тут началось – вообще передать невозможно. Это было больше всего похоже на поиски крысы в женском колледже. Они галдели, размахивая руками, как ветряки, пока в комнату не вошла молодая и очень красивая белокурая женщина в глянцево-темно-синем комбинезоне. Мгновенно все стихло. Она что-то негромко сказала, и весь этот птичий двор буквально вынесло прочь из палаты.

Она подошла. Я заметил, как мягко и ритмично она ходит, словно внутри у нее постоянно звучала музыка. Затем женщина что-то сказала. Вдруг я понял, откуда в моей голове звучали колокольчики. Голос ее был словно переливы серебра. Мягкий, певучий и легкий, будто лесной родничок. И еще глаза с красивым миндалевидным разрезом, удивительного изумрудного цвета... Потом она неожиданно мягко улыбнулась и вновь что-то сказала. Лицо ее было так близко, что я неожиданно для себя захотел его коснуться. Но опутанная медицинскими системами рука не хотела повиноваться. Продолжая смотреть ей в глаза, я начал собирать силы, концентрируя их сначала в кончиках пальцев, а затем разгоняя вверх. Раскаленные добела огоньки побежали вверх от ладони к плечу, и дряблые, словно гнилые, мышцы стали потихоньку наливать сталью. Рука горела, словно ее опустили в кипяток. Медленно, по миллиметру она начала двигаться, удерживающие ее ремни натянулись. С дробным, скрипучим хрустом пластик лопнул, и высвобожденная рука поднялась к ее круглым от удивления глазам и осторожно коснулась бархатистой кожи щеки.

Так начался второй акт моего пребывания в этом мире.

Нет худа без добра.

Травмы, которые я получил при взрыве фугаса, в какой-то степени делали объяснимыми мою амнезию. И незнание языка, и всего того, что наполняло их мир. Я познавал новую реальность с чистого листа, как младенец, и Рат Са помогала мне в этом. Она была начальником госпиталя и по совместительству занимала пост главного специалиста по реабилитационным мероприятиям. И, надо сказать, благодаря этому или чему-то другому поправлялся я довольно быстро. Так же неплохо дело обстояло и с языком. Сказать по правде, если бы не мои ночные бдения, поправлялся бы я куда быстрее. Но язык – всему голова. И по ночам я продирался через их четырнадцать форм времен и зависимые глагольные корни, как носорог, не забывая при этом о произношении и акцентах.

Я, кажется, сказал, что главное – язык? Было еще кое-что. География, геология, геополитика, история, современное состояние науки и техники, все аспекты биологии. Политика, правительственные и военные организации, структура армии, разведки и контрразведки, транспорт и связь. Я что-то упустил? Ах да, конечно, разнообразные мелочи типа быта, обычаев и общественного устройства.

И еще о бдениях. Ребенок познает мир многие годы. У меня, к сожалению, столько времени не было. А сколько было, я просто не знал. Все было бы очень печально, не будь в этом мире Сети. Ночью, когда я мог добраться до терминала, не боясь быть застигнутым врасплох, я, как

голодный волк, рыскал по всему ее пространству в поисках информации. Меня интересовало буквально все. И это «все» я получал в таких объемах, что наутро моя голова гудела, как перегруженный трансформатор, пытаюсь переварить этот винегрет. Хорошо, что мозги, где теперь проживал мой разум, обладали весьма высокими операционными возможностями. Я не раз и не два возносил хвалу местным богам за то, что не оказался, например, в шкуре местного идиота или в каком-нибудь разумном кактусе. Совершенно ясно, что в таком случае большая часть моей личности была бы безвозвратно потеряна. Не знаю, как у других, а у меня очень многое связано с психомоторикой. И окажись местное население шестируким или трехногим, боюсь, я потратил бы большую часть своей новой жизни только на адаптацию. Если бы вообще смог выжить. Рефлексов прежний владелец тела мне тоже не оставил. Но, видимо, перемещение моего разума на новое место прошло все же не слишком гладко. Постоянные головные боли и странного вида сыпь, которая появлялась и исчезала буквально в считанные минуты, и еще целая куча проблем с координацией движений...

К счастью, аборигены были двурукими, двуногими и пятипалыми. Вообще мое новое тело незначительно отличалось от старого. Парень, койку которого я занял, был при жизни чуть рыхловат, хотя и моложе меня лет на тридцать. В остальном мы были на редкость похожи. Он был повыше меня, и у него был такой же цвет волос. Сложнее всего оказалось привыкнуть к иному, чем у меня, пропорциям тела. Его руки были чуть короче, а ноги немного длиннее. Другая проблема заключалась в том, что пролежавшее, оказывается, около трех месяцев в коме его - наше - мое тело было в совершенно ужасном состоянии. Я мог двигаться только при поддержке медсестры, подволакивая ноги и раскачиваясь при ходьбе, как столетний дед.

Но были и плохие новости. Огромный сегмент моей памяти, видимо все то, что находилось, так сказать, «на внешних носителях», был безвозвратно утерян вместе с потерей родной ноосферы. Только бесполезный теперь перечень потерь. Ну, что ж, за все приходится платить. Наверно, это и была моя плата за вторую молодость.

Настоящий сюрприз поджидал меня, когда я как-то ночью приковывался к раскрытому окну глотнуть свежего воздуха. Небо, обычно затянутое плотной пеленой, неожиданно раскрылось. В разрыве облаков что-то вдруг засияло таким ярким светом, что я невольно зажмурился. Снова открыв глаза, я увидел такую невероятную россыпь огней, словно в небе вырос огромный город. Я не сразу понял, что это всего лишь звезды. У меня на родине небо было тоже не беззвездным. Но моя планета находилась на краю галактики, и бело-голубые точки звезд были весьма скромным украшением нашего небосвода. Здесь все было совсем по-другому. Стало понятно и практически полное отсутствие ночной темноты, и странный, переливчатый, отливающий жемчугом цвет неба. Звезды, огромные, как мячики, и маленькие, будто булабочные головки, сияли яркими разноцветными огнями так низко, что, казалось, их можно достать - только руку протяни...

Меня теперь звали Ша Гранг. Калтор Ша Гранг иррисант Каррох. То есть в доступном варианте - майор де Гранг из рода Каррох. Был я, оказывается, отпрыском весьма почтенной семьи, отдавшей восемнадцать поколений Императорскому Флоту. Правда, за многочисленные грехи я стал в некотором роде изгоем, так как по своей воле ушел из Флота в только что создающиеся десантные части авиации, и вообще здорово нашалил.

И конечно, самые занятные новости о «себе» я узнал из газет во время одной из моих ночных прогулок по Сети. Ушедший был, оказывается, не просто командиром отдельного подразделения воздушно-десантных войск. Как я бы сказал, своего рода части специального назначения. До того за ним, а теперь, стало быть, за мной числились различные подвиги и

героические деяния весьма специфического свойства.

Вот показательный эпизод. Соблазнение юной жены ти алго {Двухзвездный генерал} Кахи. В ходе последовавшей за этим инцидентом безобразной сцены в офицерском казино, рогатый генерал попытался ударить Ша Гранга кортиком, но промахнулся и попал в распределительный электроцит. Безутешная вдова генерала прямо с церемонии погребения удалилась на один из модных курортов тосковать о безвременно погибшем муже, а Ша Гранга уже поджидала другая история. На сей раз это была сестра одного из крупных промышленников, с которой последний поддерживал далеко не братские отношения. Впрочем, подобное было вполне в рамках их морали, если только не выплескивалось на общественное обозрение. Рыженькая Ли А, находясь в комфортабельном номере одной из гостиниц Столицы, как раз непринужденно обсуждала с молодым офицером вопросы подготовки сержантского состава, когда туда зашел ее брат. Почему-то с ружьем крупного калибра. Вероятно, хотел получить консультацию специалиста. Но оружие по невыясненной причине взорвалось в руках у промышленника. И оставил он на память о себе роскошный склеп и еще одну безутешную миллионершу. Потом было еще много подобных происшествий, но результат был всегда один. Назойливые мужья, отцы, братья, любовники и просто бескорыстные радители за поруганную честь невинных девушек самым непостижимым образом получали увечья или погибали в ходе попыток восстановления этой самой чести. В общем, та еще репутация. За что, по официальной версии, «я» был отлучен от семьи, лишен родовых регалий и наследства.

Дворянство у Ша Гранга, впрочем, никто не отнимал, ибо майорские погоны давали его *Ipso facto* {Самим фактом (*лат.*)}. Во всяком случае, мне не грозило посещение родственников и просмотр семейных фотографий. Женой и детьми я, кстати, тоже не обзавелся. Правда, имела место быть некая невеста. Кто была эта, без сомнения, достойная девушка, я как-то не желал знать.

К началу войны Ша Гранг был ти ардан (капитан-лейтенант) на одном из крейсеров Его Императорского Величества Военно-морского флота, и командовал ротой морской пехоты. По официальной версии, в ходе бессмысленного морского десанта на побережье Игинцар, когда их бросили подыхать на безнадежном плацдарме, он с горсткой солдат и сержантов пробился из двойного кольца окружения со станковым гранатометом наперевес, и оставляя за собой горы трупов. При награждении участников десанта в штабе морской пехоты случилась безобразная сцена.

Он пришел туда... Пришел в штурмовом снаряжении, пахнущем гарью и кровью, и в сопровождении солдат, которые отныне верили только ему. Для начала он набил морду начальнику штаба и адмиралу, отдавшему приказ о десанте. А потом, под оркестр и телекамеры, похоронил ящик с наградами на городском кладбище...

Естественно, властям такой офицер был неудобен. Слишком уж он отличался от официально-парадного портрета, рисуемого пропагандой. Но война не тетка, и его направили с повышением на самый гнусный пост, который только смогли отыскать. А конкретнее, не успели стихнуть фанфары в честь его возвращения и погаснуть телесофиты, как свежее испеченный майор оказался командиром бригады, сформированной из всяческого мусора. Его подопечные были в основном те, кто успел добраться до призывного пункта раньше, чем до них добралась Мисс Правосудие и смогла дотянуться Мадам Юстиция. За относительно короткое время он сумел превратить толпу голодранцев в первоклассное подразделение. Несмотря на высокую боевую эффективность, писали о нем очень мало. Хотя время от времени кое-какие заметки все-таки появлялись. Ну вот, например. Внизу полосы, мелким шрифтом: там-то и там-то была проведена войсковая операция с участием таких, сяких и 472-й отдельной дассы воздушной пехоты. Просто и без изысков.

Посмотрев на дату последней заметки, я грустно вздохнул. Больше из этого источника ничего не выудишь. Ровно через семь дней после этого события разум майора Ша Гранга расстался с грешным телом, а я занял его место. Где сейчас мечется его любвеобильный и воинственный дух?

Почти всегда моей постоянной спутницей в прогулках по обширному госпитальному парку и примыкающему лесу была медсестра. Звали ее Эрна. Это была веселая и немного застенчивая девушка. Ее почти медно-красного цвета кожа и смарагдовые глаза в сочетании с рыжими волосами и телом, тугим и тонким, словно тетива лука, делали ее совершенно неотразимой. Она ходила ломкой порывистой походкой, и все ее движения напоминали огонь на ветру. И язычок у девушки, острый словно бритва, был ей под стать. Она называла меня Риди, что на местном языке означало «потерянный» или скорее «забытый в суматохе». Во время наших променадов она рассказывала о своем детстве на ферме родителей, о том, как поступала в медицинский колледж, и о своем женихе, враче одного из военно-полевых госпиталей. В ее рассказах доставалось всем. Знакомые, друзья и коллеги с ее слов напоминали альбом с шаржами. Дружескими и не очень. Единственно, о ком она говорила серьезно и с большим уважением, так это о своем отце, который, как я понял, занимал видное место в администрации Императора. Сама же Эрна была раскованной только на словах, и этим резко отличалась от всех остальных. Другие врачи, медсестры и пациенты вполне открыто уединялись со всеми, кто их интересовал в плане сексуального партнерства, причем без каких бы то ни было выяснений отношений. Просто каждый спал, с кем ему нравится, и все. Но Эрна почему-то не делала этого. Или делала... но так тихо, что я об этом ничего не знал.

Была одна странность, которую я заметил, как только смог смотреть по сторонам достаточно внимательно. Это пара санитаров, которые постоянно крутились возле Эрны. Всегда разные, но всегда не меньше двух. Иногда ей удавалось от них слинять. Это сразу было видно по тому, как горели ярким румянцем ее щеки и сбивалось дыхание, а также по тому, что она начинала вести себя гораздо свободнее. Но продолжалось это недолго. Выждав почтительную паузу в несколько минут, охранники, а точнее, их звуки и неповторимый запах оружейной смазки, появлялись рядом...

Как-то при мне глухо упомянули о близком родстве Эрны с начальницей госпиталя и о нескольких скандалах в Столице с ее участием. Причина, конечно, достаточная для того, чтобы убрать девушку подальше. Но чтобы в этом «подальше» приставлять к ней такую плотную охрану... В принципе мне было глубоко начхать, есть там у нее охрана или нет. Они не мешали мне жить. И вообще вели себя исключительно скромно. Поэтому я выбросил эту заботу из головы. Тем более что проблемы, причем совершенно неожиданного свойства, у меня все-таки были.

Постепенно я начал двигаться более уверенно и, как только позволяли обстоятельства, уходил в дальний угол госпитального парка, туда, где ограда была чисто символической. Преодолев это хлипкое препятствие, я оказывался в самом настоящем лесу. Там, вдали от всех, я истязал свое тело тренировками, восстанавливая ту физическую форму, к которой привык. Присмотренная мною поляна находилась прямо у подножия шумного водопада. Почти точно в центре поляны стоял красивый черный валун метров двух высотой с надписью на неизвестном языке. Эта глыба придавала ей вид древнего капища. Именно там мое новое телознакомилось с неизвестными ему тонкостями Движения. Тут-то меня и поджидал главный сюрприз этого мира. Во время тренировок тупая головная боль, так изматывающая меня, уходила, оставляя взамен себя тихую звенящую пустоту. И пустота эта завершала каждое мое движение невероятным выбросом энергии.

В искусстве боя я уже давно не был учеником. Но того, что у меня теперь получалось, я думаю, не мог даже мой Учитель. Очень часто мне приходилось собирать все мое умение, чтобы просто контролировать происходящее. Иногда появлялось ощущение, что я лечу на огромной скорости через плотный лес на мотоцикле и не могу остановиться. Поначалу приходилось следить за каждым движением, чтобы не разрушить все, к чему я просто прикасался. Но постепенно я осознал, что могу управлять этой силой. Все оказалось до обидного просто. Чем старше становилось мое прежнее тело, тем больше я полагался не на мышцы, а на энергетику, компенсируя таким образом старение организма. А в этом мире энергии было столько, что использовать ее можно было только крохотной струйкой. Вот только была одна проблема. Вам никогда не приходилось видеть, как вода течет через маленькое отверстие в основании высокой плотины? Эта тонкая струйка способна резать металлический лист, словно бумагу. В общем, даже очень мало – это все равно было слишком.

Происходило так, вероятно, потому, что место, в котором я оказался, находилось практически в центре звездного скопления. И количество жизненной и прочей энергий было поистине огромным. Местные жители, выросшие под этим прессом, имели энергосистему, похожую на гидростанцию. Они могли использовать сотые доли процента энергии и при этом не перегорать, как бытовая лампочка в высоковольтной сети. Именно это и произошло бы со мной, окажись я здесь в своем старом теле. Ведь в отличие от аборигенов, мою энергосистему можно было бы сравнить с парусами для тихого ветра. Но то, что произошло, было редкостной удачей лично для меня: в мощную и приспособленную для местной нагрузки шкуру вставили мозг, умеющий накапливать большие запасы из ничего и знающий, как их использовать.

Я старался максимально полно освоить неожиданный дар. Сначала пытался проделывать то, что уже умел, но на новом уровне, а затем на этой основе открывал для себя совершенно новые вещи.

Многое из того, о чем я читал или слышал, у меня не получалось. Кое-что из того, что я делал, не было описано нигде. Но я с радостью осваивал этот новый для себя мир. В свое время мне пришлось перелопатить большое количество оккультной и околوماгической литературы. В попытках отделить зерна от плевел я даже ходил на консультации к ребятам из отдела «М-9», которые занимались всем этим. Но тогдашние мои выводы никак нельзя было назвать утешительными. В лучшем случае, если человек не был шарлатаном, он накапливал в себе или в подвластных ему структурах – камнях, металлах или ноосфере – какое-то количество энергии, которое затем использовал. Бойцы в основном работали с собой, остальные – со стихиями. Все прочее было скорее из области психиатрии, престижиджитации или откровенного шарлатанства.

Столкнувшись с энергопотоками, на много порядков превосходящими все, что я мог встретить у себя дома, я взглянул на эту проблему под совсем другим углом.

Те рецепты, которые я тогда забраковал ввиду их полной, как мне тогда казалось, бредовости, здесь работали! Непонятно только, откуда эта информация появилась в нашем мире. И еще я заметил, что в моменты наивысшего накала духа, например, в некоторых боевых режимах или просто в ярости, я делал то, о чем никогда не мог читать или знать. Возможно, таким образом происходил качественный синтез старой информации и нового знания.

Например, мне наконец-то удалось проделать фокус, который показал мне один из моих учителей. На мгновение делать твердое – жидким и наоборот. Теперь я мог без усилий разбить рукой камень, разбрызгав его, словно пакет с водой.

В общем, скучать не приходилось.

Четыре, иногда пять часов интенсивных занятий, и я возвращался в госпиталь, вполне естественно шаркая ногами и вызывая приступ жалости даже у видавших виды медсестер.

Время шло, и я перестал задумываться о странном повороте галактической рулетки, забросившей меня на эту планету. Тем более что здесь мне нравилось куда больше, чем дома.

Мой новый мир был размером примерно с мою родину, но несколько больше. Вращался вокруг звезды класса «Голубой гигант». Аборигены назвали его Алонис. Здесь тоже не очень много суши, а воды значительно больше. Четыре материка и три крупных материковых острова. Климат – в основном тропики и субтропики. На экваторе очень жарко, а полюса умеренно холодные, с частичными зонами ледников. По всей планете много лесов и озер. День и ночь чуть короче, чем на Земле, а вот год длиннее из-за более высокой по отношению к местному солнцу орбиты.

Отдельная история была с переводом местной системы мер и весов к понятным мне соотношениям. В итоге, я просто посчитал все от нескольких известных мне констант. Скорость света и некоторые другие постоянные, как мне показалось, величины, стали основой для сравнительных оценок двух миров. Получалось, что гравитация Алонис процентов на тридцать выше земной. Связано это было не только с большими размерами планеты, но и ее более высокой плотностью.

Огромное количество природных ископаемых в основном рудного типа составляет главное богатство Алонис. Ртуть, золото, ванадий, германий, ниобий и многое другое, что на моей родине относится к классу редкоземельных, тяжелых или драгоценных металлов, здесь в порядке вещей. А вот нефть, уголь и вообще углеводороды – напротив, редкость. Но это, кстати, пошло только на пользу экологии планеты. Миниатюрные ленточные, точечные и прочие реакторы успешно заменили все вонючие двигатели внутреннего сгорания.

В плане развития техники все было почти как у нас, за исключением того, что мы только-только подошли к решению проблемы гравитации, а здесь легкие аппараты на антиграв-подушках были в порядке вещей. Правда, стоили они баснословно дорого. Компьютеры, впрочем, были исключительно аналоговые.

Еще были несущественные отличия в технологии производства пластмасс, да и то в силу небольшого количества природных источников сырья.

В общем, мир как мир. Политическая карта давно устоялась и до сих пор не перекраивалась. Шестьдесят пять государств, из которых три по-настоящему большие, а остальные калибром помельче. И еще – война. Видимо, как и во всех мирах... Арлинг Аа, один из материковых островов, затеял войну против Киит ратс, одной из трех супердержав. И затеял, надо сказать, вполне успешно, так как фронт быстро передвинулся из равнинной части вглубь континента. Теперь война в перспективе угрожала и остальным странам. Но они, естественно, не спешили ввязываться, надеясь выгадать наиболее благоприятный момент для вступления в конфликт. Строго говоря, с точки зрения геополитики эта война была не совсем логична. У небольшого островного государства в принципе не было никаких шансов удержать завоеванную землю. Даже если представить себе, что маленькое и не очень богатое государство чудом победит в войне, неужели остальные сверхдержавы позволят ей воспользоваться всеми сырьевыми богатствами завоеванных территорий?

Странностей у этой войны было много. Жители Алонис вообще мало воинственны. А люди страны, в которую я попал, отличались вполне миролюбивым характером даже на этом

благостном фоне. Военные конфликты были огромной редкостью. Например, предыдущая война была лет триста тому назад. Причина тому – прежде всего достаточно низкая плодovitость местного населения. Несмотря на историю более чем в 20000 лет, население планеты едва-едва перевалило за три миллиарда. При этом женщин на планете было больше шестидесяти процентов. Следствие – полигамия как норма. Кроме этого, в условиях почти повсеместных субтропиков земля могла прокормить и в десять раз большее население, а природные ископаемые освоены всего процентов на десять. Каждая из стран имела нечто такое, что позволяло ей успешно обмениваться с другими. Короче, экономической основы у этой войны не было. А раз так, то и войны быть не могло. Однако ж война шла. Значит, я эту экономическую основу где-то прозевал...

Моя новая родина первое время терпела поражение за поражением, несмотря на достаточные людские и промышленные ресурсы и некоторое превосходство в вооружении. На момент начала войны у нее не было даже приличной армии. Был военный флот для защиты от контрабандистов, какие-то военизированные полицейские части, пограничная охрана и «Имперская безопасность». Именно они приняли первый удар экспедиционного корпуса арлингов. Жители перенаселенного материкового острова Арлинг, ставшие почти поголовно под ружье, с невиданной доселе для этого мира жестокостью принялись уничтожать все, что встречалось на их пути. А Киит ратс, не умеющие воевать и не имеющие инстинкта охотника, гибли сотнями и тысячами. Но со временем бойня, длившаяся уже два с половиной года, научила этих людей сражаться. Недаром говорится, что лучшая академия для солдата – это война. Фронт начал понемногу стабилизироваться. Если Киит ратс продержатся еще немного, то превосходство в ресурсах скажется. И тогда война покатится в обратную сторону. Но, по моим прикидкам, минимум еще два-три года тяжелейших позиционных боев обеим сторонам были гарантированы.

Нашего госпиталя, находившегося в горах на границе с еще одной страной, Истанди, война касалась лишь косвенно. Сюда не доносилась канонада орудий и рев моторов боевых машин. Но периодически приходил транспорт, из которого выгружали то, что еще недавно было крепкими и здоровыми мужчинами и женщинами. И сколько бы я не видел подобных картин и в своей прошлой жизни, все равно привыкнуть к этому так и не смог. А в госпитале, похоже, работали не врачи, а боги. Как иначе объяснить то, что из кровавых обрубков, которые попадали им в руки, за пару месяцев, а в особо сложных случаях за год, они собирали здоровых людей? Это и в самом деле было похоже на чудо. Помню, в палате напротив жил танкист, у которого нижняя часть тела просто сгорела. Его привезли в специальном контейнере, который заменял ему почти все органы. Так вот, недавно этого парня свинтила военная полиция за жуткий дебош в местном бардаке...

Несмотря на то, что медицина почти стопроцентно возвращала людей в строй, здоровье «родившихся заново» было очень часто только внешним. Люди, испытавшие шок и боль смерти, примерно в трети случаев были неспособны к активной жизни. На все отпущенные им судьбой годы они оставались тихими, задумчивыми старичками. Поэтому никто не удивлялся ни моим долгим прогулкам, ни другим странностям. За годы войны персонал видел и не такое. Естественно, я не мог скрыть улучшение своего физического состояния. Тело почти полностью потеряло жировую прокладку, и мышцы практически пришли в необходимую мне норму. Но я, как мог, симулировал упадок сил, который можно было списать на последствия реанимации.

Как-то вечером ко мне зашла Эрна и, немного запинаясь, храбро объявила мне, что сегодня она возьмет на себя такую ответственную процедуру, как мое вечернее омовение... Хорошо, что в госпитале прекрасная звукоизоляция. В порыве страсти Эрна стонала так громко, что я

всерьез испугался за свой слух.

На следующее утро я позволил себе немного полениться и встал необычно поздно. Медленно и со вкусом принял душ, посмотрел на часы и решил, что еще вполне можно прошвырнуться на кухню за завтраком.

В легкой накидке-дхати больничного покроя я выскочил в коридор и пошел на первый этаж, где находился кухонный блок, не забывая при этом прихрамывать и подволакивать ногу. Проходя мимо холла, я немного притормозил, увидев на экране выпуск новостей. Давали последние известия и фронтовую хронику. В общем, ничего интересного, если б не сюжет, в котором показали пленных арлингов. Шесть человек в темных серо-коричневых пятнистых комбинезонах стояли плотной группой под охраной конвоя. На фоне видны были несколько сожженных домов и прокопченный гусеничный рейдер. Неожиданно камера взяла крупным планом лицо и глаза одного из пленных. От неожиданности я застыл как вкопанный. Я знал этот взгляд. Холодный и уверенный взгляд профессионального наемника и солдата, провоевавшего всю свою жизнь. Откуда на планете, где практически не было войн, могли взяться профессионалы? Это был еще один вопрос, который мне некому было задать.

С грустными мыслями я продолжил свой путь по больничному коридору и уже подходил к столовой, как навстречу из бокового прохода вышла улыбающаяся Эрна под руку с каким-то парнем в форме офицера-связиста. Я было подумал, что это ее жених, но даже в их бардачной армии врачи не носили чужих знаков различия.

Увидев меня, Эрна засветилась еще больше. Она подскочила ко мне, взяла за руку и буквально подтащила к этому парню.

- Риди, познакомься, это мой брат Ластор!

- Ты не говорила, что у тебя есть брат...

Я коснулся ладони Ластора в традиционном приветствии. Рука у него была сухая, плотная и шероховатая.

- Он мне брат только по отцу. У нас были разные мамы.

- Калтор, как вы ее терпите? У Эрны с детства отвратительный характер и привычка придумывать различные прозвища. Меня, например, она называла Хасто (щепка).

Ластор был первый, кто произнес вслух при мне мое звание, и почему-то мне это было приятно. Хотя в остальном все было ясно, как день. Вопрос заключался только в том, работает ли Эрна целиком и полностью на контрразведку или совмещает приятное с полезным.

- Ну, так уж и терпеть, - улыбнулся я. - Можно подарить ей эхо, чтоб не зазнавалась.

- Это как это? - Эрна подозрительно нахмурилась.

- Ну, например, называть тебя Арк на (крикливая).

Эрна покраснела и, опустив голову, как-то исподлобья виновато посмотрела на брата. В ответ он ласково погладил ее по щеке, усмехнулся и произнес:

- Ладно, ладно. Зато теперь я знаю, что и на твой острый язык нашелся камешек.

Вдруг Эрна схватила брелок-часы, висевший между ее очаровательных холмиков, поднесла его к глазам и достаточно натурально всплеснула руками.

- О, Ластор, мне надо срочно бежать в операционную. Я сегодня дежурю с доктором Ир-Хасти, а она очень не любит, когда мы опаздываем.

- Беги. А мы с Ша Грангом пока погуляем по парку. Надеюсь, калтор не возражает поскучать со мной, пока ты будешь занята?

Он поднял на меня глаза. Чуть зеленоватые, ясные глаза предельно честного и немного усталого офицера.

Я чуть было не зааплодировал. Bravo. Это был высокий класс. Естественно, единственное, что я мог сделать в этой ситуации - не испортить песню.

- Конечно, ардан Ластор! Если только вы немного поможете мне спуститься с лестницы. У меня, знаете, иногда бывают болевые приступы, и мне нужна чья-нибудь помощь.

Никакой помощи мне, естественно, не требовалось. Я уже мог пробежать двадцать-тридцать километров по холмам, густо поросшим горным кустарником, при этом не оцарапавшись ни разу. Но ардан Ластор должен был увидеть во мне боевого офицера, ставшего по нелепой случайности инвалидом и нагородившего вокруг этого кучу комплексов.

- Конечно, с удовольствием! - отозвался «брат» Эрны.

Эрна по очереди поцеловала сначала его, а потом и меня, задержавшись при этом на мне чуть дольше, чем позволяли приличия, и, резко крутнувшись на каблучках казенных форменных туфель, быстро пошла, почти побежала по направлению к операционному блоку.

Мы проводили взглядами стремительно удаляющуюся по коридору гибкую фигурку Эрны, и капитан почтительно и осторожно, как и подобает младшему по званию, взял меня под руку.

Несмотря на дневное время, в парке не было жарко из-за большого шумного водопада и озера, образованных горной речкой. Вода в реке была холодна, как лед, и не было большего наслаждения для меня, чем в жаркий полдень окунуться в кристальную свежесть горного озера.

Мы неспешно гуляли по парку и вели старую, как Время, дуэль. Вот только мой визави вряд ли догадывался, что я играл в эту игру немного дольше, чем он. Примерно вдвое.

- Ша Ластор, как вы полагаете, долго еще продлится эта война?

- Ну, не знаю... Мне трудно судить - я ведь не в центральном штабе служу. Но думаю, долго. Мы ведь только-только стабилизировали линию фронта. Кстати, в этом есть и немалая ваша заслуга. Ваша и ваших солдат.

- К сожалению, ардан, я ничего не помню об этом. История началась для меня в больничной палате. И то, о чем вы говорите, для меня, к великому сожалению, пустой звук. Конечно, я читал о своих подвигах в прессе. И даже как-то видел свое лицо в хронике. Но все это, - я посмотрел задумчиво на озеро, - все это для меня просто истории, случившиеся с другим человеком.

Мнимый брат Эрны от нетерпения заглянул мне в лицо.

- Вы, что, совсем ничего не помните?

- Ластор, я даже говорить и ходить учился заново!

Самым забавным в этой ситуации было то, что я говорил правду. Только не всю. Но и не врал. Это было главное. Чем черт не шутит - вдруг они подослали ко мне сенситива. А эти парни чувствуют ложь за километр.

Немного разочарованный, Ластор замолчал. Мы молча шли по тенистой тропинке вдоль озера. И когда молчание стало набухать, как грозовая туча, я решил, что моя очередь делать ход.

- Ластор, вы ведь специально приехали поговорить со мной?

От удивления у бедняги даже шаг сбился.

- Да нет, просто я давно не виделся с сестрой и был неподалеку по делам службы, вот и решил заехать. А почему вы так думаете?

- Просто в свое время Эрна мне многое о себе рассказала, в том числе и о своем первом парне, и о массе других интимных вещей. И если она ничего не рассказала о вас, то возможны только две причины. Первая - у неё никогда не было никакого брата.

К этому моменту Ластор уже вполне овладел собой и даже немного хохотнул вслед моим словам.

- А какая же вторая причина?

Мы уже никуда не шли, а просто стояли в самом глухом месте парка друг против друга, словно готовясь перейти от слов к делу.

- Ну, это совсем просто. Если у неё все-таки был брат, и она смолчала о его существовании, то этому может быть опять же только одно объяснение.

- Какое же?

От удивления он даже слегка замер. Нет, мальчик, тебе еще учиться и учиться...

- Эрна смолчала бы о вас только в том случае, если б имела на это самые веские основания. Например, род ваших занятий. В любом случае, мы приходим к одному и тому же результату. Вы из разведки ардан или из Безопасности. В отличие от ног, голова моя в полном порядке.

Я помолчал.

- Говорите, ардан, зачем пожаловали! Иначе я всем расскажу о вашем визите, и тогда вас не допустят даже наклеивать марки на конверты...

Ставший мгновенно красным, как раскаленная болванка, готовый вот-вот взорваться, Ластор вдруг как-то сразу осел, словно из него выпустили воздух. Прислонившись спиной к стволу дерева и глядя куда-то через мое плечо, он начал рассказывать.

- По приказу алго Ритона вас вызвали из подразделения в научный центр Адисти. Это совершенно секретный объект, подчинявшийся непосредственно алго. Во время вашего пребывания в центре на него неожиданно совершила налет авиация арлинггов. Естественно, никакой зенитной защиты центр не имел, так как считалось, что арлинги ничего о нем не

знают. Ну, в общем, в результате бомбардировки комплекс был почти полностью разрушен, а единственный, кто остался в живых в блоке «Гонпо» – это вы...

Не оборачиваясь ко мне, он достал правой рукой из кармана форменной куртки маленький листок и протянул мне. На фотографии было крупным планом изображено незнакомое мне лицо пожилого человека с крупными чертами лица. Лицо как лицо, только вот складки в уголках рта выдавали характер жесткий и решительный. Я пожал плечами и вернул фотографию.

- Алго Ритон?

- Да. - Офицер кивнул. - Он погиб вместе с институтом. И мы теперь не знаем, ни чем занимался центр, ни откуда была утечка информации. То есть вообще ничего. Единственная наша надежда, может вы все-таки вспомните, что произошло в Адисти во время вашего посещения.

- Сожалею, но ничем не могу помочь.

Я вежливо и немного церемонно поклонился, слегка дернул кончиками губ, словно от боли, и демонстративно оперся о дерево.

Тем и закончилась наша беседа. Мы молча дошли до дверей госпиталя, где Ластор, сухо попрощавшись, быстро пошел к воротам, и уже через минуту его флаер взмыл в утреннее небо.

День прошел, как обычно. Только вот Рат Са взялась за меня чуть серьезнее обыкновенного. Уже ближе к вечеру, освободившись от ее процедур и того, что за ними последовало, я все-таки решил не пропускать тренировок и потихоньку слинял в лес.

Сухожилия мои окрепли уже настолько, что я решил попробовать их при полной нагрузке. Ката «Огненного ветра» показалось мне достойной сегодняшнего дня, и я, начав с короткой медитации, целиком погрузился в тягуче-медленное и взрывное движение старого, как мир, Ба-Гуа. Конец ката, жесткая и прямолинейная серия предельно концентрированных ударов, неожиданно не принесла равновесия духа. Я чувствовал, конец должен быть другим. На мгновение я прислушался к себе в поисках ответа, а найдя его, замер в положении Да-дзати, всем телом ощущая зарождение мощного вихря на стыках потоков неба и земли. Но неожиданно что-то изменилось. Обычно Да-дзати позволял сбросить лишнюю энергию. Но вместо этого я ощутил, что меня словно подключили к сети высокого напряжения. Бешеный поток захлестнул меня так, что я почти потерял контроль. Целый океан энергии вливался в меня и спрессовывался адской пружиной. Вихрь раскручивался медленно и неотвратно, как огромный маховик, а потом все быстрее и быстрее, пока все мое тело не окутало призрачное голубое сияние. Я еще балансировал некоторое время на равновесии потоков, судорожно пытаюсь сообразить, куда можно без ущерба слить это безобразие, а потом, повинувшись скорее интуиции, чем знанию, резко разорвал кольцо вихря и швырнул его в сторону огромного валуна, стоявшего посреди поляны. На мгновение все замерло. А потом из камня вырвался сноп синих искр, метнувшийся в мою сторону. Я ничего не успел понять, как пламя впиталось в мое тело, словно вода в губку. Я только охнул от гаммы неожиданных ощущений и едва успел отскочить от брызнувшего во все стороны раскаленного добела гранита.

И тут слева сзади кто-то вскрикнул от боли. Еще не остывший от выплеска энергии, я рывком переместился в эту точку, чуть не наступив на бледную, как мел, Эрну. Вид ее был ужасен. Ее белоснежный комбинезончик был весь закопчен, а местами прожжен насквозь. Коленки и локти почернели от грязи. Вероятно, ее швырнуло оземь взрывной волной, а после достало

брызгами раскаленного камня. Но как ни ужасна была ее одежда, лицо ее выражало нечто вообще непередаваемое. Ее била крупная дрожь, в лице ни кровинки, глаза полны слез, словно помирать собралась. Нет, вообще-то, я ее понимал. Наверняка ей не слишком часто приходилось видеть такое. Я просто молча стоял, мучительно пытаюсь подобрать какие-то слова, как Эрна вдруг встала, мелкими шажками подошла ко мне на расстояние вытянутой руки и, неожиданно опустившись на колени, прикоснулась своими нежными, как утреннее солнце, губами к моим черным от пыли ногам.

От неожиданности меня заклинило. Я стоял, как последний идиот, и размышлял, где это я мог прощелкать свои больничные тапочки, вполуха слушая, как она, плача и смеясь одновременно, все поминала какого-то Бикху.

А потом я поднял легкое, словно пушинка, тело на руки и, приговаривая разную ласковую ерунду, понес Эрну в госпиталь, а она все пыталась вырваться, непрестанно молотя бессвязную чушь. Так мы и вошли через задние ворота в приемную часть, где я сдал ее подскочившим санитаркам. Они без долгих разговоров и расспросов принялись хлопотать над ней, а я, отделавшись короткой ложью о молнии, ударившей в валун, побрел в свою палату спать.

Ночь прошла отвратительно. Перед сном я глянул в Сети, кто такой этот Бикху. Он оказался членом местной команды богов. Причем самым воинственным. Своего рода богом войны. Засыпая, я думал о том, как, наверное, хорошо оказаться самым крутым в детском саду...

Первым делом с утра я решил пробежаться до той поляны, где меня вчера видела Эрна. О том, что она могла рассказать в больнице, я не беспокоился. Слишком невероятно звучала бы ее история. А вот вещественные доказательства мне были совершенно ни к чему. Я быстро добрался до места и начал с общего осмотра. Примерно треть поляны занимал полурастекшийся валун. Вокруг него, примерно на десять шагов, была выжженная трава в обрамлении поваленных и обуглившихся деревьев. Красота! Ничего себе я вчера порезвился... Запах гари был так силен, что перебивал все остальное. Само собой, я ни на секунду не сомневался, что ни у кого не хватит наглости заподозрить бедного инвалида в сотворенных ужасах. Но для пущей уверенности мне не хватало моей больничной обуви. Ее-то я и собирался разыскать. Лучше всего было бы, если б тапки оказались под слоем расплавленного камня. То есть попросту сгорели. Я осматривал поляну, пока не наткнулся на пару таких же внимательных глаз. В кустах у дальнего края поляны, метрах в двадцати от меня, почти полностью скрытый плотными зарослями, стоял человек среднего роста в грязном зеленом комбинезоне. Естественно, если бы не запах гари и не грохот водопада, я почувствовал бы его присутствие раньше. Поняв, что его заметили, он вышел на поляну, профессионально-небрежным жестом забросив за спину нечто короткоствольное.

- Управление разведки. Ты не подскажешь, что произошло здесь вчера ночью?

- Не знаю, - сказал я медленно и задумчиво. - Вечером гулял возле озера и видел вспышку. Потом сразу раздался звук, похожий на треск грома. Тогда было уже темно, вот сегодня с утра я и решил посмотреть, что здесь произошло.

Он улыбнулся щербатым ртом и махнул кому-то рукой. Тотчас же на поляне появились еще четверо в таком же замызганном камуфляже. Они даже не стали прятать оружие. Просто вышли с автоматами наперевес, обступив меня полукругом. Судя по состоянию одежды и обуви, ребята протопали не один десяток километров. Разумеется, ради удовольствия посмотреть на горную полянку с разбитым валуном.

- Вы прилетели утром? - безмятежно спросил я.

- Ну да, а что?

Щербатый подозрительно нахмурился.

- Да нет, я просто думаю, где это вы успели так испачкаться...

Я продолжал сидеть на корточках, и они, стоя вокруг меня, босого и безоружного, ощущали полное превосходство и не спешили нажать на курок. Я слышал их дыхание и чувствовал отвратительный тошнотворный запах, который издавали их комбинезоны. Не то стиральный порошок, не то антисептик. Одно я знал точно. Типов с таким запахом надо убивать как можно скорее. Чтобы сами не мучились и не терзали окружающих.

Я поднял голову.

- Кстати, у нас не говорят просто «Разведка». Говорят «Военная Разведка», «Территориальная Безопасность» и так далее. Просто разведка есть только у арлингов. У вас здесь что, был тайник?

Это был наглый выстрел наугад. И очень характерно, что он попал в цель.

- Ты слишком разговорчив, а, инвалид?

Он поднял голову, как будто хотел посмотреть за горизонт, а его плечо медленно пошло вверх, снимая часть тяжести с ноги, бедро которой сдвинулось назад для удара. Я тихо выдохнул, словно выпускал из груди легкую птичку, и бумажным мячиком мягко кувыркнулся под разведчика, стоявшего дальше всех. Распрямляясь за его спиной, красный дракон взмахнул своим хвостом и, развернувшись, ударил крыльями по воде. Минус три... Нож с чужих набедренных ножен серебряной искрой нырнул в горло четвертого. Щербатый, оторопев, смотрел на то, что еще мгновение назад было его соратниками. Но я недаром избрал на десерт именно его. Одно быстрое движение плечом, и автомат черной рыбкой выскользнул из-за спины прямо ему в руки и забился в конвульсиях, выплевывая сгустки пламени. Целый рой черных пчел широким веером суетливо прогудел в одну сторону, а голова беззубого полетела в другую. Он рухнул, захлебываясь собственной кровью, и, падая, все еще продолжал давить на курок, поливая смертью уже чужой для него мир...

Звук автоматного глушителя был похож на шипение целого клубка рассерженных змей. Хорошо, конечно, что никто не прибежит на выстрелы, но надо хоть кого-то предупредить о высадке разведгруппы. Ведь не пятерых же выбросили. Я бегло осмотрел себя: нет ли на мне пятен крови, и потрусил обратно, сожалея, что так и не обнаружил своих тапок. Похоже, придется сегодня ночью наведаться на склад.

Я так торопился, что выскочил на госпитальную площадь быстрее, чем успел осознать изменения, произошедшие за мое недолгое отсутствие.

На площадке перед госпиталем стояли колесный армейский грузовик, легкий гравиход и невиданная мною ранее толстобрюхая машина, похожая на самолет вертикального взлета. Было еще человек пятнадцать в камуфляжных комбинезонах, удивительно похожих на те, в которые были одеты убитые мной. Я сначала подумал, что это и есть основная часть десанта. А увидев в толпе одного из знакомых мне офицеров-территориальщиков, успокоился. Но что-то все-таки в них было не так. Через мгновение я понял, что. Все солдаты пахли точно так же, как

и те, кого я убил на поляне. Конечно, диверсанты могли надеть такую же форму и почти наверняка могли воспользоваться подобным оружием. Но применять для стирки комбинезонов точно такое же моющее средство – это, по-моему, слишком.

Обходя этот базар по периметру ограды, я мучительно думал, что же мне со всем этим делать. И тут я натолкнулся на Рат Са. Она громко спорила о чем-то с невысоким плотным офицером в погонах алго да-ри (генерала территориальной контрразведки). Я уже почти проскользнул мимо, когда сквозь крики и гомон услышал имена: мое и Эрны. Неясное предчувствие почему-то сразу сжало мое сердце, и я подошел к ним.

- Гранги, где ты был?..

Я пожал плечами.

- Гулял. А в чем дело?

- Десант! – Она выдохнула это слово, как люди говорят о страшном суде. – Я боюсь, с Эрной что-то случилось. Мне сказали, ты принес вчера ее всю обожженную, санитарки мелют какую-то чушь про молнию, тут еще ты пропал, а с утра я пришла, а ее нет, мне сказали, якобы она увидела из окна, как ты уходишь, и побежала за тобой. Кто-нибудь вообще мне скажет, что тут происходит?!!

Она сыпала словами, словно крупой, и я несколько секунд осмысливал их, прежде чем ответить, но меня неожиданно прервал генерал.

- Это тот самый потерявшийся больной?

Рат Са кивнула.

- Ну и девочка ваша найдется.

- Вы не понимаете! Она уже давно должна была прийти. С ней наверняка что-то случилось...

Генерал терпеливо, видимо, уже в который раз, произнес.

- Мы обязательно найдем вашу девочку. Я уже послал на поиски своих людей. А пока я должен увезти вас в город, пока это не кончится.

- Никуда я не уеду! Это мой госпиталь, и здесь мои люди...

Я решил вмешаться.

- Алго, можно я попробую ее уговорить? – Я повернулся к ней и добавил: – Ратти! На два слова, можно?

Она посмотрела на меня, как на слабоумного. Потом, видимо, вспомнила, что она все-таки врач, и неловко улыбнулась.

- Ратти, ты знаешь этого парня?

Я говорил тихо, но внятно, совсем не желая, чтобы наш разговор подслушал стоявший недалеко от нас генерал. При этом я медленно вел ее к госпитальным дверям подальше от солдат.

- Нет, конечно. Но перед его приездом позвонил калтор да-ри Ша Риги...
- Этот? - Я кивнул на стоявшего неподалеку человека, которого сам знал как сотрудника «да-ри» - территориальной контрразведки.
- Да, это он...
- Ратти, это арлинги!
- Что за чушь, я знаю Риги много лет...
- Ратти, подумай внимательно, что может быть нужно арлингам в нашем чертовом госпитале. Ну!
- Почему ты решил, будто это арлинги?
- Да потому, что пятерых я уже прикончил.
- Ты?!! - Она криво улыбнулась. - Да ты даже ходишь с трудом!

Я уже довел ее до почему-то безлюдного сегодня госпитального холла, где стояла операционная тележка с хирургическими инструментами под белой тканью.

- Если я докажу тебе, что ты не права, ты мне поверишь?

Снова кислая улыбка, кивок головы.

- Интересно, как ты это сделаешь?
- Стена за тобой из пластобетона?
- Да...
- Ты знаешь кого-нибудь, кто мог бы пробить в нем дыру?
- Это невозможно, ты сам прекрасно знаешь. Если нам нужно что-нибудь повесить, мы это просто приклеиваем.
- Смотри!

Я откинул с каталки белоснежное, остро пахнущее антисептиком покрывало, и взял большой нож для вскрытия. Потом медленно выдохнул, словно выдавливая воду из легких, и коротким дугообразным движением послал его в стену. Сухо звякнув, нож до середины лезвия вошел в бетон.

Беспомощно оглянувшись и не веря своим глазам, Рат Са подошла к стене и, взявшись за рукоятку ножа, потянула его на себя. С таким же успехом она могла тянуть на себя замурованный крюк.

Я шагнул к ней, взял ее руками за плечи, развернул лицом к себе и слегка потряхнул, приводя в чувство.

- Теперь ты ответишь на мой вопрос?

Она кивнула.

- Им, скорее всего, нужна Эрна.

- Зачем?

Ратти помолчала и, глядя в пол, произнесла:

- Она единственная дочь Ша Дарха...

Я тихо выдохнул. Матерь Божья! Просто заповедник непуганых идиотов.

- Дочь Императора работает простой санитаркой?

- Нет, ее убрали сюда потому, что уже было несколько попыток похищения.

- А как же рассказы о пасторальном детстве на ферме?

- Это не ферма. Она выросла в родовом имении Дархов на Аса ло Тир.

- А почему этот урод хотел увезти и тебя?

- Эрна моя дочь...

Я опешил от неожиданности.

- Ты императрица?!!

- Нет.

На этот раз ее улыбка была просто усталой.

- Я всего лишь мать единственной наследницы престола.

О боги, ну я и влип.

- А где ваша охрана и тому подобное?

- Лидор и его люди отправились на поиски Эрны еще с утра.

Я задумался.

- Слушай, здесь наверняка есть бомбоубежище?

- Что-что?

Она нахмурилась.

- Ну, место где прячутся от авианалета, - пояснил я торопливо.

- Нет, только подвал, где стоят реаниматоры.

- Сколько вам нужно времени на эвакуацию?

- Как только поступило сообщение о десанте, все больные и персонал спустились туда.

- Так, - твердо произнес я. - Бегом в подвал и не высовывать носа, пока все не кончится.
- Но я не могу бросить Эрну одну.
- У тебя есть рота морских пехотинцев?
- Нет, но и у тебя нет роты.
- Я сам, как рота.
- Тогда у меня есть ты, - сделала логичный вывод Рат Са.

Я начинал потихоньку закипать, а это было плохо.

- Послушай, тогда твоя рота пойдет и немного повоюет, а ты прикинься, пожалуйста, черной тряпчочкой в темном углу и постарайся не отвечивать.

- А чем будет воевать моя доблестная рота? Этим?

Она хмуро кивнула на хирургические инструменты.

- Могу и этим. А у тебя есть идеи получше?

- Есть!

Опершись одной рукой, она легко перебросила тело через стойку дежурного и шагнула к шкафу с лекарствами. Я предположил, что мне предложат сражаться с помощью аптечных пузырьков, но когда полка с медикаментами крутнулась на невидимой оси, открывая полость второго дна, я даже оторопел от обилия предметов для убивания себе подобных.

То, что вынула Рат Са из чрева безобидного на вид шкафчика, немало меня поразило. Такой штуки моя богатая практика еще не знала. Большой, да нет, просто огромный пулемет или даже небольшая пушка. Я успел лишь подумать о том, какая отдача должна быть у такого монстра, как с площади перед госпиталем раздался знакомый голос Эрны. Не голос, а, скорее, жалобный вскрик. Я только успел выдохнуть: «Ратти, прикрой!» и выскочил наружу.

Я видел, как беспомощно отбивавшуюся Эрну волокли к той самой странной машине, которую я принял за самолет вертикального взлета. Времени у меня было лишь на то, чтобы одним ударом кодовой фразы вогнать себя в состояние дхати. Плата за состояние чудовищного ускорения - порванные мышцы и связки, пережженные нервы - все это будет потом. А пока мое тело скользило по бетону, почти не касаясь его, и звеня тонкой струной смерти.

Я влетел в толпу, окружившую самолет, словно снаряд. Руки сами, будто у них появился свой разум, раскрылись крыльями, унося в смерть двух солдат. Потом были еще и еще. Кто-то кричал, кто-то пытался стрелять, но мое движение было за гранью их восприятия.

Этот карнавал был не только моим. За моей спиной, там, где был центральный вход, громко ухнуло, и прицелившегося было в меня солдата разорвало пополам. Не утруждая себя убивать всех, я убивал только тех, кто преграждал мне путь к самолету, куда утащили Эрну.

Прорвавшись наконец к закрытой двери, я ударом обеих ног в прыжке вогнал ее внутрь, успев услышать предсмертный хруст чьих-то костей, и оказался лицом к лицу с тем самым парнем, на котором был мундир генерала. Он держал Эрну за волосы перед собой, а его пистолет смотрел девушке в затылок. Грамотно смотрел, снизу и чуть сбоку. И он был чертовски

напуган, этот козел. Внезапно глаза Эрны закатились, и она обмякла в его руках, на долю секунды открыв его голову. Во мне что-то щелкнуло. Мгновенная дрожь пробежала по моему телу, заставив сердце на миг сбиться с ритма, и, словно в моих ладонях была какая-то жидкость, я сделал жест, будто плеснул ее ему в лицо.

Я хотел всего лишь отшвырнуть его в сторону энергоударом. Но что-то, видно, закоротило в Датском королевстве.

Бледно-лиловый шар, сорвавшись с моих пальцев, влетел ему в лоб, на мгновение окружил голову призрачным сиянием и взорвал ее, словно гранату, разбросав вокруг кровавые ошметки.

Летчик, заляпанный багровой кашей, пытался что-то сорвать у себя с пояса, когда удар моей ладони превратил его горло в плоский блин. Ломая пальцы, я выдернул из руки самозваного генерала пистолет и поспешил скорее наружу, где по моим расчетам еще кто-то оставался.

Но врагов уже почти не было. Только трое залегли за флаером и осторожно отстреливались от Ратти, бившей прямо из полутемного холла больницы. Солдаты находились на ярком солнце, и, кроме черного провала, ничего видеть не могли. Тогда как Рат Са прицельным огнем постепенно превращала флаер в кучу железа. На моих глазах в темноте за остатками дверей что-то вспыхнуло, потом рывкнуло так, что заложило уши, и неосторожно высунувшегося солдата просто разорвало в кровавые клочья. Я не стал продолжать их дуэль и, вскинув оружие, пристрелил оставшихся в живых. Ничто вокруг не шевелилось и вообще не подавало признаков жизни. Я устало опустился на лесенку трапа. И тут внезапно в глазах все поплыло, и я отключился.

Очнулся я оттого, что кто-то осторожно смачивал мои губы водой. Я попытался что-нибудь сказать, но у меня ни хрена не вышло. Вместо слов я издал какой-то хриплый звук, похожий на скрип ржавого железа по битому стеклу. Потом я попробовал сдвинуться немного в сторону и решил, что связан по рукам и ногам.

Понемногу сфокусировав зрение, я увидел прямо возле меня Эрну с мокрой тряпочкой в руках. Она что-то весело щебетала, но я не мог ее понять, ибо отяжелевшая голова гудела, словно в ней поселилась авиационная турбина. Погоревав немного о том, что в такой маленькой и бестолковой голове живет теперь такая шумная штуковина, я вновь провалился в беспамятство. А потом я снова очнулся, и снова ненадолго. Но теперь я успел разглядеть и комнату, в которой находился, и неизменную Эрну у изголовья моей кровати, и двух здоровенных мужиков в темно-синих мундирах, пасущихся здесь же.

Зажило на мне все, как на собаке, быстро и почти без последствий. Наверное, помогло то, что за мной теперь ухаживало сразу несколько врачей и медсестер. Суета вокруг моего ложа немного утомляла меня, но я не мог не отметить высокой эффективности их действий. Некоторое время донимал позвоночник, но и он вскоре перестал болеть.

Через несколько дней я понял, что смогу ходить самостоятельно. Дождавшись отсутствия докторов и добровольных сиделок, я сделал попытку подняться с кровати.

Я ожидал, что те здоровые мужики, которые постоянно дежурили в моей палате, как-то помешают мне встать или хотя бы попробуют это сделать. Но рука, тщетно и неловко искавшая опору, вместо мягкой ткани постельного белья встретила твердую, как камень, плоть. С трудом повернув голову, я увидел, как один из двоих находившихся в палате офицеров встал на одно колено рядом с кроватью так, чтобы я мог опереться о его плечо. Его рука быстро, но без

лишней суеты скользнула мне на спину и помогла сесть. Так же быстро и молча другой офицер заглянул мне в глаза и, поняв, что я хочу встать, помог спустить ноги с кровати и обуть легкие сандалии. Потом, подперев с двух сторон, они синхронно подняли меня на ноги. Все это было проделано так быстро и с такой сноровкой, что я не успел понять, как оказался на ногах, а на плечах уже лежала плотная накидка.

Оба офицера были выше меня, значительно шире в плечах и, судя по тому, как легко они меня держали, обладали огромной физической силой. Я стоял, покачиваясь, и незаметно проверял работоспособность своего тела. Все было на удивление неплохо. Кости – порядок. Мышцы – немного тянут, но пока сойдет. Ливер тоже вроде бы неплохо. Энергоканалы? Стоило мне приоткрыть внутренние шторы, как в меня полился такой сильный и чистый поток жизненной энергии, что чуть искры из глаз не посыпались. От неожиданности меня зашатало и, если бы не помощники, я бы упал. Я помотал головой, отгоняя мгновенно налетевшую дурноту, и крепче встал на ноги.

- Погуляем?

Это подал голос тот, который был постарше. Скосив глаза, я увидел на его плечах погоны эхора (полковника). Второй, молодой капитан, стоял молча.

- Ну, погуляем, – проскрипел я.

- Парк? Анфилада? Библиотека?

- Чего?! Черт, где я нахожусь?

Бровь полковника медленно и вопросительно изогнулась, напоминая спину удивленной кошки.

- Это Таи Гат! – со значением произнес он.

- Ага... Резиденция императора. – Я помолчал, переваривая сказанное. Ясно. Благодарность папани за спасение единственного чада. – Тогда в парк. Слышал, у вас здесь великолепные фонтаны?

Ничуть не удивленный полковник утвердительно кивнул.

- Да. Но, к сожалению, всего комплекса сейчас мы не сможем увидеть.

- Что, ремонт?

- Нет. Император принимает официальную делегацию Истанди.

- Ну, тогда пройдемся где-нибудь с краю. Не помешаем?

- Да нет, наверное... Парковый комплекс очень большой.

С этим мы и двинулись. Лифт поднял нас с приличной глубины на поверхность. Потом короткий, явно служебный коридор, и я оказался в красивом и тщательно ухоженном парке, окружавшем дворец Императора.

Я обернулся и замер. Великолепный дворец, настоящее чудо, возвышался надо мной сказочной башней. Больше всего он напоминал вихрь из драгоценных камней. От яркого солнца он искрился каким-то колким праздничным светом. Я сразу подумал, что ночью, в свете звезд он будет смотреться просто фантастически. Но и днем здесь было на что полюбоваться. Огромное

количество ярких звезд даже днем придавало небу вид занавеса, плотно расшитого жемчугом. На этом фоне и сам дворец был похож на феерическое звездное скопление. Клянусь, ничего красивее в своей жизни я не видел! Налюбовавшись видом дворца, я потихоньку продолжил прогулку, время от времени оборачиваясь на это чудо. Несмотря на полуденное солнце, было не жарко, и я понял, что нахожусь теперь гораздо севернее, чем раньше, или просто рядом с побережьем.

Мои спутники молчали. Молчал и я, наслаждаясь прохладным свежим воздухом и окружающим меня видом. Так мы шли к фонтанам, нарушая тишину лишь шорохом гравия. Фонтаны были действительно прекрасны. Большие и маленькие, высокие, как пирамиды, и искусственные водопады – они искрились и переливались, словно жидкий хрусталь.

Поначалу я немного хромал, но потом постепенно разошелся и начал передвигаться без посторонней помощи.

«Сигарету бы сейчас!» – подумал я мечтательно. Но на Киит ратс, к сожалению, не курили. Что-то похожее у них было. Они размельчали листья какого-то растения в тонкую лапшу и жевали. Я пробовал заворачивать это в бумагу и поджигать, даже пожевал немного... Брр!!!! Жуткая гадость. А запах... В общем, если вы пробовали курить сушеное дерьмо, вы меня поймете.

Вот так мы ходили и молчали, пока за одним из поворотов неожиданно не открылась перспектива огромного пространства с многоярусным фонтаном в центре.

Возле фонтана стояла пестро одетая группа людей. Точнее, две группы. Киит ратс в свободно развевающихся хатти желтого и оранжевого цветов, а истандийцы в белоснежных балахонах.

Мы стояли достаточно далеко от них, и я не мог слышать, о чем они говорили. Но было хорошо видно, что почти все истанди – женщины, кроме двоих – старика и совсем подростка, непонятно, мальчишки или девчонки. Да неважно. Зато хорошо было видно другое. Одна из женщин, стоявшая ко мне спиной, сделала неловкое движение плечами, и я увидел между ее лопатками некий удлиненный предмет, блеснувший в складках платья. Предмет был небольшим, примерно в ладонь. Я колебался доли секунды, а потом как можно более будничным тоном спросил полковника:

- Интересно, для чего нужно прятать под одеждой какие-то вещи?

Тот помолчал немного, а потом произнес, внимательно ощупывая взглядом делегацию Истанди:

- Я думаю, ты ошибаешься. Истандийцы не могли пронести оружие. Не говоря о сканерах на входе... Да зачем им это? Мы единственная страна, с которой Истанди в более или менее приличных отношениях.

- Слушай! – Я повернулся к полковнику. – Мне не известно, для чего человек идет на прием, пряча на спине на специальных ремнях длинную тонкую трубку. Но я тебя уверяю, это наверняка не зубочистка, хотя я и не знаю, что именно. Посмотри! Третья справа, с высокой прической...

Полковник некоторое время приглядывался, потом вдруг почему-то вспотел и, подняв руку ко рту, что-то коротко произнес в коммуникатор. Вроде ничего не произошло. Но один из стоящих рядом с Императором переместился сначала немного в сторону, а потом так, что закрыл его почти полностью. Подобные движения совершили и остальные. Одобрительно глядя на это, я

отметил две вещи. Охрана Императора была многочисленной и высокопрофессиональной. Забавно, что в ответ истандийцы отреагировали адекватно и тоже вполне профессионально. На моих глазах и истандийский посол с малышом неразличимого пола, и Император Дарх оказались в плотно захлопнувшихся коробочках из охранников. Сопровождающий меня офицер немного наклонился вперед, словно прислушиваясь, а затем обернулся ко мне.

- Император просит тебя подойти, - сказал он удивленно.

Ну не гулялось мне спокойно...

Поплотнее закутавшись в полы хатти и придав себе, как мне хотелось думать, более или менее пристойный вид, я решительно похромал к Императору и послу, надеясь своим присутствием разрядить обстановку. Обе группы напряженно ждали, пока я подойду.

Нарушая все нормы дипломатического протокола, я произнес громко и насколько мог внятно, с трудом ворочая языком:

- Император, можно мне задать вопрос послу?

- Обращайся к принцу А Хат, незнакомец!

Это подал голос старик. Ага, стало быть, подросток, стоящий рядом с ним - наследный принц Истанди. Только мне-то глубоко плевать, принц он там или не принц. Для меня он просто большеглазый мальчишка, с любопытством выглядывающий из-за спин своих телохранительниц.

- Принц, - начал я, - разреши мне обратиться к одному из твоих людей.

- И ради этого...

Я не дал старику договорить.

- Ты! - я указал на девушку, под балахоном которой увидел странный предмет. - Подойди сюда.

Девушка на негнувшихся ногах приблизилась ко мне.

- Повернись спиной! - скомандовал я.

Нет, конечно, я не ожидал, что девушка покорно предоставит мне возможность обыскать ее. Но она молча подошла, присела, и вдруг резко, винтом подскочила вверх, в прыжке выхватив из-за плеча ту спрятанную штуку и одновременно разворачиваясь лицом к Императору.

Дождаться ее приземления было опасно. Я ударил вверх ребром стопы, буквально воткнув ее в тело девушки, взвился в воздух, развернулся, схватил девушку за волосы, швырнул тонкой шейкой на коленный сгиб и резко крутанул голову вбок. И вот уже ее тело, смятое, словно тряпичная кукла, ткнулось в зелень газона, слегка скрипнув при ударе сломанными костями. На долю секунды я замер над телом в позиции «ждущий журавль» и только убедившись, что она мертва, позволил себе расслабиться.

Немая сцена. Император подошел к трупу, присел на корточки и перевернул его на спину. Мокрыми от крови руками, он пытался выдернуть из ее кулака длинный серебристый цилиндр. «Не брезгливый» - с каким-то неясным удовлетворением отметил я про себя.

Самым удивительным было то, что все присутствующие – и истандийцы, и Киит ратс, – судя по их хмурым, но понимающим взглядам, прекрасно знали, что именно за предмет попал в руки несостоявшейся террористке. И старик, сопровождавший принца, тоже знал. Он смотрел на безобидную с виду палочку с мрачным спокойствием, очевидно, прекрасно понимая, что именно могла сотворить такая штучка. Зато я, изучивший досконально все оружие этого мира и способный назвать по памяти все характеристики любого ручного и не очень вооружения, понятия не имел, что за подарок она там припасла. Интересно...

Не став дожидаться развития скандала, под шумок и уже в одиночестве, я побрел обратно к себе в палату.

По дороге, вспоминая террористку и ее прыжок, я не мог не отметить любопытной техники, продемонстрированной покойной. И тут же с запозданием подумал, что никогда ничего и нигде не читал о боевых единоборствах мира Алонис.

А вдруг у них нет ничего подобного? Если так, то я здорово засветился. Спустившись на уровень дворцового госпиталя, я первым делом засел за терминал Сети. То, что было мной обнаружено в разделах спортивных единоборств, иначе, как убожеством не назовешь. Некоторые спортивные дисциплины типа силовой борьбы или боя на ножах скорее подчеркивали несостоятельность Алонис в этом плане. Черт... Я ведь обязан был предположить подобную вещь, учитывая аграрно-рудничный аспект их развития.

А потом я долго сидел на кровати, задумчиво массировал ноги и размышлял о превратностях судьбы, которые для краткости назвал просто жопой.

В перспективе меня ждал не знаю, насколько долгий, но уж точно неприятный разговор с Императором Ша Дархом и, наверняка, – беседа с деятелями из местной разведки. Интересно, а попытки они все еще применяют? Занятый этими приятными мыслями, незаметно для себя я уснул.

Разбудил меня вежливый стук в дверь. Три юные грации в модных темно-фиолетовых, расшитых золотом хатти, в сопровождении незнакомых мне офицеров охраны заполнили мою комнату шелестом шелка, запахом свежей зелени и тихими журчащими голосами. Они принесли с собой белоснежный, с иголки мундир, кучу каких-то баночек и ворох салфеток.

Не слушая вялых протестов, с меня быстро, словно с манекена, содрали всю одежду и под руки препроводили в ванную комнату. Там меня вымыли до скрипа, как тарелку в автоматической мойке, и затем выпихнули обратно в комнату. За время моего отсутствия комната преобразилась так, что я узнал ее лишь по рисунку на стенах. Кровать куда-то исчезла, а вместо нее появилось шикарное никелированное нечто типа кресла со всякими подушечками и подпорочками. Я сразу подумал, что даже пытка в таком кресле, вероятно, приносит наслаждение. Меня с разбегу воткнули в это кресло, ладно хоть не лицом вниз, и началось...

Через некоторое, весьма продолжительное время, я, сияющий и выглаженный, будто воротничок курсанта перед строевым смотром, стоял у высоченных дверей в компании четырех офицеров личной охраны Императора. Новая форма, сидевшая на мне вполне пристойно, опять давила на шею, но к этому омерзительному чувству и общей гнусности окружающего мира, не имеющему права существовать в цивилизованном обществе, я уже давно относился совершенно спокойно.

Ожидание не было долгим. С подходящим случаем солидным шелестом створки дверей

распахнулись. Некто лысый и сморщенный в оранжевом балахоне, держа перед собой какой-то свиток, негромко, но звучно и внятно произнес красивым баритоном:

- Ат Хаттори иррисант Каррох калтор ис хор Ша Гранг.

Я даже не могу сказать, что же именно я ожидал увидеть в приемной Императора. Роскошь и богатство? Наверное. Толпу одалисок? Вряд ли, но возможно. Только зал, в который я вошел, был скромнее до аскетичности. Белоснежные стены, чуть желтоватый мозаичный паркет и огромный купол, словно потолка не было вовсе. Ни картин, ни статуй. Красотища! Немного портил вид лишь сам Император, сидевший за немного потертым и весьма обширным столом из неизвестной мне зеленоватой крупноволокнистой древесины.

Задумчиво перебирая какие-то документы на своем монументальном столе, Император, казалось, не обращал на происходящее никакого внимания. Рядом с ним стоял толстый человечек небольшого роста, похожий на пивной бочонок. Человек был абсолютно лыс и одет в темно-синий мундир с неразлично-непонятными знаками различия.

Тогда, в парке, я толком не успел разглядеть самого Императора. Но сейчас, когда до него было метров тридцать, я увидел почти совсем седого человека в простой накидке-хатти черного императорского цвета. Крупные черты лица и глубокие морщины. Император просматривал документы, подаваемые ему толстяком через равные промежутки времени и, как мне кажется, даже не обратил на меня внимания. Я постоял еще немного и уже принялся было рассматривать красивую мозаику на полу, как услышал звучный и раскатистый голос:

- Подойди ближе.

Я вдруг понял, что глубина звучания зависела вовсе не от владельца, а лишь от акустики зала. Интересно, а как здесь будет звучать мой голос? А подойти, что ж, это можно... Сапоги противно поскрипывали и громко бухали при каждом шаге, отдаваясь каким-то странным щелкающим эхом. Но с пятого или с шестого шага мне удалось справиться с ними и приблизиться вполне пристойно - бесшумно.

Император, наконец, бросил свои бумаги на стол и обратил все свое внимание на меня. А я на него. Черты лица, пожалуй, были немного резковаты для того, чтобы быть красивыми в моем понимании. Но зато теперь было ясно, от кого Эрна унаследовала мягкие чувственные губы и пушистые брови. Несмотря на это, глаза у Дарха были пронзительные, как у змеи. Глубоко посаженные и выпуклые одновременно, они были резко очерчены бровями и нижним веком. И было в его глазах столько воли и мудрости, что я почему-то подумал: если не смогу сделать Императора своим другом, то хуже врага не пожелаешь.

Тихо вжикнули сервомоторы, часть пола раздвинулась и из-под него напротив стола беззвучно выскочил стульчик, на который мне и было указано костлявой императорской дланью. Иглы, яд и костры инквизиции - все это промелькнуло пред моим внутренним взором, когда я мягко, словно осенний лист, опускался на такое невзрачное с виду сиденье.

- Твое имя?

- Ша Гранг, Император, - сказал я, прислушиваясь к раскатам собственной речи.

- Нет, я имею в виду настоящее имя.

- У Императора есть повод сомневаться?

Нет, конечно, у тебя миллион поводов сомневаться, но лично мне интересно, что именно для тебя явилось таким поводом.

Император кивнул толстяку, и тот, с улыбкой гиены посмотрев на меня, начал неожиданно приятным и бархатистым голосом.

- С момента начала реанимационных процедур ты бредил на языке, который не смог расшифровать ни один из наших лингвистов. Правда, - он перевел взгляд на Ша Дарха, - реаниматоры сказали (при этих словах Император слегка поморщился, как от дольки лимона - вероятно, речь шла о Рат Са)... - Так вот, реаниматоры сказали, что такое иногда бывает и связано с временными проекциями вселенской Матрицы разума. Но обычно такие больные теряют двигательную и интеллектуальную активность. В твоём случае двигательная активность ничуть не пострадала. Амнезия как следствие травмы была преодолена тобой меньше, чем за два гёи {Один гёи - примерно месяц.}. Очень странно, особенно, если учесть объём информации, прошедший через госпитальный терминал Сети.

А черт, хотел же перебросить данные через анонимный роутер! Да хрен с ним, в конце-то концов...

Тем временем толстяк продолжал список моих «грехов».

Уничтоженная голыми руками диверсионная группа «Кровавое облако», от которой до меня пострадала заградительная дасса морской пехоты и ока военной полиции. Разрушенный валун на поляне и прочее. Не был забыт даже скальпель, воткнутый мною в стену. Но главное, на чем я прокололся, - это просто невероятно - на манере заниматься сексом! Они, оказывается, опросили всех «моих» бывших любовниц, вычислили время и периоды активности и даже любимые позиции. Так вот, ни по одному из этих параметров мы с бывшим владельцем этого тела не совпадали.

Круто. Ну а дальше-то что?

Как раз последнюю мысль я и решил озвучить, прервав говорливого толстяка.

- Чего вы от меня хотите?

Император и толстяк переглянулись. Толстяк открыл рот, но ничего не успел сказать.

- Так как тебя все-таки зовут?

- На вашем языке это звучало бы как А Рей.

- А Рей, А Рей... - Император проговорил мое имя еще несколько раз, словно пробуя его на вкус.

- Рассказывай!

Я и рассказал.

И толстяк и Ша Дарх во время разговора потихоньку поглядывали на свободный от бумажек угол стола. Похоже, там был встроенный детектор лжи.

Через некоторое время Император вопросительно глянул на толстяка и увидел короткий, почти незаметный кивок. Он взял левой рукой кипу бумажек, словно взвешивая ее в руках,

покачал на ладони, а потом решительно, как старые дневники, смел их в довольно загудевший агайт. В долю секунды бумаги превратились в неидентифицируемую пыль.

Этаким театральным жестом мне недвусмысленно давали понять, что претензий ко мне не имеют и с радостью уничтожают восемнадцатую копию компромата на меня.

- Ну и что ты планируешь делать?

Я помолчал, подбирая слова.

- Я тут поговорил с ребятами в госпитале. Судя по их рассказам о зверствах арлингов, я понял, что выбрал правильную сторону в этой драке. У меня есть некоторый опыт ведения боевых действий, особенно специального характера. И если Император позволит, я бы хотел отправиться на фронт.

- Зачем?

- Это я умею делать лучше всего.

Стоя на невысоком холме, на котором располагался мой и штабные купола полка «Небесная Стража», я наблюдал за деловитой суетой. Жилье остальных офицеров находилось немного ниже и представляло собой центр учебного лагеря, лежащего в красивой горной долине. Собственно говоря, учебным этот лагерь стал после того, как я изложил Императору собственную версию решения военного вопроса, а Император предоставил мне все необходимые полномочия.

Началом воплощения этой идеи было посещение тюрем и трудовых лагерей для особо опасных преступников.

Я лично отобрал несколько тысяч ублюдков всех мастей и калибров, антисоциальных типов и маньяков. Злые и агрессивные, недовольные всем и вся, они были тем материалом, из которого я собирался сделать идеальных солдат. Просто, как и все гениальное. (Скромно, правда?) За любое преступление - военно-полевой суд с одним единственным вариантом приговора - расстрел. Или статус национального героя, огромная пенсия и прочие блага, если останешься жив после войны. Правда, был еще один аспект контракта. Если после войны кто-нибудь из них решится на асоциальный поступок, попадающий под судебное преследование, то есть, если захочет вернуться к прежнему ремеслу, схлопочет двойной срок. В половине случаев это означало смертную казнь. Но я сильно сомневался, что последний пункт соглашения когда-нибудь понадобится. С моей помощью в жизни этих ребят будет столько крови и смерти, что, боюсь, они на всю жизнь станут законченными пацифистами. А кое-кто, видимо, до конца своих дней будет носить военную форму. Тоже неплохо для законченного каторжника...

Итак, отобранные мною гады потихоньку сползались в учебный лагерь, ядром которого стала 472-я дасса воздушной пехоты - подразделение того, бывшего Ша Гранга. Я не боялся задушевных разговоров типа «А помнишь?». С помощью Имперской Разведки слухи о бесчеловечном эксперименте, лишившем меня памяти, но наделившем новыми возможностями, разошлись быстро, и на меня посматривали с некоторым страхом и большим уважением. Особенно после того, как я своими руками вырвал из земли здоровенный валун, мешавший установке жилых куполов. Солдаты, которые пытались его сдвинуть, так орали, подбадривая себя, что я был вынужден выйти из палатки и посмотреть, что случилось. В итоге я стал им помогать и, увлекшись этим делом, не заметил, что они отошли в сторону.

Собственно говоря, 472-я и раньше была не совсем обычным подразделением. Ни по задачам, ни по составу. В ней тоже служили своего рода каторжники, но потомственные. Потомки кохар – тех, кого ссылали в степную зону, чтобы они сдерживали миграционные прорывы единственного на материке хищника – иясси.

Иясси похожи на волка, но размером со среднего медведя. Плодились они в бесчисленном количестве, питаясь рыбой на мелководье океанских болот, а раз в году мигрировали подальше от тропических штормов в более холодный пояс. Не разбирая дорог, они перли на юг прямо через рудничные поселки, оставляя за собой только пыль.

К чести киит ратс, они никогда не пытались уничтожить иясси. Существовал коридор из бетонных плит, по которому звери могли спокойно добраться до горных лесов. Разумеется, те, кто не сдох в давке или от истощения. Видимо, таким образом регулировалась их численность. И не вина зверей, что вместо многих сотен эсри, бродивших по когда-то бесплодной пустыне, теперь на их пути попадались упитанные людишки, чего-то ковырявшие в жухлой траве. К тому же иясси обладали весьма изобретательным мозгом. Чего они только не придумывали, чтобы выбраться из коридора и добраться до вкусного человеческого мяса. Устраивали даже живую лестницу, преодолевая десятиметровую преграду. Вот тут-то и вступали в бой бывшие каторжники. И противопоставить злобным и ловким хищникам они могли только смелость, организованность и волю. Конечно, легкое оружие у них было. Но кто же доверит серьезное вооружение бывшим преступникам или их детям, почему-то не желавшим тихо сеять хлеб или ковыряться в руде, а по выходным нажираться до умопомрачения дешевым иссовым пивом?

Воевали кохар зло и бесшабашно, напоминая чем-то казаков моей снежной родины. Их-то и собрал в одну роту, всеми правдами и неправдами выковыривая из других подразделений, словно изюм из булок, мой предшественник по телу. Собранное таким образом подразделение уже успело попить крови из арлинггов, устроив настоящую резню в прифронтовой полосе. Но мне предстояло нечто большее.

С самого раннего утра я собирал офицеров и гонял их до десятого пота. Рукопашный бой, стратегия и тактика малых подразделений, фортификация и минно-взрывное дело. Потом, когда я садился диктовать очередное наставление, за них брались лучшие преподаватели Имперской военной академии. Психология, навигация и вождение транспортных средств, оружие наше и арлинггов, и еще десятки дисциплин, без которых офицер не мог считаться таковым. Затем они шли к сержантам, передавая собранные за день знания, чтобы потом сержанты под руководством тех же офицеров занялись солдатами. Вновь прибывшие распределялись по подразделениям таким образом, чтобы бывшие солдаты становились сержантами и так далее по цепочке. Конечно, моя ударная дасса расплылась тонким слоем по всему полку. Но это был, к сожалению, единственный способ быстро организовать такое большое подразделение. Все эти ухищрения не принесли бы никакого результата, если бы не солидное подкрепление из десантно-штурмовой дассы морской пехоты, отваленной мне с барского плеча Императором, и окки {Окка – взвод. Примерно шестьдесят человек.} военной разведки, выписанной в мое распоряжение приказом того самого толстяка, который присутствовал при нашем с Ша Дархом разговоре – шефом Имперской разведки адзати Рохаром. По-своему очень даже неплохие солдаты, они не шли ни в какое сравнение с подразделениями армейской разведки моей прошлой жизни. Но выбора у меня не было, и я не унывал.

По моим чертежам уже работало несколько предприятий, изготавливая новое снаряжение и вооружение. То, что в моем мире было стандартом вооружения каждого бойца мобильной пехоты, здесь воспринималось как космическая техника. Слава богам, что инженеры здесь были действительно первоклассные, и мои корявые наброски, пусть не сразу, но воплощались

во вполне работающие изделия. Приличные мины получились сразу, а вот боеприпасы для автоматического оружия пришлось переделывать...

Время, отведенное генштабом на нашу подготовку, было до крайности невелико. Всего шесть гёи. Примерно семь месяцев. И поэтому я постарался довести до каждого солдата мысль, что жизнь каждого зависит от его выучки.

Доставалось и прикомандированным ко мне пилотам. В основном это были гражданские летчики, только что пересевшие с транспортных лайнеров за штурвалы штурмовиков и бомбардировщиков. Машины эти были переделаны так, что могли перемещать какое-то количество солдат и вместе с тем выполнять свои основные боевые задачи. Не очень комфортно для десантников, зато очень-очень быстро. Разумеется, скотовозки, способные перемещать до полутора-двух сотен человек за один раз, у меня тоже водились. Но я часто был свидетелем того, что одна маленькая ракета делает с такими толстобрюхими птичками. Поэтому я планировал их использовать только в крайнем случае и с максимальным воздушным прикрытием. Но абсолютно все пилоты проходили боевую практику на всех без исключения машинах. От легкого разведчика до тяжелого транспорта. Больше всего доставалось пилотам истребителей и штурмовиков. Они у меня разве что хвостами вперед не летали. Бомбометание с пикирования и с кабрирования, маневры уклонения на малых и больших высотах, ковровые бомбардировки, авиационное минирование и так далее...

Я возился с ними, зная, что могу их научить стрелять, ездить, плавать и еще черт знает чему. Но искусство войны – это, прежде всего, умение убивать и умирать. Ни больше ни меньше. А этому можно научиться только на войне.

Очень многое, что для армии Киит ратс являлось нормой, для меня было дико. Например, я сразу отменил многочисленные телесные наказания, уместные только в тюрьмах с пожизненным сроком заключения. Также мной была пресечена практика воровства из солдатских рационов. Мой «прозрачный намек» в виде повешенного на плацу интенданта, был правильно воспринят оставшимися в живых. Воровство прекратилось. Да, вот еще. Так же решительно и бесповоротно я отменил ношение этих дурацких «пирожковых козырьков» и заменил эти балбески на сшитые по моему заказу береты.

Но не все проблемы решались так просто, как эта. Дворянские дети, ставшие офицерами благодаря их социальному статусу, быстро обходили по чинам других, более способных. Я был категорически против этого и потому задыхался от регулярных наездов инспекционной группы главного штаба с разбором полетов и ворошением прелого сена. Все они считали меня выскочкой, юнцом, оторвавшим сладкий кусок на раздаче белых слонов. И, конечно, никто из них даже не мог предположить, что тот, кого называли Ша Грангом, был не недавний майор, а ныне подполковник, а в недалеком прошлом – целый генерал военной разведки в стране, непрерывно воевавшей, по самым скромным подсчетам, уже две тысячи лет. Я видел этих штабных мышей насквозь, как стеклянных. И на все их подленькие вопросы у меня была такая куча бумаг, что инспекция за инспекцией тонули в ворохе макулатуры.

– Аро?

Это подал голос стоявший за моей спиной Лиро Ди, мой новый ординарец. Бедняга заступился за свою девочку в кабаке и разбил морду офицеру полиции. Он с ходу получил двадцать пять лет рудников и отправился на каторгу. И гнить бы ему там до смерти, если б не желтенькая папочка с личным делом, попавшая ко мне в руки. Лиро был хорошим, спокойным и аккуратным парнем. И я надеялся, что через некоторое время сделаю из него грамотного

штабного офицера.

- Аро (хозяин), уже полдень, ты просил напомнить...

Я поморщился.

- Если тебе так сложно выговорить «дах ак» (подполковник), то называй меня лиго (командир). Что за арк инзиас (замашки потомственного раба).

Лиро улыбнулся.

- Я же низкого рода. Мой прадед был инз на полях Иги Ша Грисама.

- Теперь мы все ах лити (свободные воины) в садах Дисны, да не посмотрит она в нашу сторону! - сказал я, сбегая с холма к почтительно поджидавшим меня офицерам.

- Да не посмотрит! - эхом отозвался Лиро, с трудом успевая за моим аллюром.

Офицеры, которых я собрал в штабном куполе, были ядром моего пока еще разношерстного полка. Ша Кхорданг - командир подразделения морских пехотинцев, а теперь дассы глубокой разведки ихана «Небесная Стража». Иг Саро - начальник штаба. Ша Тамчен - командир прикомандированных пилотов. Ша Ирх - бывший командир окки армейской разведки, а теперь моей личной охраны. Ша Драдег - зампотех и Рас Лои-лиго ри - предводитель (хотя так и хочется сказать «атаман») кохар. Все они были мрачны, как лавочники перед приходом сборщика налогов. Что я и не замедлил им сообщить. Лица немного разгладились, но никто даже не улыбнулся. Похоже, что-то стряслось...

- Выкладывайте!

Вперед вышел Ша Кхорданг, обстоятельный и обманчиво неповоротливый, как тяжелый рейдер.

- Лиго, у нас происшествие.

- Это я уже понял! - Я нетерпеливо махнул рукой.

- Эли Ди, ирай{Ирай - сержант.} саперной окки, убил в драке Катхи, эрхана{Эрхан - старшина.} окки связи.

Черт...

- Причину драки выяснили? - спросил я, исподлобья глядя на нервно переминающихся офицеров.

- А чего там выяснять, - вступил в разговор Ша Драдег. - Эли Ди - сын богатого кохар, а Катхи - бывший каторжник, хоть и дворянского рода. Катхи ему что-то там приказал, а тот и взъерепенься, мол, кому ты, скотина тюремная, приказываешь. Катхи ему что-то ответил, чего уж не знаю, а Эли тут же схватился за свой нож и перерезал ему горло.

Да, нож... Есть такие штуки у кохар. Парные ножи. Шириной в три пальца, длиной в две ладони и острые, словно бритва. Владели кохар ими действительно прилично. Говорили, будто кохар своими ножами успеет освежевать иясси раньше, чем тот поймет, что уже мертв. Естественно, я разрешил им оставить свое традиционное оружие. Не было никакого смысла запрещать его

ношение. В лагере и так все ходили с боевым оружием.

Этого мне только не хватало для полного счастья. Я мог отправить этого засранца под трибунал, мог отдать имперским прокурорам, а мог просто расстрелять возле нужника. Признаюсь, лично мне очень хотелось именно последнего. Но ни один из этих способов не давал гарантии, что история не повторится.

- Рас Лои, что говорят по этому поводу ваши законы?

Бородатый черноглазый командир степняков сделал шаг вперед.

- Законы у нас просты. В таких случаях командир назначает поединщика или сам выходит на поединок с преступником и убивает его. Если сможет, - добавил Рас после небольшой паузы. - Но сейчас это невозможно.

- Почему? - поинтересовался я.

- Кохар дерутся только ножами, а у тебя ножей нет. Не с пистолетом же ты выйдешь в круг...

Да, ножей у меня и вправду не было. Их вручали старики на церемонии посвящения в мужчины. А страшные зазубренные клинки морпехов мне в этом деле тоже не помощники. Если я запятнаю их кровью, пусть и преступника, но не врага, боюсь, я получу еще одну проблему. Обычай, даже глупые и пустые, следовало соблюдать.

- А если я выйду против него с голыми руками?

Брови Рас Лои медленно поползли вверх.

- Я знаю, ты очень сильный человек. Но, боюсь, сила твоя здесь не поможет. Ведь Эли Ди виртуоз. Он один из лучших молодых мастеров. Я бы назвал это сложным самоубийством...

Я прервал его.

- Так, через двадцать эан общий сбор на плацу. Подготовить круг. Привести Эли Ди. Приготовить его ножи. И не вздумайте подпилить или затупить их. Все. Дискуссия окончена.

Офицеры хотели еще что-то сказать, но я быстро покинул их. Войдя в свою палатку, я расстегнул штурмовую подвеску и одним движением швырнул ее на гвоздь, торчавший из опорного столба. Жалко, что заказанные мной ножи придут только через пару дней. Я бы нарезал этого говнюка тонкими ломтями вместе с его хваленными хлебобрезками. Но ничего не поделаешь. Будем расхлебывать эту кашу тем, что есть.

- Эрхан! - крикнул я в пустоту.

Тут же в палатке возник эрхан охранной окки Доратх. Крепко сбитый и приземистый, он носил форму, как собственную кожу, словно родился в ней.

- Доратх! Никого не пускать. Даже Императора.

Он только кивнул перед тем, как снова исчезнуть. Лиро тоже хотел что-то сказать, но благоразумно промолчал. Времени хватило лишь на то, чтобы вымыться и переодеться.

Стоя на высоком помосте, я наблюдал, как сержанты и офицеры строят подразделения в

плотные каре на пыльном квадрате вытоптанной земли. Плац... Сколько их было в моей жизни! И снежных, и песчаных, и даже из клепаной стали. Очередной или последний?.. Я щелкнул по микрофону, и плац замер.

- Солдаты. Вы уже знаете, что произошло. Один из нас погиб. И погиб он не от руки врага, а от своего же товарища. От человека, который носит нашу с вами форму. К миллионам погибших от рук арлингов сегодня прибавился еще один. Значит, у наших врагов пополнение. Потому что человек, убивший своего – это враг.

Вы знаете, арлинги захватили почти половину страны. Если мы не сбросим их в море, через год начнется голод. Мы уже и так на пределе. Наша часть – особая, и нас ждут самые тяжелые участки фронта. Мы – одна из последних возможностей переломить ход войны. Арлинги пленных не берут. Если сейчас мы не будем воевать как одна семья, вы и ваши семьи будут вечными рабами на полях Смерти.

Каждый, кому в голову придет мысль поднять на своего товарища руку, пусть тихо застрелится в кустах и не позорит имя «Небесных Стражей». Каждый, кто повторит проступок Эли Ди, будет с позором утоплен в нужнике. Но Эли Ди я убью сам. Голыми руками.

Конечно, у Эли не было шанса. Но он думал, что есть, и собирался отстаивать свое Право Чести ценой моей жизни. Все оказалось просто и быстро. Я пропустил его на длинном выпаде, немного протаскив вперед, а затем встретил горло ребром ладони при обратном движении.

Провожаемый гулом голосов и своим адъютантом, я быстро покинул плац, надеясь на то, что этот жестокий урок будет последним.

Прошел срок, отведенный центральным штабом на подготовку подразделения. Наш участок фронта представлял собой предгорье, разделявшее степную и гористую зоны страны. Степная зона почти вся была захвачена арлингами, но там, где начинались горы, была совсем другая война. Этот урок я усвоил давным-давно, еще зеленым лейтенантом в Афганских горах. А теперь его проходили арлинги. Они грызли предгорья с упорством крыс, ломая зубы и неся серьезные потери. Дохли, но ползли вперед, на сто процентов используя подавляющее численное превосходство. Но на этом участке уже давно все было тихо. Правда, были невнятные сведения, якобы арлинги планировали здесь тактический прорыв. Но, на первый взгляд, это был вполне застарелый участок линии фронта.

Место нашей дислокации граничило с дивизионом тактических ракет и частями оперативного резерва 56-й армии. Поэтому я решил организовать прибытие ночью, когда зрители не планировались.

Пилоты Ша Тамчена посадили машины на отведенные точки с точностью до метра, словно на аэродроме. С крыла одной из них я наблюдал, как из ничего в темноте появляется лагерь. Сначала из самолетов выскочили ударные группы и заняли оборонительные позиции вокруг машин. Затем хлынула вторая волна, и круг защиты расширился, сомкнувшись с другими кругами. Тут же заняло свое место подвижное охранение, растворившись в складках рельефа. Выглядело это так, словно гигантская амеба пожирала землю, разрастаясь бугристой массой. Все движение сопровождал не шум, а скорее шелест. А если б у моих солдат росла шерсть вместо ткани камуфляжной формы, то не было бы и шелеста.

С тихим свистом развернулись антенны. Здесь были лепестковые парабола спутниковой и оперативной связи, тонкая паутина моей собственной службы радиомониторинга и

радиоэлектронной борьбы. Затем, словно хлопанье огромных крыльев – раздался звук сотен одновременно раскрывающихся куполов, и сладковатый запах пластика заполнил ночь. Потом купола, тренировочные площадки и технику накрыли огромными кусками маскировочной сетки и закрепили. И сразу все стихло. Автоматически я нажал на кнопку хронометра. Тридцать эан – это примерно двадцать пять наших минут. Можно сказать, первый урок на «отлично». Я спрыгнул с крыла самолета и чуть не свернул себе шею, зацепившись за маскировочную сетку.

- Черт!

- Что? – тревожно переспросил адъютант.

- Да нет, ничего. Командиры подразделений собраны?

- Да, командир. Штабная палатка там. – Он показал рукой на почти неразличимую в ночи темную массу.

Старшие офицеры стояли вокруг большой карты, присланной накануне центральным штабом. На карте была изображена наша зона ответственности. Холмистая территория, на которой так привольно резвиться бронетехнике и авиации. Разведсводка могла вдохновить только придурка. Нам противостояли шесть пехотных дивизий, три из которых только что были доукомплектованы свежими частями. Был еще артдивизион тяжелых пушек, ударный полк штурмовиков, танковая дивизия, отдельный диверсионно-караульный полк «Сит Тамиратх», и всякие мелочи типа связистов, саперов и проч. Вся эта орава, видимо, собиралась прорвать линию фронта примерно на ширине сорока-пятидесяти километров. Мы со своей стороны могли противопоставить войска, примерно на треть меньшие по численности, что, в общем, нормально при обороне, но они не шли ни в какое сравнение с прекрасно обученными войсками арлинггов. Нашей главной задачей было боевое охранение дивизиона оперативно-тактических ракет, способных смешать с пылью любую попытку прорыва фронта. Но, как и любое оружие подобного рода, ракеты были абсолютно бесполезны в ближнем бою. Несколько ракетных батарей было уже потеряно в ходе действий диверсионных подразделений арлинггов, и Император очень рассчитывал, что моя часть не даст им такой возможности. Тем более что ракеты были совсем недавно разработаны истандийцами и переданы нам в глубокой тайне и с категорическим приказом уничтожить все до единой при малейшей угрозе захвата. Насколько я понял из пояснений Ша Рохара, это были высокоточные гиперзвуковые ракеты с управляемой площадью поражения. В общем, лакомая цель для диверсантов.

Обсудив с командирами предстоящую задачу, я распустил всех, оставив только Ша Кхорданга – командира разведчиков и Ша Ирха – начальника охраны. И тот и другой были отличными офицерами, и еще до войны с арлинггами получили боевое крещение в десятках «полицейских акций» и мелких пограничных конфликтов с бандами контрабандистов. Их солдат, которых тоже не назовешь новичками, я натаскивал лично и выжимал из них по десять потов, собираясь вырастить настоящих псов войны. Кое-что мне уже удалось, хотя, конечно, идеал недостижим. С ближайшими своими помощниками я собирался обсудить одну маленькую шутку, которую собирался проверить в глубоком тылу арлинггов.

Меня интересовал штаб армии, а конкретно – их бумажки. Завтра, возможно, все будет по-другому. А сегодня ночью я планировал наглый налет без подготовки и предварительной разведки.

Я жестом пригласил обоих офицеров к карте.

- Судя по тактическим данным, арлингги планируют наступать менее, чем через пять дней. А штаб их, по нашим же сведениям, остался на прежнем месте. Вот здесь. - Я ткнул пальцем в небольшую седловину, похожую на карте на полураскрытые губы. Я продолжал:

- Но перед наступлением, естественно, штаб сместили ближе к линии фронта. Куда?

- Я думаю, они уже где-то здесь...

Палец Ша Ирха описал небольшой полукруг возле высокого холма с плоской вершиной.

- Твое мнение? - обратился я к Кхордангу.

- Да, похоже. Очень удобное место. И НП можно поставить, и антенны, а вот тут, - он кончиком ножа прочертил на пленке едва видимый крестик, - вот тут и сам штаб.

- Лиро!

- Да, командир! - В палатке материализовался мой адъютант.

- Командира радиоразведки и моего пилота.

Лиро стремглав выскочил наружу и зашуршал травой.

- Что ты хочешь сделать? - спросил кто-то.

- Навестить штаб наших друзей.

- Но...

- Это будет совсем короткая вылазка, - прервал я их. - Но мне нужно пять лучших солдат-добровольцев.

- Ты собрался в сады Дисны? - угрюмо поинтересовался Кхорданг.

- Я собрался вернуться сам, и вернуть всех ребят. Но каждый из них должен быть готов к смерти. И еще...

Вкратце я рассказал, что именно я задумал, и что нужно сделать к моему возвращению.

Тем временем вошли начальник отделения радиоразведки Ат Малю и командир моего личного самолета Тахор.

- Ат, какие данные по радиоперехвату? - спросил я.

- Да ничего, кроме смещения центра радиоактивности ближе к линии фронта. Расшифровка ведется. К утру, возможно, будут первые данные. Очень хитрый код, - добавил он виновато.

- Ат, отдай часть ребятам Ас Шаратха. Пусть поковыряются...

Жестом руки я отпустил его.

- Тахор, - я повернулся к своему пилоту. - Ты должен в группе из пяти машин совершить налет на старое расположение штаба арлинггов. Пойдешь отсюда, - я показал направление захода, - потом морем, и войдешь на их территорию вот отсюда. Не беспокойся, - ответил я на его немой

вопрос. – Там у них только береговые батареи. Но! – Я поднял палец вверх. – После бомбометания, вот тут, – я показал на карте, – ты снизишься и сбросишь десант. А потом вот тут, на болотном острове, заякоришься и будешь ждать нас до трех семидесяти. Потом убираешься домой. С ноля твоего аварийного сигнала будет ждать истребительная ока. Если зажмут, бросай все и сматывайся. Они тебя прикроют. Если придется потерять машину, знаешь, что делать. Все. Через двадцать зан вылет.

Летчик, как на плацу, крутнулся на каблуках и вышел из шатра, хлопнув пологом. Я повернулся к ожидавшим меня офицерам.

– Ну, так как насчет людей? Надумали?

– Они ждут тебя, – коротко ответил Кхорданг.

Перед шатром, не шевелясь и даже, по-моему, не дыша, стояли примерно тридцать полностью экипированных десантников в темно-серых камуфляжных комбинезонах.

Я вздохнул. История повторялась снова и снова.

– Солдаты! Войны хватит на всех. Но сегодня мне нужны всего пятеро. Со мной пойдут: Доратх, Сат Риго... – Вызванные мной выходили из строя и подходили ко мне. – Эли Аро, Намши, и... – я осекся, увидев в строю Ша Ирха и Кхорданга.

– Ша Ирх, примешь командование иханом. Кхорданг, разомнем кости?

Тот радостно кивнул.

Я коротко махнул рукой.

– В машину!

* * *

В бомбовом отсеке штурмовика было темно и тесно, словно в гробу. Мягко взвыли турбины, и нас слегка тряхнуло, когда машина оторвалась от земли. Поехали!

Лучший способ спокойно перенести перелет – это здоровый крепкий сон. Чем я и занялся, урвав почти час. Разбудил меня сигнал предварительной готовности.

– Третий готов, – мгновенно отозвался Ша Кхорданг. Тут же доложили о готовности все остальные.

– Никакого геройства. Все просто, как на тренировках. Сейчас попытайтесь размяться.

Сжатые, будто шпроты в банке, солдаты задвигались, звякая ремнями подвески и разминая затекшие после перелета мышцы.

– Порядок? Ни у кого ничего не отвалилось?

В моем шлемофоне что-то зашумело и заухало. Надо полагать, ребята смеялись.

– Общая готовность.

– Минус пять, четыре, три, два... Пошел!

Сколько живу, а к этому никогда не привыкну.

Глухой удар, рывок, меня закрутило, как пропеллер, и... и ничего. Вместо жужжания лебедки – просто шум набегающего ветра. Лебедку заклинило. Я, не раздумывая, выхватил нож и одним взмахом перерезал трос. «Метров пятнадцать», – подумал я запоздало. А тело, само сориентировавшись по набегающему потоку, сгруппировалось, и волна Дхати-режима пригасила сознание.

Удара о землю я не почувствовал. Попробовал сделать шаг вперед и не смог. Ноги? Черт... Я наклонился вперед, пытаюсь понять, насколько серьезно поврежден, и руки встретили неожиданную преграду. Я оглянулся и не поверил глазам. Я торчал в земле по пояс, словно морковка. Но болота вроде бы здесь нет. Потрогал землю. Нет, нормальный, в меру жесткий лесной грунт. За пару секунд, пока я висел на тросе, меня, конечно, могло прилично утащить вперед. Значит, выбираться придется самому.

Опасаясь самого худшего, я проверил позвоночник. Удивительно, но он, похоже, был цел. Тазобедренный? Хрен его разберет, но вроде тоже ничего. Во всяком случае, если я ранен, то не серьезно. А вот ноги точно были в полном порядке. Ладно. Потихоньку...

Я уперся ладонями в мягких перчатках в землю и потащил себя, понемногу усиливая напряжение рук. Сначала мне показалось, будто я пошел вверх, но потом я понял, что это стали погружаться вниз руки. Тогда я изменил тактику и лег животом на грунт. Дело пошло. Когда через минуту на мой пеленг вышла остальная группа, я уже сидел на поверхности и ревизовал снаряжение. В минусе пистолет, два ножа – видимо, оторвало при ударе – и аптечка. Да и хрен с ней, а вот пистолет жалко. Спецзаказ, как и ножи. Ну да ладно. Хватит того, что осталось.

Доратх попытался определить глубину ямы, которую я сотворил, не достал дна и сразу кинулся проверять мои ноги. Я его отогнал движением руки и встал. Эрхан замотал головой, словно пытаясь избавиться от морока. А я уже жестами отдавал распоряжения группе.

«Двое с Кхордангом».

«Двое со мной».

«Начали!»

Группа Кхорданга бесшумно скрылась в темноте. Я подождал немного и повел своих людей в маршрут.

* * *

Нам потребовалось около получаса, чтобы на рысях добраться до охранной зоны штаба арлинггов. Их хваленые десантники несли службу кое-как, кто прислонившись к деревьям, а кое-кто даже сидя. Правда, спящих, к сожалению, не было.

Мы разделились вновь. Я выждал несколько секунд, чтобы ребята заняли свои позиции, и направился к часовому.

Стать землей, стать травой, стать дыханием ветра...

Я вонзил нож в тело часового и почувствовал, как он дернулся на клинке, словно бабочка, приколота булавкой. Через мгновение мир вокруг качнуло, словно воду в стакане. Это душа

часового покинула тело. Я подхватил труп и мягко опустил на землю. А вот рядом секрет, в котором наблюдают за часовым. Двое. Один ровненько так дышит. Спит, что ли?

Стать ночной тишиной...

Шея хрустнула, как легкая веточка. Сонная артерия второго забилась пойманной птичкой и замерла. Вот и наблюдательная вышка, хитро устроенная на развилке дерева.

Зыбкой тенью рассвета...

Красное на зеленом. Какая гадость. Сидел бы себе на соседнем дереве с розовой корой. Глядишь, и покинул бы мир в гармонии.

Первую линию прошли, как по маслу. Даже странно. Сухо щелкнул наушник шлемофона. Это значит, первая группа заняла свое место. Остановились оглядеться. Не видно - не значит нет. Ну да. Точно-точно. Контрольный пост. Маааленький такой. А вот солдатик головой крутит. Волнуется? Ищет чего? Сюрприз! Сухо чихнул глушитель, отправляя в последний путь пулю. Прощай, любимая. Ты не одна пойдешь по этой дороге. Вот этот, без головы, но с каской в руках, полной кровавой кашицы, проводит тебя...

Шум справа.

Шесть солдат, сержант и, видимо, офицер. Это серьезно. Развод по постам, что ли? Пропустить? Погасить? А если действительно развод? Скандал может испортить эту дивную ночь.

«Оба. Замыкающих».

Длинный шелестящий звук заставил солдат, сержанта и офицера устало прилечь в пыль. Причем одновременно. Чтобы не нарушать идиллию ночи, пришлось скатить их с дороги на кусты. Еще пара движений сапогом, и пыль припоросшила уродливые черные пятна.

Вроде порядок.

А вот и сам штаб. Ух, здоровенный какой. И света, как в доме отдыха. Охренели совсем. Шесть длинных палаток. Радиовагончик. Еще вагончик, но с трубой. Баня, что ли? Нет, столовая. Отдельный шатер под охраной. Рядом вездеходик с хорошей такой антенной. Шифровальщики? Командир? Заглянем обязательно. Но сначала штаб. Совсем темные палатки отмечаем. Перед наступлением над картами парят, аки соколы, не два и не три штабника. Остаются две. Даю знак парням, чтобы взяли дальнюю, а сам огородами направляюсь к ближайшей. Едва не напарываюсь по дороге на трахающуюся парочку. Простите, ребята... Так. Стенка палатки. Оптоволоконный щуп.

Электрический свет вспыхнул так ярко, что глаза заслезились. Проморгались - и к скважине. Вот это да! Везет, так везет. Стол размером с двуспальную кровать, и четыре офицера, размечающие диспозицию грядущего блицкрига.

Так, теперь щуп в кармашек, и сменить на всякий случай обойму.

Тонкий и острый, словно бритва, стилет не вспарывает, а раскрывает ткань. Я ныряю в дыру. Короткий кувырок, четыре выстрела с колена. Потом еще четыре. И все. Даже не глядя на карту, заталкиваю ее в рюкзачок и быстренько ползу ко второй палатке. Ребята там уже

поработали, их улов заметно крупнее. Целая кипа штабных бумажек и электронных блоков памяти едва помещается в наших заплечных мешках. Черт. А ведь я еще планировал зайти к шифровальщикам. Ладно. Лучшее – враг хорошего. Уходим. Втыкаю в складки палатки штырь радиомаяка. Это святое. Уйти без сюрприза – невежливо.

Поскольку уже нет смысла хранить радиомолчание, передаю в эфир второй группе сигнал на встречу. Идем почти открыто. Посты, развернутые в другую сторону, не успевают среагировать и умирают, скошенные шквальным огнем. И тут ночь вспарывает звук сирены. Да, и вправду, пора нам поторапливаться. Скоро здесь будет не просто жарко, а очень жарко и чрезвычайно неудобно.

Рев транспортов по курсу отхода настораживает. И я даю команду ускорить движение. Надо успеть, пока они не развернулись...

Не успели.

Человек сорок. Видимо, все, кого собрали. Если не прорвемся сейчас, потом подойдут волкодавы. Одна надежда, что это штабники.

- Третий.

- На приеме.

- Заслон. Один лис на север. Разворачиваются от реки до поворота дороги. Тридцать-сорок человек. От центра по флангам.

- Понял. Исполняю.

Последние слова он произнес уже на бегу, стремясь как можно быстрее успеть к новому месту встречи. Полторы-две минуты. Продержимся.

- Доратх, Саро, бронебойными по машинам. Говоря все это, одним движением накручиваю удлинитель ствола, потом откидываю сошки и залегаю у не приметного бугорка.

- Огонь! – командуя я, и транспортеры синхронно вспыхивают чадящими кострами, зацепив взрывом несколько солдат. Те моментально залегают и поднимают жуткую стрельбу, пытаюсь понять, откуда их убивают. Бесшумный карабин прореживает их ряды с уверенностью механической жатки. Офицер попытался поднять их в атаку и упал, закрутившись волчком в предсмертной агонии. И тут темп убыли солдат резко усиливается. Ага, кавалерия подошла. Штабники мечутся под перекрестным огнем, как вши под дустом. Моральный дух – ноль, точность огня такая же. Самое время линять.

- Перебежками, вперед. Доратх, пошел!

Голова. Выстрел. Движение. Выстрел. Движение. Выстрел. Порядок.

- Саро, пошел!

Звук. Выстрел. Еще. Порядок.

Ну и нам пора. Зигзагами, как бешеный заяц, лечу к спасительным зарослям. Внезапно спиной чувствую движение и падаю, разворачиваясь в падении для выстрела. Но враг уже свалился, пробитый несколькими пулями. Перекатываюсь – и бегом к близкому лесу. Вдруг небо словно

взрывается стоном, и земля начинает дрожать, словно по ней врезали огромным молотом. Это тактические ракеты по пеленгу нашего радиобуя накрывают штаб арлингов.

- Доратх замыкающий. За мной.

Еще десять минут сумасшедшего, изматывающего бега под музыку ракетного обстрела.

- Тахор.

- На приеме.

- Подходим.

- Понял.

Три минуты, и, упакованные в десантный отсек, мы рвем когти.

После четырех безуспешных попыток связаться с командующим армией я, наконец, пробился сквозь толпу адъютантов, но в ответ на предложение использовать оперативное преимущество и привезти, если надо, карту, добытую в штабе арлингов, услышал только отборную ругань пополам с угрозами упечь на рудники до конца жизни.

Ну, что ж. Нормальные герои всегда идут в обход.

Через пять минут я сидел у командира ракетчиков, который согласился под свою ответственность прикрыть наш отход пуском нескольких ракет. Бедный офицер отбивался, как мог.

- Да меня разжалуют! - кричал он, с ужасом глядя на штабную карту арлингов с еще не просохшими чернилами.

- Да ты послушай, - гудел Ша Кхорданг. - Ни ты, ни мы ему официально не подчиняемся. А если не врежем сейчас, они за несколько часов перегруппируют войска. А через три дня устроят всему фронту такое...

- Ребята, - сказал ракетчик совсем помертвелым голосом. - Я сделаю это. Но командующий армией - редкостная сволочь. Он из всех нас подстилку для прихожей сделает.

- Не бойсь, на такой подстилке у него ноги враз отсохнут! - подал голос Ша Ирх, не снявший еще знаки различия Имперской разведки.

Еще не стихло эхо первой волны обстрела, как в расположение Небесных Стражей пожаловал командующий 56-й армией алго Ша Санир. Не один пожаловал, а с комендантским взводом. Проигнорировав лесенку, он выкатился из вертолета с криком «Арестовать его!».

Доратх вопросительно посмотрел на меня.

- Только без членовредительства, - приказал я, и через пять секунд все прибывшие были разоружены ребятами Кхорданга и Ирха.

- Алго, ты хотел о чем-то поговорить со мной?

Генерал стоял, наливаясь кровью и набухая, как член в умелых руках. «Как бы не помер», -

мельком подумал я.

- Ты будешь жрать грязь на рудниках!!! - орал он, пытаюсь вырваться из рук аккуратно придерживающих его солдат.

- Зачем это? - осведомился я.

- Кто дал приказ на обстрел вражеских позиций?

- Я. Но не приказ. Мы посоветовались с начальником артдивизиона и решили сделать это как можно быстрее.

- Посоветовались?!! А со мной вы не хотели посоветоваться?!!

Я пожал плечами.

- Время дорого. Да и потом, ты же сам мне отказал, если помнишь, в такой малости, как возможность быстро потратить месячный запас ракет...

- Сколько?!!!

Генерал совершил невозможное: он покраснел еще больше, и уже совершенно бессвязно начал чего-то выкрикивать, царапая когтями по пустой кобуре. Все. Хватит. Надоело.

- Ардан! - я подозвал лейтенанта комендантского взвода, прибывшего с алго.

- Ардан, ваш командир, случайно, не сердечник?

- Да нет вроде, - хмуро отозвался лейтенант. - Поорет и отходит.

- Лиро!

- Да, командир.

- У меня в шатре, в личных вещах, черная шкатулка. Бегом.

Через десять секунд Лиро Ди, двигаясь на негнущихся ногах, на вытянутых руках и с выражением ужаса на лице внес, словно бомбу, шкатулку, и опустился предо мной на колени, протянув ее мне.

Я хотел приказать ему встать, но, увидев священный восторг, которым горели его глаза, осекся.

Шкатулка замка не имела. Она просто не открывалась в чужих руках. А на попытку взлома реагировала вообще отвратительно. Что там за механизм стоял, не знаю, но когда я протянул руку, она мягко раскрыла створки, выдавив из глубины площадочку с антрацитово сверкающим черным перстнем.

Все смолкло. Люди вокруг меня стояли, боясь пошевелиться, и этот круг тишины стремительно разрастался. Перстень Хранителя Империи, один из легендарных атрибутов верховной власти, первый раз за триста лет покинувший бронированный саркофаг в Главном хранилище, был, безусловно, известен всем присутствующим, как минимум, по школьному курсу истории.

В полном молчании я надел его на указательный палец правой руки. Увидел короткий ало-

красный сполох света, подтверждающий мое право на перстень, поднял раскрытую ладонь вверх и внятно произнес:

- Именем Императора.

На стоявший у побережья третий флот, видимо, поступили донесения об артобстреле арлинггов наземными частями, и на рассвете со мной связался командующий флотом арди со Ша Линхар. Густой и скрипучий голос адмирала заполнил собой всю палатку и, словно масло, закапал с переговорного устройства.

- Сынок, ты кого там долбаешь?

- Арди со, у меня есть серьезные основания полагать, что ракеты падают как раз туда, где стоят войска арлинггов.

- Тебе помочь?

- Буду рад. Мы немного не успеваем по времени.

В наручный коммуникатор я вызвал начальника радиоразведки.

- Ат Малю.

- На связи, - ответил мне немного усталый голос.

- Ат, у меня на связи командующий третьим флотом.

- Да, я вижу его канал.

- Карту, которую я тебе дал, оцифровали?

- Естественно.

- Отошли на флагман.

- Исполняю.

- Арди со, мои радисты сейчас отошлют тебе карту...

- Ты полагаешь, у меня нет карты?

- Это особая карта. Я хочу, чтобы ты обратил внимание на четвертый и пятый квадраты. А именно на участки, обозначенные красными треугольниками...

- Береговая батарея, - мечтательно произнес адмирал.

- ...и черными квадратиками.

- Штурмовики? Ох, удружил старику. Они ж мне всю кровь выпили. А это точно?

- Ша Линхар! Арлингговские штабники, может, и шутники, но не до такой же степени, чтобы развлекаться на собственной карте.

- Все-все. Вижу. Карта твоя дошла. Да, шустрый ты. Неужто впрям из штаба слямзил?

- Нет, конечно. Как я мог. Кражи - не мой профиль.
- Ну, вот и я говорю. А мне тут то, се, прямо из-под носа... Штаб ведь не бордель. Зайдешь - не выйдешь.
- Да, я не крал, - нравоучительно подтвердил я. - Не крал, а нахально отнял.
- А они так и отдали? - скептически спросил он.
- Ну, после краткой и эмоциональной дискуссии... В общем, они не смогли устоять перед моими аргументами.
- Значит, отнял? - мрачно уточнил адмирал. - Знаешь, сынок, если тебе чего от меня понадобится, ты лучше сразу скажи. Отнимать не надо.
- Только если сами нальете... - заверил я.
- Да, а что это вот тут за большой такой квадратик на холме? - как бы между прочим поинтересовался адмирал.
- А нет больше того холма.
- Ну, сливки сняли, это понятно. А остальное?
- Остальное в процессе.
- Тогда все. Я начинаю.

И адмирал начал. И как начал! Не прошло и трех минут, как небо надо мною дрогнуло и полыхнуло переливами радужного света. И, словно звук набатного колокола, поплыл в прозрачном утреннем воздухе густой протяжный гул.

- Ша Ирх?
- Командир?
- А что там, в третьем флоте?
- Авианесущая платформа, три линкора, девять фрегатов, шесть артмониторов, пять крейсеров, ну и по мелочи. Всего сорок пять единиц плавсостава.

Ни хрена себе... Да, эти врежут, так врежут. Не отскоблишь.

- А командир?

Ша Ирх хохотнул.

- Классный старикан. Был начальником пограничной стражи всего восточного побережья. Контрабандистов на его участке просто не было. Вытравил как породу.
- Кхорданг.
- Слушаю!
- Давай разведчиков в воздух.

Почти сразу же где-то вдалеке тоскливо занял тягач, и в небе полыхнули две молнии беспилотных разведчиков. Прикрыв глаза от слепящего солнца, я проводил взглядом их черные веретенообразные тела и неторопливо побрел в сторону штабного купола.

Спутники обе стороны потеряли еще в начале войны. Осталось только то, что висело на геостационаре в других частях света, и совсем крохотные аппараты, годные только для связи. Поэтому мне приходилось пользоваться аэроразведкой, зависящей от погоды, мастерства операторов и еще черт знает чего.

На главном экране штаба проплывали уже расшифрованные кадры. Судя по ним, примерно половина вражеской техники уже в руинах. Арлинги пытались спасти то, что можно, но с гибелью штаба армии у них воцарился полный хаос.

Моя служба радиоэлектронной борьбы усиливала этот бедлам, посылая в эфир ложные команды и не давая проходить настоящим. Служба РЭБ, укомплектованная бывшими взломщиками компьютерных сетей, была моим детищем от начала до конца. И маленьким секретом даже от ближайших командиров. Официально для всех это была новая система связи, которую апробировали на нашем подразделении.

С помощью добытых данных они уже вклинились в закрытые оперативные каналы, превратив их в обломки. Похоже, единственное, чем арлинги сейчас могли пользоваться – это дымовыми сигналами от горящей техники.

- Ат, дай-ка тактическую карту района.

Экран мигнул и сменился подробной картой нашего участка.

От побережья вглубь материка шел сухой каньон и цепь невысоких холмов. Русло древней реки. Там можно было неплохо закрепиться. Не думаю, что после утреннего разговора с Ша Саниром он выслушает хотя бы слово. Я глубоко выдохнул. Попробуем все же договориться.

- Ат, – обернулся я к связисту. – Соедини меня с командующим армией.

Через несколько минут свежий девичий голосок прощебетал мне в ухо:

- Адъютант командующего 59 хатгар, ти хор Теи Нат.

- Командир ихана «Небесная стража». Я хочу поговорить с командующим.

- Соединяю...

- Алго Ратхон слушает! – раздался незнакомый мне сочный баритон, вовсе не похожий на хриплый писклявый голос Ша Санира.

- Ладак Ша Гранг. Командир ихана...

- Да знаю, знаю... По твоей милости я уже два часа как командир этой навозной кучи.

- А куда делся Ша Санир?

- Вероятно, уже на пути в столицу. Этому идиоту хватило ума и связей пожаловаться самому Императору. А что у вас произошло-то?

Я рассказал, а потом перешел к делу.

- Алго, ты не желаешь взглянуть на наши трофеи?
- Ты имеешь в виду карту? С удовольствием.
- Я могу переслать ее по закрытому каналу.
- Нет. Я хочу взглянуть на оригинал, а заодно и на тебя. Жду!

Послышался сигнал отбоя, и тоже пропал. Я задумчиво стоял с трубкой в руках, немного ошарашенный происходящим.

- Что случилось? - встревоженно спросил Кхорданг.
- У нашей армии новый командир, - сказал я, ухмыляясь.

Совместным ударом морской пехоты и наземных частей мы взломали оборону вдоль каньона и зашли в тыл армии арлингов. Отрезав ее от основных частей, мы прижали ее к прибрежным болотам. Лишенная снабжения и возможностей эффективного маневрирования, армия агонизировала. Немногочисленные попытки прорыва успешно пресекались авиацией, мобильными частями и моторизованной пехотой.

К вечеру следующего дня я спокойно смотрел по огромному экрану в штабном куполе на передвижения войск, передаваемые аэроразведкой, когда заметил неторопливо ползущую к линии окружения небольшую мехколонну. Учитывая, что серьезных попыток прорыва не было, наши войска немного расслабились. И в этих условиях решительные действия, предпринятые небольшой группой серьезно настроенных людей, могли привести к плачевному результату.

- Лиро, Ша Кхорданга ко мне!

Мягко ступая, как по минному полю, подошел Кхорданг.

- Что ты об этом думаешь? - спросил я, показывая рукой на тоненькую цепочку машин.

Не сводя глаз с экрана, он наклонился к микрофону.

- Оператор. Три-двенадцать в экран.

Тут же масштаб карты изменился, словно я нырнул ближе к земле. Стали видны отдельные деревья и похожая на гусеницу вереница каравана. Я сразу обратил внимание на отсутствие в колонне танков и артиллерии.

- На прорыв не похоже, - подал голос командир батальона.
- Как раз похоже. Только на тихий прорыв.
- Думаешь, «Сит Тамиратх»?
- А больше некому.

Диверсионно-карательный полк, как и другие объекты первой категории, были накрыты первой волной ракетно-артиллерийского обстрела. Но оценить степень эффективности наших действий мы никак не могли. «Сит Тамиратх» как в воду канула. И вот теперь, отсидевшись,

они явно собирались к своим.

- Ихану - боевую тревогу, - проговорил я как бы в пустоту. Тут же без паузы надсадно завывла сирена, и земля дрогнула от топота трех тысяч сапог.

Оставалось сделать совсем немного.

- Чего там у тебя? - отозвался на мой вызов командующий армией. Коротко я рассказал ему о том, что, по моему мнению, происходит.

- Слушай, ладак, я хорошо знаю этих ребят. Это очень, очень серьезные бойцы. Я хочу предложить накрыть весь квадрат термитно-осколочными ракетами, а тех, кто выживет, отпустить без боя.

- Почему? Так серьезно?

- Если это действительно «Тамиратх», то у них, по моим данным, группа «танцующих».

- Это что еще за звери?

- За голову «танцора» назначена такая награда, что ракетчики, случайно накрывшие одного из них в ущелье Данок, теперь могут не работать всю оставшуюся жизнь.

- Алго! Я обещаю тебе, ни один из них не выйдет за линию окружения. Мне нужна только непрерывная долбежка по радиобую.

- Сильно долбить-то? - спросил командующий. - Ты знаешь, с боеприпасами у нас пока не очень.

- Как не жалко.

- Дах. Давай.

Мы успели почти вовремя. Солдаты окапывались, словно бешеные. Снайперы, пулеметчики и пехота вгрызались в землю, отгораживаясь бронешитами. И не успело сесть солнце, как сначала передовая группа, а затем и основная часть колонны арлинггов вступили в бой.

Вероятно, они подумали, что напоролись на мобильный заслон, прикрывающий тихий участок. Но мои парни быстро доказали, что это не так. Передовой отряд арлинггов тут же полег под перекрестным огнем тяжелой пехоты. Синхронно с фланговым ударом снайперы-ракетометчики сожгли арьергардную часть колонны, отрезая всякий путь к организованному отступлению. Быстро поняв, что в лоб не пройти, под прикрытием снайперов арлингги попытались просочиться по флангам, и тут же напоролись на линии сплошного минирования.

Я наблюдал эту картину с невысокого холма, на котором был мой НП. Сразу стало ясно, что огневого противоборства мои легкие снайперы не выдерживают. Начались потери в личном составе. Тогда, не переставая отдавать команды, я вместе со своей винтовкой прыгнул в ближайший окоп. Мое оружие - та самая штука, которой пользовалась Рат Са во время высадки десанта в госпитале - была почти в полтора раза длиннее обычной снайперской винтовки и имела специальный широкоугольный прицел с переменным увеличением по полю. Немного непривычно, но очень удобно, особенно в таком месиве. Отдача винтовки была такой, что могла запросто переломать кости неподготовленному стрелку, поэтому для установки

требовался специальный механизм, нечто вроде станка. Несколько десятков драгоценных секунд ушли на то, чтобы все поставить и настроить.

Лиро еще ковырялся со станком, а я уже прикинул к наглазнику прицела. Ночник давал не вполне обычное по моим представлениям мягко-розовое монохромное изображение, отличавшееся, не в пример нашему, очень высоким разрешением. Первого снайпера, нагло бившего с колена, я увидел сразу же. С гулким уханьем винтовка жестко дернулась в моих руках, и с лязгающим звоном стосорокаграммовый уран-вольфрамовый снаряд покинул ствол. Может быть, у него даже был бронезилет... Тогда снайпера разорвало вместе с ним.

Я лупил по всему, что движется. Лиро подавал мне обоймы, а я опустошал их со скоростью пулемета.

Мою огневую точку вычислили через считанные минуты. Рядом со звоном ухнула мина, и над головой надсадно жажнуло осколками. Все, понял, ухожу, ухожу, ухожу... Не снимая со станка, я подхватил своего дымящегося от перегрева динозавра на плечо и поволок в другой конец окопа, чуть не сбив при этом ординарца. Новая позиция была, пожалуй, поудачнее. Я увидел бронемашину, карабкающуюся по склону холма, и несколькими выстрелами превратил ее в груды железа. Из машины выскочил человек и немного пробежал вниз, а потом разлетелся на неравные части. Ребята из охранного взвода расположились вокруг меня неправильным эллипсом и огрызались, как могли, из табельного. Постепенно подтянулись тяжелые пехотинцы, и воздух вокруг загудел от их крупнокалиберных картечных ружей.

И тут со стороны арлинггов на наши позиции метнулись едва различимые тени. Двигались они не сказать, чтобы быстро, но техника шага делала их почти невидимыми.

«Танцующие»! Я толком не успел навести о них справки, но то, что рассказывали о них, на лирические мысли не наводило. Супербойцы, способные уклоняться от пуль и одним движением завязать узлом винтовочный ствол. Рассматривая их ломаные, аритмичные движения через оптику прицела, я только через несколько минут понял, что это напоминает мне моторику скорпиона. Столь совершенная техника боя казалась странной на общем фоне.

Внезапно огонь со стороны арлинггов стих. Видимо, боялись зацепить «танцующих». Преодолеть полосу сплошного минирования перед нашими окопами они, конечно, не могли. Я все ждал, когда Танцоры попрут на сенсоры, которыми были заменены обычные противопехотные взрыватели. Но, словно чувствуя опасность, они бесплотными тенями лились вдоль линии заграждения под ураганным огнем моей тяжелой пехоты. Я знал, чего они ищут. Проход в минном поле. Тот самый, который находился прямо перед моей огневой точкой. Я уже сейчас не помнил, для чего я его оставил. Наверное, тогда мне это показалось удачной идеей. Сейчас, наблюдая как «танцующие» скользят в сплошном потоке картечи, я больше так не думал. Один из них уже находился на расстоянии примерно в пятьдесят метров, и я резким движением выдернул из кобуры пистолет. Я не слишком надеялся на успех, но попробовать все же стоило. Пытаясь поймать его ритм, я сделал несколько пробных серий выстрелов, и тут же увидел, как среагировало его тело на мои пули. Словно он был бесплотным язычком пламени, а не человеком из плоти и крови.

Тридцать метров.

За те секунды, пока он их преодолевал, я успел сбросить бронешлем, штурмовую подвеску и, сделав сальто из окопа, выскочил на пространство перед бруствером.

Теперь, когда я видел «танцующего» совсем рядом, он, похоже, никуда не торопился. Его

движения стали тягучими и обманчиво медленными. Молниеносная атака «змеиного жала» была отбита им так, словно он отмахивался от надоедливых мух. В ответ он атаковал обратной стороной ладони, а на возврате руки ударил кулаком от бедра. Я уже был вне дистанции удара, и мне не пришлось бы в голову его блокировать. Но рефлекс уменее головы. Глаза сами отследили траекторию удара, а тело сдвинулось в сторону. И вовремя... Словно раскаленное ядро, нечто пролетело между моим локтем и ребрами, заставив затлеть ткань комбинезона. На моих губах внезапно, как всегда в минуты смертельной опасности, выступил солоноватый терпкий пот. Я называл его «вкусом смерти». Боец, стоявший предо мной, был значительно выше меня по классу. Но если мне и предстояло умереть, то перед смертью я собирался порезвиться. Прошлое и будущее, мысли и мечты – все было сброшено, словно пустая обойма. Обжигающий холод пустоты пронзил мое тело, и тут в голову ледяным потоком брызнули слова мантры Дхати.

Время, летевшее, словно пуля, вдруг решило сменить темп. Я уже не совсем понимал, что и зачем делаю. Помню, что каким-то образом преодолевая ставший тугим и вязким воздух, провел сначала нижнюю атаку «драконьим хвостом», а потом из нижнего положения сделал вертикальные ножницы и, выдергивая себя из почти лежачего положения, одновременно атаковал его горло. Запутавшись в моих атаках, он пропустил последнюю. Моя рука-копье вошла в мягкую плоть его шеи.

«Танцующий» был мертв. Один из шести. Почему-то сейчас я точно знал, сколько их осталось. Знал даже, как звали убитого. Алиасор ден Лиордан. И знал, что время мое, похоже, пришло. С пятью оставшимися в живых мне не справиться никогда. У меня оставалось лишь несколько секунд. Но почему-то вместо мантры Исхода я начал читать Охасто. Вслух, как бы напевая. Просто заунывный темп Исхода мне никогда не нравился. А легкие ритмичные слова мантры «солнечной смерти» наоборот. И мне показалось очень хорошей идеей в последнюю минуту жизни переступить запрет Учителя на чтение вслух мантры смерти, тем более многократно. В свете огненных трасс я ясно видел поле боя и самих «танцующих». Но гораздо более ярко светились их руки. Они несли их перед собой, словно чаши, и в каждой мягко мерцал светящийся шарик.

Полукольцо «танцующих» уже сходилось, когда мир вокруг меня перевернулся. То, что казалось твердым и незыблемым, вдруг оказалось бутафорским и непрочным. Как во сне, который вот-вот рассеется. Люди вокруг меня замерцали мягким красноватым светом. Вдруг появилось ощущение взгляда отовсюду. Словно я смотрел одновременно со всех точек, видя не только объем предметов, но ощущая их цвет, запах и даже вес. И только пять нестерпимо оранжево-желтых клякс ярко сияли на фоне черного, гулко пахнущего гарью, пуха земли. Язычки пламени, исходившего из рук «танцующих», сходились на мне, образуя пятиконечную звезду, в углы которой падали пять ярко синих иероглифов мантры Охати. Один пентакль, оранжево нарисованный «танцующими», словно накладывался на синий пятиугольник, нарисованный мантрой, и они медленно смещались феерической каруселью. Но мои иероглифы двигались чуть быстрее. В тот миг, когда они совместились, все внезапно взорвалось ослепительной зеленой вспышкой и погасло. Полуослепший и полуоглохший, я помотал головой, словно вытряхивая из ушей грохот, и оглянулся вокруг.

Пять Танцоров обугленными головешками лежали вокруг меня. Но пахло не горелой плотью, а почему-то свежей травой. И вот вернулись звуки. Как-то вдруг резко свистнула над головой пуля, откуда-то сбоку торопливо застучал наш пулемет, и огрызнулись сухим лаем автоматы арлингов. Чьи-то руки втащили меня в окоп. При этом все, что было на мне из одежды и снаряжения, распалось и упало на землю грязноватыми клочьями. В общем, я стоял нагишом, как последний дурак, но людям, окружавшим меня, почему-то смешно не было.

- Кто-нибудь принесет мне одежду? - сказал я хрипло и, проводив взглядом метнувшегося куда-то в сторону Лиро Ди, осел на землю.

Мечась между нашими флангами, арлингги дрались как бешеные, то поднимаясь в атаку, то залегая и огрызаясь ураганным огнем. Но это была уже агония. По моему сигналу на их позицию отстрелили радиобуй. Ракетчикам потребовалось совсем немного времени, чтобы триангулировать сигнал. И на устроенных наспех позициях заплясали фонтаны осколочно-термитных ракет.

К утру все было кончено. Я шел, скрипя пустыми гильзами и осколками по дымящемуся и остро пахнущему взрывчаткой и порохом полю, к ожидавшему меня винтокрылому «Камаргу» и размышлял о цене, уплаченной за маленький клочок голой степи. А в моем кармане позвякивали шесть небольших жетонов, вырезанных из цельного куска алого прозрачного камня, похожего на рубин. Знаки «танцующего». Овальной формы, примерно в два пальца шириной, со стилизованным язычком пламени.

- Командир, командир! - за мной бежал Ша Карох, командир одного из взводов. - Мы взяли пленного!

- Какого черта? - нахмурился я. - Ну и отправьте его, как положено.

- Это командир «Сит Тамиратх»

- Ну и чего?

- Он ну... это, - Карох замялся.

- Чего «это»?

- Баба! Вот чего, - выпалил он.

И у меня, и у арлингов служило много женщин. Кое-где их число достигало сорока процентов от личного состава. Но женщина - командир карателей... Нет, на это стоило посмотреть.

- Ну, давай взглянем на этого командира. Где?

- Там, - он махнул рукой в сторону.

Пленных было немного. От ушедших в прорыв двух тысяч солдат нашими стараниями осталось человек тридцать. Практически все были тяжело ранены. Только двое были относительно в порядке - солдат, контуженный взрывом, и командир, которого вытащили из подбитой мною бронемшины слегка обгоревшим и полузадохнувшимся.

Холодный уверенный взгляд из-под мягких пушистых бровей молодой, лет тридцати, красивой и высокой женщины со скуластым обветренным лицом. Даже бесформенный комбинезон не портил ее стройной и плотной фигуры. Я сплюнул. Ну какого хрена, спрашивается? Я знал, что ее ждет. Ничего особенного. Просто рудники. Если повезет, она протянет год. Это если будет регулярно ложиться под каждого солдата из охраны, меняя свое тело на противорадиационные таблетки. Но она была врагом. И только поэтому лишалась права на жизнь.

- Увести... - скомандовал я.

Но она неожиданно вырвалась из рук солдат и, метнувшись ко мне, крикнула:

- Элар Кимон мое имя! Ты слышал? Элар Кимон! Я приду за твоей жизнью!

- За жизнью, говоришь?

Глухая волна холодного ледяного бешенства поднялась во мне, сметая все барьеры. Я до боли в костяшках пальцев стиснул кулаки и почувствовал, как от меня в сторону метнулись какие-то незримые нити, захлестнув ее шею, бывшую от меня в нескольких метрах. Потом я, даже не понимая, как и что делаю, оторвал ее от земли и начал давить, как давят лютого врага. Медленно и неотвратно.

Ноги Элар Кимон болтались в тридцати сантиметрах над землей. Я чувствовал ее агонию, чувствовал, как она пытается сбросить мои путы усилием воли, и легко блокировал все ее попытки освободиться, постепенно увеличивая давление и поднимая ее в воздух все выше и выше.

Меня остановила тишина. Гробовая тишина и ужас повисли надо мной грязным облаком. Я разжал кулаки. Она рухнула на камни, жадно хватая воздух. Я посмотрел на своих солдат и пленных арлингов. Все они, кто со страхом, кто с мрачным интересом смотрели на меня, ожидая новых бесчинств. Нужно было как-то разрядить обстановку.

Я сплюнул ей под ноги.

- Лучше приходи за моим членом. Подарить не проси, но наиграешься всласть!

Громовой хохот солдат заглушил ее гневные крики.

А я стоял и думал о маленьком кусочке не выгоревшей на солнце ткани на ее комбинезоне. Овальной формы, примерно в два пальца шириной...

В тот раз мы прогнали арлингов почти до прибрежных болот. Мои солдаты голодными волками рыскали в тылу врагов, разрывая коммуникации, уничтожая живую силу и технику из засад и наводя огонь штурмовой авиации и ракет по крупным скоплениям войск и центрам связи. Кровавые рейды в тыл противника, похожие, скорее, на карательные операции, следовали один за другим. А после того, как мы освободили один из захваченных ранее арлингами рудничных поселков, и увидели, что они там натворили, офицеров ниже, чем командир батальона, вообще перестали брать в плен. На территории противника могло находиться до пятисот моих солдат одновременно. Горы вражеской документации с грифом «Ураган» и «Смерч» доставлялись моими курьерами в штаб армии и фронта. Наши соседи торопливо выравнивали линию фронта, сотни тысяч пленных заполнили тыловые дороги, а у меня назревали новые проблемы.

Полк, разросшийся до размеров дивизии, напоминал старую и большую черепаху. Безобразно растянутые линии снабжения, орда клерков в камуфляже, и постоянные визиты старших офицеров, перенимающих опыт, заставляли чувствовать себя не боевым офицером, а директором крупной компании. Все это меня безмерно раздражало. Но мне удалось сохранить «Небесных стражей» почти в прежнем составе. Конечно, боевые офицеры уходили на повышение, были и потери в личном составе, но дух бандформирования устойчиво витал над «Стражами». Это давало им в какой-то мере возможность не зазнаваться от постоянных побед. Просто они были самыми лучшими. Кому-то ведь надо быть самыми лучшими. Вот они ими и были.

Были и другие положительные стороны.

Был сформирован еще один разведполк. У меня была теперь своя истребительная авиация и два полка бронетехники. Тот самый артдивизион тактических ракет теперь тоже был передан в состав дивизии. Я уже был ти алго, то есть бригадный генерал, но все это было не то. Если мы хотели как можно скорее окончить эту войну, пора было вновь менять тактику. И этими мыслями я собирался поделиться с Императором...

Вот только фронт не колхоз. По делам в город запросто не уедешь. Я долго ждал подходящего случая, пока он не представился. В праздник трех лун, когда в столице бушует карнавал, кому-то в голову пришла мысль устроить военный парад. Довольно нетрадиционная, надо сказать, для Киит ратс идея. Несколько подразделений от разных родов войск должны были продефилировать по Площади Трех Лун в феерическом свете тройного затмения. Сначала от нашей группы войск должны были поехать морские пехотинцы, но из-за какой-то штабной нестыковки мне предложили направить в столицу для участия в параде двести своих солдат.

Я хотел продемонстрировать Императору своих ребят во всей красе, и поэтому отобрал двести пятьдесят лучших бойцов.

Двумя бортами мы спокойно добрались до столицы и расквартировались в казармах на краю военного аэродрома. Я уже собирался завалиться спать, как ко мне влетела начальник связи ихана, тонконогая брюнетка Ло Ис. Она была патологически любопытна и старалась подслушивать и подглядывать все, что только можно. Но мне удалось направить ее активность в полезное русло, и теперь она подслушивала и подглядывала совершенно официально.

- В чем дело? - как можно строже спросил я, невольно любясь ее гибкой фигурой.

- Вот, послушай! - сказала она, протягивая мне наушники. Какое-то хлюпанье заполнило мою усталую черепную коробку.

- Да что это? - воззрился я на нее.

- Свежий радиоперехват на боевых частотах.

- Снова своих подслушиваешь? - пожурил я ее. - Но связь на боевой частоте не преступление. Хотя, конечно, странно...

Она поднесла наушник к своей курчавой головке и коротко выругалась.

- О Дах! Видимо, перещелкнула, когда бежала...

Она что-то покрутила и вновь протянула мне наушник. Я вслушивался в радиообмен, и настроение мое стремительно ухудшалось. Сомнений быть не могло. Ночью, накануне праздника, кто-то передвигал большую группу войск. Не меньше трех-четырех полков. Я мог бы это списать на чрезвычайные меры безопасности, но для обеспечения порядка на улицах танки вовсе не нужны. Черт! Переворот, что ли?

- Соедини с генштабом.

- Связь отсутствует.

- Дах! - рявкнул я. - Тогда хоть с кем-нибудь! Имперская безопасность, Разведка, Дворец Императора...

- Во время затмения из-за помех радиосвязь невозможна.

- А тогда как же мы их подслушиваем?
- Они работают направленным радиолучом. Видимо, мы в створе сигнала и совсем рядом.
- А оптопровод, телефон, оптика, гражданские линии, луч на спутник?
- Все глухо.
- Командиров ко мне!

Ло Ис упорхнула, забыв свои наушники у меня в руках.

- Лиро!
- Да, командир.
- Мне есть во что переодеться, кроме вот этого... - я показал рукой на выходной мундир.
- Полевая форма, фотохромный, летный комбинезон, рейдовый комплект?
- Ты что, и в самом деле все это притащил с собой? А оружие ты часом не захватил?

Не моргнув глазом, он выкатил на середину палатки огромный кофр, в котором, как я полагал, он держал свои личные вещи. Я тогда, помнится, слегка удивился, зачем молодому парню такое количество барахла, но промолчал. Щелкнул замок, и, раскрывшись пополам, чемодан показал внутренности, битком набитые моим личным снаряжением вплоть до рюкзака, с которым я ходил в рейды.

Я едва успел переодеться в фотохромник, как ко мне ввалились мои старые боевые друзья. Немного располневший Ша Кхорданг и такой же тонкий, будто щепка, Ша Ирх. От Доратха, ставшего командиром роты, немного потягивало кислым лирахским вином и женскими духами. У кого-то из девчонок-связисток, по-моему, были именно такие. Ничего, еще успеет...

- Короче, такое дело... Похоже, в столице переворот, - я поднял руку, останавливая шум. - Тихо! Нас всего одна дасса, к тому же почти безоружная. А я не знаю, сколько в столице войск, верных Императору. Ну, что делать будем?

- Насчет оружия, - неторопливо начал Ша Ирх, переглянувшись с Доратхом. - У нас тут есть немного...

- «Немного» - это сколько? - поинтересовался я.

- Ну, штурмовой комплект на каждого солдата и совсем чуть-чуть тяжелого вооружения.

- А «чуть-чуть» - это сколько? - спросил я, передразнивая интонацию Ша Ирха.

- Да примерно треть наших - тяжелая пехота...

Ну да, совсем немного. Примерно по сорок кило оружия и спецснаряжения на каждую из двухметровых горилл, из которых набирали тяжелую пехоту.

- И чья это была идея? - спросил я строго.

- Сам же учил! - насупившись, проронил молчаливый Кхорданг.

- Так, ладно. Предлагаю прижать местных авиаторов на предмет вертолетов. Сколько у нас пилотов?

- Вот с этим плохо, - Ша Кхорданг начал загибать пальцы. - Два пилота - транспортники, но с грехом пополам вертолет до места доведут. Потом я.

- Меня запиши! - подал голос Ша Ирх.

- Ты где это успел? - удивился Кхорданг.

Тот молча пожал плечами. Глупый вопрос. Военная разведка - она и здесь военная разведка.

- В общем, со мной пятеро пилотов, - подвел я итог. - Какие там у них машины?

- «Камарг 6» и «Камарг 9», - сказал Доратх.

- «Шестой» - это пятнадцать рыл, а «девятый» - почти сорок. И много у них «девяток»?

- Четыре точно есть.

- Кхорданг! Машины за тобой. И чтоб без смертей. Свои все-таки...

- А как с этими? - он помедлил.

- Ты про мятежников?

- Ну да.

- Они чужие! - отрезал я.

Захвата по сути не было. Машины стояли рядышком, словно на параде, и что характерно, были под завязку заполнены топливом и боезапасом. Это косвенно подтверждало версию переворота. Военная полиция сидела тихо и даже не высовывалась. Короткая деятельная суета, и набившись, как сельди в бочку, в пять машин, мы тяжело поднялись в воздух, взметнув волну теплого мусора.

Столица сияла огнями. Сначала робкими, как россыпь угольков в ночи, а затем все ярче и ярче, пока огни не превратились в сплошное море света, питаемое дорогами, сиявшими, словно реки жидкого огня. Они пронзали город, свивались на его груди диковинными змеями транспортных развязок и, вдоволь нарежившись, разбегались, взламывая горы широкими тоннелями. Волны света докатывались даже до горных вершин, окружавших столицу сплошным кольцом. Их ледники мерцали призрачным сиянием, четко выделяясь на фоне более темных гор. Но и над столицей ночной, но вовсе не темный небесный свод бурлил ведьмовским котлом огней, словно опрокинутый в небо город.

Иногда, заглядываясь, мне хотелось потрогать звезды руками - такими они казались близкими и теплыми. Но в эту ночь они были холодны и высокомерны. Все из-за трех блистающих и вечно молодых лун, которые сошлись вместе, чтобы через двое суток, слившись в одну, подарить людям праздник тройной любви. Именно эту феерическую ночь хотели испоганить ублюдки, задумавшие устроить очередную бойню ради власти.

С высоты я видел одну из колонн заговорщиков,двигающуюся в город по резервной автостраде. Тяжелые гусеничные рейдеры и артиллерия. Это подтверждало версию

переворота. Провожая их взглядом, я искренне пожалел, что не было у меня под рукой штурмовиков Ша Тамчена. Они бы выжгли эту мразь еще на подходе. Ладно. Еще успеем...

Через десять минут полета мы плюхнулись на лужайку возле Императорской резиденции, вспоров жирный дерн зелени газона.

Не обращая внимания на клумбы, я быстрым шагом пошел к дворцу и, не дойдя до него пары десятков шагов, был остановлен хриловатым юношеским окриком.

- Стой!

Что-то в этом духе я предполагал, и у меня уже была заготовлена целая речь, но мне не дали и слова сказать.

- Бросить оружие, лицом на землю, руки за голову!

Я поднял руку, и в неверном свете фонарей, освещавших резиденцию Императора, вспыхнул фиолетово-красным сполохом перстень.

- Именем Императора! Я требую позвать шефа безопасности!

- На счет «три» я открываю огонь!

Прямо предо мной стоял молоденький офицер охраны Императора с пистолетом и целился мне в лицо. А ребята не отходившего от меня ни на шаг Доратха, мгновенно оценив обстановку, ощерились стволами штурмовых винтовок.

- Слушай, урод! Стоит мне сказать слово или просто плюнуть, и от тебя останется только кровавый дым. В столице переворот. Я привел своих солдат, чтобы они защитили Императора. Сейчас я дам команду занять оборону, а ты сделаешь так, чтобы здесь появился твой начальник. Понял?

- В чем дело?

К нам подошел невысокий пожилой человек со смутно знакомым лицом.

- А, ти алго, добрый вечер или, скорее, добрая ночь! - сказал он, обращаясь ко мне. Тут я его узнал. Это был начальник личной охраны Императора Алго Ша Ратхон.

- Почему вы решили, что кто-то устраивает переворот? - спросил он, с любопытством поглядывая на мой перстень.

- Мы получили данные радиоперехвата. В столицу движутся танки и войска.

- Так парад же?

- Тяжелые танки на столичных дорогах?

- А откуда ты знаешь, что именно танки и именно тяжелые?

- Сам видел, - хмуро бросил я. - Связь не действует, оптопровод заглушен.

Он поднял коммуникатор к глазам и что-то там набрал. Потом еще что-то и, в конце концов, скovyрнул с него крышку и решительно нажал какую-то кнопку.

- Асарх, опусти пистолет! Пойдем, - это уже мне.

- Сейчас.

Я обернулся к своим солдатам и отдал несколько коротких команд. Тут же все задвигались, быстро, но без суеты выстраивая оборону дворца.

- Ша Ратхон! Нужно проводить снайперов на крышу.

- Асарх, проводи! - Он повернулся ко мне. - Нас ждет Император.

В этот поздний час Император не спал. В маленьком кабинете, отделанном резным деревом, было не повернуться от бумаг. Они занимали почти весь стол, неряшливыми кипами громоздились на полу и взбирались на стены по широким темно-коричневым полкам. Усталые покрасневшие глаза и тяжелые, старческие руки с набухшими венами. Да он глубокий старик, запоздало подумал я. Сколько ж ему лет? Киит ратс живут долго, в среднем лет по сто - сто пятьдесят. И до седин сохраняют хорошее здоровье. Император по земным меркам выглядел как нормальный восьмидесятилетний старик. Может быть, именно поэтому я не сделал поправку на его возраст. Слишком свежими были мои воспоминания о той, ныне утерянной Родине...

Император поднял голову и жестом пригласил меня сесть. Потом устало протер рукой лоб и покрасневшие глаза, подпер голову и спросил:

- Как там на фронте?

Ну что я мог ему сказать?

- О войне не расскажешь.

- Зато о тебе ходят настоящие легенды.

- Император! Я пришел из мира, который воюет с начала времен. Для меня это просто работа. Отвратительная, грязная, но необходимая работа.

- Ты очень хорошо делаешь эту работу.

- Я бы с удовольствием делал что-нибудь другое.

- Что, например? - он заинтересованно наклонил свою голову, отчего совсем стал похож на старого грифа.

- Ну не знаю... Например, рисовал, сажал сады или сочинял стихи.

- Ты умеешь делать все это?

- Сажать большие сады не пробовал.

- А маленькие? - спросил Император, неожиданно широко и тепло улыбнувшись.

- Один. Но специалист хвалил. Даже очень!

Я тоже улыбнулся. Неожиданно запястье кольнул вызов ближней связи.

- Командир! Охрана по периметру установлена. Снайпера на позициях. Тяжелое вооружение с вертолетов снимать?

- Только если сумеете укрыть бронелистами и обеспечить хотя бы минимальную подвижность.

О главном поговорили, теперь о мелочах...

- Император! В столицу идут танки. Связь заблокирована полностью.

- Интересно, - облизнул он губы. - Чья же это работа?

Учитывая ситуацию, он был очень спокоен.

Наше недолгое молчание было прервано запыхавшимся царедворцем могучего телосложения, протиснувшимся в полуоткрытые двери. Его трясло, и он постоянно на меня поглядывал, словно ожидая какой-то гадости.

- Император! Агих! Агих! Включите скорей.

Недовольно нахмурившись, Император откинулся в своем монументальном кресле, и оно, неожиданно легко крутнувшись на невидимой оси, повернулось ко мне боком. Приподняв резной подлокотник, Император резво защелкал открывшейся под ним клавиатурой. Не успел я удивиться скрытым возможностям антиквариата, как книжная полка мягко скользнула в сторону, открывая матово-черную плоскость экрана. После легкой ряби экран осветился, и на нем показался Император собственной персоной, стоявший в красиво убранном зале на фоне огромного герба Империи.

«...передаю всю власть наместнику, слово и власть которого в эти тяжелые дни должна быть нерушимой и твердой, как власть Императора. Ша иррисант Радох, самый достойный из лучших. Он сможет прекратить такую тяжелую для всех нас войну.

Может быть, вас удивит мое выступление, но тяжелое время требует тяжелых решений. И я призываю всех, преданных Короне и Империи, служить наместнику так же честно, как вы служили до сих пор мне.

Войска, введенные в столицу и крупные города Империи, призваны не допустить беспорядков и уличных волнений. Призываю вас...»

- Они передают это вот уже пятый раз... - немного отдышавшись, просипел советник.

- Радох, Радох.... Шустрый оказался мальчик, - натянуто улыбнулся Император. - Однако как ловко сделано! Интересно, а меня, наверно, предполагается прикончить? А? Ти алго? Что у вас делают в таких случаях?

- Император! - начал я. - Переворот - штука неприятная, но не смертельная. Я полагаю, мы выкрутимся.

- Но как?

- Есть несколько способов. Я могу эвакуировать тебя и приближенных в надежное и тихое место, а тем временем спокойно и без лишней крови разобраться с заговорщиками.

- А если я не хочу без лишней крови? - прошептал Ша Дарх.

- Ммм... - Я замолчал, подбирая слова. - Император, от результатов моей деятельности иногда тошнит даже выдавших виды солдат.

- Да пусть стошнит хоть всю планету! - перегнувшись через стол, он смотрел на меня своими змеиными глазами в упор, не мигая. - Я хочу видеть их головы на своем ковре! Утром! Ты понял? Или мне повторить?

Я задумался. Я первый раз видел Императора в таком состоянии. Если это не просто форма речи, то его сильно достали.

- Хорошо. Станцуем... Но не говорите потом, что голодный зверь забрался в птичник.

Я перечислил, что мне было нужно.

- Первое. Мы можем передать изображение из резиденции на телестанцию? У вас есть такое место, которое все узнают и где можно сделать запись?

Император устало кивнул.

- Затем, - я продолжал перечисление, - мне нужна карта всех коммуникаций центра города. Особенно района телестанции и Дворца.

- Есть такая. Что еще?

- У меня совсем мало патронов.

- Мой арсенал в твоём распоряжении.

Он не успел договорить. За окном что-то полыхнуло и хлестко с оттяжкой, врезало по стеклам так, что они зазвенели.

- Прошу прощения, Император.

- Да, конечно...

Я вновь включил переговорник.

- Что там у вас происходит?

- Командир, мы тут попытались запустить флаер, ну, хотели попробовать.

- И как, попробовали?

Голос Кхорданга был радостным, словно у мальчишки, который подсмотрел нечто такое, чего остальным не увидеть никогда.

- Ага! Слушай, тут у них вокруг дворца сплошные зенитные установки.

- Что-то серьезное?

- Да нет, станки типа «Алих-12». Но отсюда все равно не взлететь.

- Так. Пусть снайперы почистят, кого смогут.

- Ну, вот и вопрос с эвакуацией сам собой решился, - сказал Император, устало потерев

глаза. – Надо действовать дальше...

– Я меняю вашу охрану на своих солдат.

– Считаешь, надо?

– Строго говоря, на данный момент уже странно, что ты еще жив. А убрать тебя проще всего твоей же охране.

– Пожалуй.

– Ну, вот и все.

Я уже собрался уходить, как Император жестом остановил меня.

– Перстень у тебя с собой?

– Да. С собой, – немного помедлив, ответил я.

– Я хочу, чтобы ты его больше не снимал. Пусть все знают, от чьего имени ты убиваешь.

Оставив почти всех своих солдат в распоряжении Императора, я с отборной группой разведчиков рванул к телецентру. В трехсотметровой башне телецентра находились не только эфирные передатчики, бесполезные в дни затмения, но и главные серверы Сети.

Рванул – это громко сказано. Подобно городским паразитам, мы пробирались по канализационным каналам по уши в дерьме, в изобилии поставляемом жившими в огромном городе людьми. В нашу группу, кроме моих ребят, входило несколько оперативников Рохара. Немного зная самого Рохара, я вполне резонно предположил, что эти парни не будут колебаться, стреляя по своим. На прямо заданный вопрос они только молча кивнули.

Через какое-то время наш путь преградила массивная защитная решетка. Ее ячейки были слишком велики, чтобы служить защитой от грызунов. А от людей в самый раз.

Я уже хотел отдать команду пережечь решетку термитной шашкой, но к ней подлез один из офицеров безопасности, вытаскивая на ходу из кармана своего комбинезона небольшой предмет. Более всего он походил на трубочку, с которой несостоявшаяся террористка пыталась напасть на Императора. Правда, трубка торчала в чем-то типа рукояти.

Короткий розоватый сполох света – и вместо решетки белесый пар, запах озона и огрызки стальных прутьев, торчащие из воды и стен и похожие на гнилые зубы.

Проходя мимо, я потрогал срез арматуры. Он был шершавым на ощупь и совершенно холодным. Да... А ведь с виду зубочистка зубочисткой! Честно говоря, в тот раз я предположил, что это одноразовый ствол или на худой конец просто бомба. Ладно. Вопросы потом. И все же, интересно, как далеко пуляет эта штука?

Так мы и шли. Молчаливый, словно немой, офицер-безопасник, одетый в аспидно-черный комбинезон и шарообразный шлем, расчищал дорогу сквозь решетки, освещая коридор неяркими вспышками своего неведомого оружия и едва заметными переливами синего света на складках комбинезона. Неужели энергощит? Ай да Рохар, ай да сукин сын! Где ж ты такую технику надыбал? Я тоже хочу!!!

Долго ли, коротко, мы подошли к боковому стоку, который, согласно карте, вел в телецентр. На этот раз офицер возился гораздо дольше. Все потому, что вместо решетки здесь была замураванная в бетон связка труб. От едкого пара внезапно зашипало в глазах, и тут же защелкали автоматические забрала бронешлемов, отсекая ставший непригодным для дыхания воздух. Нагнетатель противогаза мгновенно продул подшлемное пространство, а затем стих до нормального режима. А совершенно невероятные комбинезоны безопасников просто окутались голубоватым сиянием. Тресну, но один сопру.

Осторожно, по одному мы пробрались в цоколь башни, превращенный в огромный водосборный колодец. Куполообразный потолок водосбора пронзал вертикальный штырь подъемника. По этому-то шипастому стержню, уходящему вверх, я и стал подниматься. Конечно, проще всего было бы воспользоваться удобной площадкой подъемника. Но я до сих пор был жив именно благодаря совершенно патологической подозрительности. Особенно это касалось простых и прямых дорог...

Собственно, главный колодец Сети – одно из интересовавших меня мест – располагался под нами. Но долбать пять метров добротного бетона, даже с помощью чудо-оружия Рохара, мне вовсе не улыбалось. Тем более через метровый слой воды. Поэтому оставалось только одно – попасть туда штатным порядком, по фермам подъемника.

Первые десять метров я прополз относительно без проблем. Оставалось еще столько же, как взрыв-детектор испуганно забулькал в шлемофоне, и я заметил маленький цилиндрик, скромно прилепленный клейкой лентой на одном из полозьев. Честно говоря, выглядел он просто фитюлькой. Не хватало только яркой бумажной обертки, чтобы принять его за петарду. Я зацепился карабином за стержень, чтобы освободить руки, и, подсвечивая фонариком, стал внимательно разглядывать сюрприз неведомого доброжелателя. Антенны нет. Так что идею о дистанционном приводе я оставил почти сразу. Судя по тому, как криво он был прилеплен, маятникового взрывателя тоже не планировалось. Похоже, просто мина. Через несколько минут, обезвреженная, она была запихана в один из бесконечных кармашков разгрузки, а я продолжил свой путь.

Наверху штырь заканчивался разветвленной конструкцией, позволившей мне удобно устроиться для осмотра массивного стального люка, который закрывал горловину водосборного колодца.

Люк, похоже, был чист. Во всяком случае, взрыводатчик промолчал. Но я хотел убедиться в этом сам. Поэтому микрофреза вспоролла металл люка, проделав в нем маленькую дырочку, а оптический щуп тут же протиснул в это отверстие свое узкое любопытное тельце.

«Конечно, промолчал», – подумал я о взрыводатчике. Потому как мина вон аж где. Ух, какая здоровая. И как они не боятся? Здесь ведь не чистое поле, а башня. Обвалится – не надо и хоронить. А вот и проводок от мины, ведущий к электрозамкам люка. Больше, похоже, ничего, и людей нет. Черт, здесь не замки, а электропривод. Поэтому, если я открою люк вручную, то, возможно, взрыва и не будет.

Поскольку другие идеи по тем или иным причинам отпадали, я закрепился, как мог, и сначала потихоньку, а затем все сильнее и сильнее начал плечами выдавливать массивную стальную крышку. Уже через десять-пятнадцать секунд мне пришлось подпирать мышцы энергопоток. Без видимого результата я скручивал энергию в огромный жгут, проходивший сквозь позвоночник, вытягивая его вверх. Воздух вокруг меня искрился и бурлил маленькими светящимися точками, похожими на искры костра. Под моими ногами уже начали гнуться

фермы подъемника, когда люк сдался. Тело мгновенно среагировало на уменьшение нагрузки, и я осторожно приподнял недовольно скрипнувший люк. И тут же в тонкую щель между крышкой и полом вместе с тусклым светом дежурного освещения на меня хлынул шум работающих агрегатов. Звук был настолько силен, что я, уже не боясь, нажал в полную силу. С длинным скрипучим хрустом выворотились замки, и люк открылся.

Обширная комната, в которую я попал, была скорее всего контрольным центром управления водоводом. Освещенная тусклыми фонарями дежурного освещения и разделенная на участки сетчатыми перегородками, она была заполнена шумом механизмов и многочисленными пультами управления. Под решетками фальшпола змеились толстые связки кабелей. Тут не то что мину, петарду не взорвешь. Такой фейерверк начнется. Но часового не видно.

Я тихо проник в зал и еще раз внимательно огляделся. Людей не было. Я дал команду на подъем остальным и начал отрабатывать помещение.

Двое из поднявшихся ребят сразу же подскочили к ведущей вверх лестнице и взяли ее на прицел. Остальные, по мере подъема, занимали оборону на узловых точках зала. Не дожидаясь, пока последние вынырнут из люка, я раскрытой ладонью энергично махнул в сторону лестницы, давая команду на продвижение. Трудно было предположить наличие здесь датчиков, способных засечь наш радиобмен, но береженого Бог бережет, и я поддерживал режим молчания до последней возможности.

Еще несколько пролетов мы проскочили относительно спокойно. Первый часовой находился на уровне земли, там, где, собственно, начиналась башня телецентра. Его голова была едва видна в просвете лестниц. Он стоял в простенке двери, выходящей в холл центрального выхода, и, естественно, находился в поле зрения людей в зале. Поэтому если ему и суждено было умереть, то уж во всяком случае не на посту. Короткий металлический звук, который издал пистолетный затвор при несильном ударе об стену, привлек его внимание, и часовой пошел посмотреть на штучку, которая так забавно звенит в тишине. Потом с выпученными глазами и пистолетным стволом во рту он выслушал мою короткую, но энергичную речь о необходимости тихой и душевной беседы, и согласно кивнул своей бестолковой головой. А затем тихим и внятным шепотом он поведал мне все свои страшные и не очень тайны о численности и расположении постов, кодах и частотах. Он так боялся, что мне пришлось, как доброй маме, рассказать ему сказку на ночь о двух ампулах сильнеешего наркотика из кладовых Императора, и даже продемонстрировать их в деле. Сказка ему понравилась...

Эфирные студии находились на тридцатом этаже башни. И путь наш лежал именно туда. Точнее, меня интересовали несколько точек. Первая – это, конечно, студии и серверы Сети. Потом энерговод и передатчики. И, естественно, Главный Колодец. То место, откуда башня входила в Сеть. Желай я просто прервать трансляцию той фальшивки, которую состряпали заговорщики, мне было бы достаточно уничтожить любой из этих узлов. Но моя задача была намного сложнее. Я должен был обеспечить трансляцию из Императорской резиденции или хотя бы включить свой ролик, кристалл с которым лежал у меня в кармане. И при этом не дать сорвать передачу хотя бы час.

Моя команда разделилась на небольшие группы. Каждая из них имела свой маршрут и свою задачу. Сам я двинулся на самый верх, туда, где находились аппаратные и эфирные студии и главный компьютер телецентра. Бесплотными теньями мы скользили вверх, и единственными нашими спутниками были тусклые блики на стволах от ламп дежурного освещения. Выскочивший на аварийную лестницу техник был мгновенно допрошен и отправлен в глубокий сон с помощью тех же ампул, которыми были в достатке снабжены все члены штурмовой команды.

Наконец лестница закончилась. Тяжелая массивная дверь из стали и пластика, выкрашенная в жирный зеленый цвет, встала впереди нас, как последний рубеж перед финишной прямой. Ни замка, ни петель. Хорошая дверь. Далее, судя по карте, был только коридор и аппаратные Центрального Узла Связи. Остальные группы были тоже более или менее в стадии готовности. Пока последние из них занимали свои места, я приказал заминировать дверь и отойти на этаж ниже. Сто граммов высоко бризантной взрывчатки, закачанной в стык между дверью и косяком, должны были решить проблему проникновения на этаж вместе с шоковым воздействием. Сапер справился со своей задачей достаточно быстро и, спустившись к остальным, занял свое место в штурмовом порядке. Дождавшись, когда последний из отрядов закончил свои приготовления к вечеринке, я показал саперу ладонь, и он согласно кивнул, удобнее приспособив палец на радиовзрывателе.

- Всем приготовиться, - сказал я, сломав тишину эфира.

- Зеленая команда готова.

- Красная команда - порядок.

- Белая - готова.

- Всем. Штурм - пять секунд.

- Четыре, - и я загнул один палец на руке так, чтобы и остальные члены группы видели ее.

- Три.

Незаметно для постороннего взгляда группа собиралась, словно зверь перед прыжком.

- Два.

- Один.

- Пошел!..

* * *

Оглушительный взрыв рвет стальную дверь, словно бумажный лист. Осколки рикошетом падают к нашим ногам. Звук еще летит, дробясь бесконечными переходами, а мы уже врываемся в широкий коридор. Хруст выбиваемых дверей, разрывы шоковых гранат и нарочито громкие крики, заполняют его без остатка. Впереди - серверная. Опять стальная дверь, но уже не такая серьезная. Выскочивший из-под моей руки сапер секунду осматривает ее, а потом, вынув из кармана бесформенный белесый пакет, приклеивает к двери и вкручивает в него детонатор размером с таблетку. На мгновение все прилипают к стене.

Негромкий взрыв, и я вкатываюсь в помещение, успев в последний момент нырнуть вправо от очереди из короткоствольного «Риасса», которая минует меня, оставляя в стене выщербленный след. Серия коротких хлопков заставляет ее резко вильнуть вверх, а затем и вовсе остановиться.

Все. Два трупа, опрокинутые на столы, один пленный, у которого хватило мозгов вовремя бросить оружие, и девочка в каком-то грязном тряпье под аппаратным столом.

- Красная группа?

Доратх откликнулся мгновенно, но голос его странно дребезжал.

- Красная порядок.
- Что у тебя с голосом?
- Осколком зацепило. Ничего страшного, - недовольно ответил Доратх.
- Ладно, ладно. Белая группа?
- Белая порядок.
- Их, как аппаратура?
- Немного повредили резервный энерговод.
- «Немного» - это как?
- Ну, искрит, чуть-чуть дымит. Сейчас отключим и проветрим.
- Хорошо.
- Зеленая?
- Увязли...
- В чем дело?
- Пулемет...
- Справитесь?
- Заканчиваем рикошетную мину.
- А просто гранатой?
- Пробовали. Бронешит. Попробуем достать через потолок.
- Ясно. Не затягивайте!

Я осмотрелся. Оставшиеся в живых на коленях стояли в коридоре. Их руки были стянуты за спиной короткими пластиковыми ремешками, заменявшими нам наручники. Слева, в аппаратной, толпились люди, и раздавался тихий визг или, скорее, вой, поражающий своей безысходностью. Я подошел, раздвинул руками народ и увидел маленькую светловолосую девушку, закутанную в какие-то невероятные тряпки. Она забилась в самый угол под столом. На все предложения выйти она только тихо выла и сжимала свои маленькие кулачки, прижатые к груди.

Я стянул с головы бронешлем и протянул его за спину.

- Связистам - восстановить связь. Ролик в эфир, дворец на линию, трансляция через тридцать эан. Вход под охрану. Здание под зачистку. Исполнять.

Из руки шлем куда-то сам собой делся, а за моей спиной раздался шум напряженной и деятельной возни.

- Командир?

- Да?

Я обернулся. Рядом стоял адъютант с гражданской женщиной.

- Командир, это врач телецентра...

- Ну и?

- Она говорит, что девушка в шоке после группового изнасилования...

Врач, дама строгого вида в желтом балахоне с эмблемой гражданской медслужбы на рукаве, не дала ему закончить.

- Генерал, я требую, чтобы вы вытащили ее из-под стола и помогли мне сделать ей инъекцию. Девушка нуждается в лечении и реабилитации. Ваши люди и так достаточно напугали ее.

- Доктор, я не знаю, какой ты там специалист, но лечение бывает разным.

Я присел на корточки и оказался нос к носу с немного распухшим от слез и неглубоких царапин, но все равно очаровательным личиком с красивыми светло-карими глазами.

- Они тебя насильовали?

Едва заметный кивок.

- О чем ты думала, когда они это делали? Наверное, хочешь убить их?

- Да, - тихо, почти шепотом ответила девушка.

- Ты когда-нибудь убивала?

Она замотала головой.

- Нет.

Голосок у нее был тоненький, но мягкий. Вот суки, она же совсем ребенок!

- Хочешь попробовать?

Ее глаза стали огромными и совершенно круглыми.

- Пойдем.

Я сдернул перчатку и протянул ей руку.

Она выбралась из-под стола, неловко придерживая на груди какое-то рваньё. Я дернул сбросовое кольцо, расстегивая подвеску, и свалил ее в руки адъютанту, затем стянул броню и, расстегнув свою куртку, набросил ее на плечи девушке.

- Как тебя зовут? - спросил я, натягивая подвеску поверх бронежилета.

- Ла Тои...

Я взглядом нашел своего адъютанта. Встретившись со мной глазами, он подскочил с неммым вопросом.

- Где пленные?

- Арестованные?

- Я сказал «пленные», значит, пленные!

Лиро моргнул.

- В комнате отдыха. Это рядом.

- Проводи.

Сзади что-то негромко вякнула докторица. Я сделал вид, будто не услышал.

Комната отдыха представляла собой зал с диванами по бокам и большим, во всю стену экраном. В этом зале стояли, сидели и лежали человек двадцать-тридцать под охраной моих ребят и офицеров Рохара. Один контрразведчик был ранен в голову, но держался молодцом.

- Пленных в линию! - скомандовал я.

После небольшой суеты, сопровождавшейся чувствительными тычками прикладами, все пленные были построены в две шеренги.

- Посмотри, - сказал я, обращаясь к Ла Тои. - Есть среди них те, кто сделал это?

- Этот и этот, - показала она рукой.

- Все?

- Остальных нет.

- Наверное, среди убитых, - предположил Лиро.

- Вывести на середину!

Солдата и офицера, на которых указала девушка, вывели на середину зала.

- Ну, а теперь можешь сделать с ними все, что захочешь. Вообще-то это дело интимное. Я могу приказать связать их и оставить с тобой наедине. Что скажешь?

Внезапно из-за моего плеча подала признаки жизни увязавшаяся за нами врачиха.

- Вы что, и вправду собираетесь дать этой девочке возможность совершить самосуд?

- Да, - коротко сказал я, не оборачиваясь. - А теперь заткнись.

- Нож! - сказала Ла Тои, протянув мне руку.

Я выдернул из ножен на плече тонкий и острый, словно бритва, стилет и сделал знак своим солдатам, чтобы они придержали пленных.

Когда она вспорола ножом форму офицера, тот отпрянул. Но здоровущие, как шкафы, солдаты

прихватили его сильнее и держали так, что он только слегка подергивался, и был похож на пришпиленного червяка. Еще несколько движений ножом, и на свет появились волосатые ноги и сморщенные гениталии.

Глядя прямо в глаза насильнику, она левой рукой схватила его причиндалы, а правой одним движением отхватила их у самого основания.

Под аккомпанемент дикого крика, кровь хлынула, как из крана.

- Хочешь, чтоб он подох? – спросил я, сдавливая его горло, чтобы уменьшить громкость воплей.

- Нет, конечно, – сказала она, глядя на меня.

- К врачу.

Потерявшего сознание офицера унесли.

- А с этим что?

- А нельзя...

- Что? То же самое, но без крови?

- Да.

- Можно.

Я показал как. И второй насильник расстался со своим добром куда гигиеничнее.

Когда второго унесли, я нагнулся к девушке:

- Ну что, так легче?

Она улыбнулась.

- Намного.

- Пойдем.

В дальнем углу, стоя на карачках, тихо блевала местная медицина.

Я сдал повеселевшую девочку на руки связисткам из аппаратной центра управления с твердым обещанием найти ее, когда все это закончится, и поспешил вниз.

Не без основания я полагал, что мятежники попробуют отбить телецентр. Несмотря на то что ролик с опровержением был уже запущен в эфир, связь между правительственными учреждениями восстановлена и подавление мятежа – вопрос времени, я знал, что отчаяние толкает людей на страшные вещи.

Стоя в темном холле, я наблюдал за тем, как мои ребята в буквальном смысле слова окапывались. В ход шли и двери, и мебель. Мы уже связались с центральным штабом, и они обещали мне подкрепление. Но я не слишком на это рассчитывал. Ребят Рохара я поставил в узком коридоре служебной лестницы, потому что их излучатели, оказывается, били только на

два метра. Этажом выше, на слегка вздернутом вверх бетонном козырьке заняли позицию снайперы с винтовками и гранатометами.

К этому времени у дворца уже шел бой. Правда, у ребят, оставшихся с Императором, было тяжелое вооружение – то, которое нашли во дворце, и которое сняли с вертолетов. Но мятежникам было нечего терять, поэтому я всеми силами желал своим удачи. Наблюдая, как суетится бронетехника на площади перед телебашней, я подумал, что и нам удача не помешает. Но тут ситуация была все-таки полегче. Просто так башню уничтожить нельзя. Ликвидировать ее после того, как связь была восстановлена, и запущено обращение Императора, было бы скорее в наших, чем в их интересах. И поэтому я не без основания надеялся на исключительно пехотный штурм, возможно с небольшой поддержкой крупнокалиберных пулеметов.

Минут через пять, если я не ошибаюсь, будет пробная атака. Я так решил, видя, как за углами домов скапливаются солдаты и перегруппировывается техника.

Ладно, засранцы, посмотрим, в каком месте у вас душа, а в каком смерть.

- Лиро, винтовку.

Через пару секунд я уже на ощупь собирал своего носорога из деталей, заботливо завернутых в промасленные, но чистые тряпочки. Самую важную деталь – прицел, я аккуратно вынул из жесткого чехла. Сухо щелкнув, он уверенно встал на место.

Я пристроился у одного из двенадцати опорных пилонов башни. Конструкционный пластобетон надежно защищал меня от прямого выстрела.

Щелчок, и ночь окрасилась в розовые тона ночной оптики. Я повел стволом из стороны в сторону, отыскивая достойную цель. Но ничего приличного не находилось. Суетилась какая-то солдатня, ездили бронемшины... От тоски я уже собрался отстрелить антенну на БТРе, но тут в прицел попал офицер, отдающий команды в портативный коммуникатор и попутно распекающий кого-то, стоявшего ко мне спиной.

Происходило это на пределе дальности моей винтовки, в конце улицы, которая выходила на площадь перед башней. Если я не попаду, то этот тип заляжет так, что его гинекологическим скребком не достанешь...

Надо достать! – сказал я своему динозаврику.

Я вытер руку об штаны, и мягко положил палец на спусковой крючок. Компьютерный дальномер сказал мне все, что обо мне думает, и поправку на дальность приходилось вводить вручную.

Прицелившись как можно более тщательно, я освободил сознание, и руки сами приподняли ствол на миллиметр вверх и немного правее. Доверяя скорее чутью тела, чем расчетам мозга, я мазнул пальцем по спуску.

Не выстрел, а, скорее, могучий выдох пронесся по залу. Провожая взглядом летящую пулю, я уже знал, что попал. Офицера буквально размазало по стене здания, перед которым он стоял.

«Минус один», – подумал я и снова прицелился к наглазнику прицела. Один из бронетранспортеров неосторожно повернулся ко мне спиной.

- Ну что ж ты так, дурашка? - спросил я его, вгоняя пулю в турбинный отсек. Он ничего мне не ответил, а только негромко взорвался и печально зацадил смрадным пламенем.

Интересно было бы посмотреть на рай для бронемашин. Он у них отдельный, или совмещенный с тракторами и газонокосилками? Нет, все-таки, я думаю, у них должна быть своя Валгалла. С морями масла и реками топлива, а также с ордами техников, беспрестанно делающих им ТО-1 и ТО-2...

Потом я вдруг увидел, как на площадь выкатывают тяжелое орудие. Вероятно, для того, чтобы я смог насладиться зрелищем орудийного ствола, глядящего мне прямо в лоб. Ну-ну.

Дистанция двести метров, для моего оружия это почти в упор. Я двинул зуммер прицела до отказа вперед, и все поле прицела заполнило зияющее жерло. Десять секунд, отведенные мной артиллеристам на зарядку орудия, истекли, и я ровным и точным движением прижал спусковой крючок, укладывая пулю внутрь заряженного ствола.

Рвануло качественно. Видимо, запасливые парни из obsługi всерьез рассчитывали сделать больше одного выстрела и подтащили несколько ящиков с зарядами.

Внезапно по бетону над моей головой что-то шмякнуло, и мне на волосы и за шиворот коротко сыпануло бетонной крошкой.

Быстро сменив позицию, я стал высматривать коллегу.

Этот идиот нашелся очень быстро, потому что для собственного удобства пошире распахнул огромное двустворчатое окно.

- Ирх?

- На связи.

- Горящий бэтр видишь?

- Ну?

- Через некоторое время за ним или рядом начнет собираться народ для броска к зданию. Так что через пару минут можешь засадить туда осколочным.

- Понял, - ответил Ша Ирх и отключился.

Так, все это хорошо, но мне нужна голова этого ублюдка Радоха. Вопрос, где эту бестолковую голову сейчас носит, оставался открытым. Правда, можно поговорить с пленными. Аккуратно откатившись со своей позиции, я жестом подозвал одного из своих солдат.

- Киро, бери ружье, обоймы возьмешь у Лиро Ди. Там, - махнул я в сторону выхода, - стадо одуревших от крови иясси. Все понятно?

Короткий кивок одного из лучших моих снайперов был мне ответом. Уже стоя в лифте, я успел увидеть, как аккуратно и обстоятельно он обустраивается на огневой позиции, словно собираясь провести там несколько дней. Хотя, я думаю, после двух-трех выстрелов ничего, кроме гильз размером с ладонь, там и не найдешь.

Вновь поднявшись на этаж, где собирали всех пленных, я обратил внимание, что их стало намного больше. Видимо, проводившие зачистку солдаты повыковыривали повстанцев из всех

щелей. Конечно, среди них были и просто обманутые, но наверняка были и те, кто участвовал в перевороте совершенно сознательно, надеясь на блага, которые посыпятся на его участников в случае удачного завершения. Теперь, когда они превратились в деморализованное стадо, уже не было нужды ни в каких жестких мерах. Имперские прокуроры позже раздадут всем по заслугам.

Стоя в комнате, куда набили около сотни человек, я размышлял о том, что допрашивать их по одному у меня совершенно нет времени.

Мои колебания совершенно неожиданно прервал один из людей Рохара.

- Информация? - спросил он меня.

Да, говорюном его не назовешь. В ответ я кивнул и так же коротко сказал:

- Штаб заговорщиков, Ши Радох, местонахождение.

Вместо ответа он протянул руку к моему адъютанту. И тот, видимо, его понял, так как после короткой возни с планшетом достал карту города.

Расстелив лист прямо на полу в коридоре, он тонким пишущим стержнем поставил на одном из домов символ, обозначающий штаб вообще, и маленькую пометку, сообщавшую, что штаб вражеский. Затем недалеко от первого значка аккуратно выписал флажок, означавший расположение резиденции главы вражеских войск. Глядя на его руки художника, выводившие с каллиграфической точностью все эти значки, я подумал о том, что в который раз война забирает себе самых талантливых и способных.

Все было понятно. Оставалось немного. Я включил ручной переговорник и вызвал Ирха.

- На связи.

- Ирх! Оставляю тебе этот курятник. В принципе, через час-два можешь сваливать в кусты. Только не забудь здесь выключить свет. Хотя было бы идеально, если ты продержишься до рассвета. Но если прижмут серьезно, уходи через канализацию. Понял?

- Все понял. Держать до рассвета.

- Конец связи.

- Удачной охоты, командир!

- Спасибо.

- Доратх?

Доратх, не отходивший со своими людьми от меня ни на шаг, мгновенно шагнул ближе...

- Командир?

Глядя ему в глаза, я внятно, насколько мог, произнес:

- Доратх. Нам предстоит тяжелая охота. Нужно выковырять уroda, затеявшего бойню. В крови будем просто по уши. И еще неизвестно, оправдают нас или осудят.

Он помедлил немного, а потом, словно стесняясь, сказал:

- Командир! Я знаю, ты ничего этого не помнишь, но я был с тобой там, – он мотнул головой назад, – на Игинцар. И ребята тоже. Когда ты сказал, что нас предали и бросили, мы тебе не поверили. Потом ты сказал нам, что половина уходящих с тобой в прорыв выйдет из окружения, и мы тебе снова не поверили. Когда сорок из пятидесяти вышли к реке, и ты сказал, что смертей больше не будет, мы не поверили тебе в последний раз. С тех пор мы верим только тебе. Говори, что нужно сделать, и мы сделаем это.

Шесть пар глаз внимательно смотрели на меня. А я ничего не мог сказать. Огромный ватный комок стоял у меня в горле и никуда не хотел деваться.

С огромным трудом я проглотил его и просто махнул рукой, подавая знак «вперед».

И вновь мы спустились в канализацию. Правда, на этот раз ненадолго, и под аккомпанемент голоска Ло Ис. Каким-то образом она наладила одностороннюю связь со мной. Таким образом, я мог слушать своеобразную трансляцию свежих событий.

- Один-два. Два-два. Три-три.

Это означало, что и у дворца, и у телебашни шел бой средней интенсивности, а вот управление безопасности очень крепко прижали.

Простенький код давал мне тем не менее гарантию, что никто не разберется, о чем идет речь и для кого предназначены сообщения.

Я достал карту и сверил маршрут. Все правильно. Боковой ход, метров десять влево и вверх, на свежий воздух.

Но воздух оказался еще той свежести. Рядом с люком, из которого мы вылезли, горел перевернутый автомобиль, распространяя вокруг едкий запах жженого пластика. Улица была пуста, и лишь в конце была перегорожена завалом из какого-то мусора. Оттуда слышалась стрельба и крики. Любопытно, конечно, посмотреть, кто кому бьет морду, но пока не до этого. Короткими перебежками мы скользили по темной улице к небольшому парку, в котором стояло красивое шестизэтажное старинное здание, принадлежащее городской мэрии. Именно в нем, согласно полученной от пленных информации, и располагался штаб заговорщиков. По неизвестной мне причине карта коммуникаций центра города отсутствовала. Поэтому приходилось, несмотря на громадный риск, идти открыто.

Собственно, парка как такового уже не было. Десятка два гусеничных рейдеров и бронетранспортеров, занявших оборону вокруг здания, превратили его в скопище затоптанных в грязь обломков деревьев и мраморной крошки. Вот все, что осталось от фонтанов и тенистых аллей. На крыше здания суетились зенитчики со станковыми ракетными установками «Алих», вокруг бегал разнообразный народ, кто-то даже варил себе еду на костре. Несмотря ни на что, бардак был только кажущимся. Регулярно происходила смена постов, на входе проверялись документы. Но, несмотря на это, мы решили прорываться.

Нестройной группой, изображая вернувшихся с передовой солдат, мы нагло перли мимо всей этой техники и снующей вокруг солдатни, невнятно отвечая на все вопросы. Мы подошли уже совсем близко к входу, когда кто-то удивленно воскликнул:

- Да это же «Стражи Неба»!

- Глазастый, - процедил я сквозь зубы, бросая через плечо гранату.

Часовой у входа успел лишь сделать удивленные глаза, когда очередь, выпущенная кем-то из ребят, наделала в нем кучу дырок.

Мы успели ввалиться в дверь и закрыть ее за собой прежде, чем волна гранатных взрывов, стрельбы и криков сотрясла здание.

На нас выскочили несколько офицеров, лихорадочно нащупывающих что-то между гениталиями и поясом.

Срывающимся голосом, корча страшные рожи, я прокричал что было сил:

- Имперцы атакуют здание... Надо спасать Ша Радоха!

Белый от страха офицерик тут же затрусил куда-то прочь, в недра здания.

Крикнув подскочившим солдатам, чтобы они отбивались изо всех сил, я поспешил вслед за ним. Вбежав на второй этаж по широченной мраморной лестнице, он был остановлен караулом, стоявшим прямо на ступенях. Его истошные вопли деморализовали солдат настолько, что они дали мне возможность подобраться очень близко. Два ножа из заплочных ножен выплеснулись серебряными бабочками и впились мертвой хваткой в два горла. Один парень, который был поздоровее, упал и покатился по ступеням, пачкая их алой кровью, а второго отбросило назад.

Слева кто-то вскрикнул и тут же затих, скошенный несколькими пулями. Офицерик был еще рядом и смотрел на все это с выражением дикого ужаса на лице. Я слегка ударил его коленом в диафрагму и свалил на пол. Потом, крепко удерживая за отвороты кителя, задал ему несколько наводящих вопросов. Получив ответ, я рванул в левый коридор, увлекая за собой солдат.

Еще подбегая к повороту, я сорвал гранату с кольца, метнул ее, и тут же поднял руку, останавливая команду. Ударная волна, облако кирпичной крошки и короткий вскрик – это все, что осталось от второго заслона. Последний заслон, стоявший в конце коридора, мы просто изрешетили пулями. Тяжелая дверь из красивого резного дерева упала всей своей площадью, как подвесной мост, взметнув с пола кучу каких-то бумажек. Несколько офицеров пытались отстреливаться, но тут же полегли, нахватав свинца.

Я по очереди перевернул их кончиком сапога. Радоха не было. Я даже не успел по этому поводу обозлиться по-настоящему, как один из моих разведчиков показал на кусок стены, перед которым было подозрительно натоптано. Да, похоже, это то, что нужно. И я тут же дал команду освободить проход.

В этот раз Намши работал особенно тщательно. И взрыв у него получился какой-то мягкий, как хлопок, а результат был ювелирным. Кусок стены, очерченный взрывчаткой, продолжал стоять на месте, но только со стеной его больше ничего не связывало. Эли дернул за выступ, и кусок обвалился кучей красно-белого кирпичного мусора, открывая черный провал прохода на запасную лестницу. Бесшумно и осторожно, словно тени, мы скользнули в тишину провала. Но, похоже, предосторожности были тщетны. Нас никто не ждал.

- Намши, прикрой зад, - произнес я, нажав клавишу переговорника.

- Понял. Прикрыть отход.

На доступном языке это означало, что по мере нашего продвижения он должен каскадом минировать проход, усложняя жизнь нашим возможным преследователям.

И опять мы оказались в канализации. Видно, сегодня нам судьба такая. Отыскать дорогу, которой пошел Радох, оказалось несложно. При ходьбе он шумел так, что мы не могли сбиться с пути. Дорогу он, видно, знал плохо, так как часто останавливался. Наверное, сверялся с картой. Ну, а, в отличие от него, мы бежали, как водяные крысы, чутко замирая при каждой его остановке.

И опять весточкой с того света донесся бархатный голосок Ло Ис.

- Один-четыре. Два-три. Три-один.

У дворца, похоже, шла настоящая бойня, если Ло Ис вышла за пределы оговоренных нами цифр, условно обозначавших силу боя. Один, два, три. «Слабо», «средне» и «сильно» соответственно. Телецентр это понятно. Там сейчас и булавку из-за бруствера не высунешь – оторвет. А «три» – это управление безопасности. Видимо, там затихает. Или Рохара задавили, или он перебил заговорщиков и дочищает пространство. Хорошо бы последнее. С этими мыслями я продолжил свою прогулку по живописнейшим участкам городской канализации.

В итоге Радох привел нас в парковую зону города, где стояли коттеджи наиболее уважаемых и богатых граждан.

Громкие голоса заставили нас замереть. Сделав парням жест, чтобы они заткнулись, я увеличил до предела чувствительность внешнего микрофона.

- Что, что случилось?

- Там, там... Я едва убежал.

Черт, плохо слышно. Плачет, что ли?

- Идем наверх! Расскажешь.

Второй голос был сильным и уверенным. Я думаю, что услышал бы его и без микрофона. Через несколько секунд он раздался снова.

- Оставайтесь здесь. Убейте любого, кто подойдет.

Ооо! Эту игру я знаю...

Пистолет негромко чихнул пару раз, и веселые зеленые гильзы радостно булькнули в мутную жижу канализационного стока.

Тихо, по миллиметру, я сдвигал крышку люка, опасаясь каждую секунду какой-нибудь гадости. А гадости все не оказывалось. Видимо, понадеявшись на охрану внизу, они не стали подстраховываться. Я выглянул наружу и не сразу понял, куда попал. Плотная зеленая стена окружала меня со всех сторон. И только через несколько секунд до меня дошло. Оранжерея! Люк водостока был окружен со всех сторон высокой, выше моего роста, загородкой. Видимо, из эстетических соображений.

Сквозь стеклянные стены оранжереи был виден небольшой, ярко освещенный двухэтажный особняк. На лужайке перед ним – празднующая охрана с горными карабинами и

несколько солдат в штурмовом снаряжении на снайперских позициях. Я видел только шестерых. А сколько их еще – черт знает.

Тем временем, с трудом протискивая свои огромные туши сквозь относительно небольшое отверстие водостока, подтянулись остальные.

- Пойдем в три группы. Ино, Сат! Слева, на крышу. Не отвлекайтесь на всякий мусор. Ваша задача – снайперы. Ди Гис, Намши, вы зачистите заднее крыльцо. Доратх и Эли. Мы с вами должны попасть в дом так, чтобы не скрипнула ни одна половица. Всем проверить барахло.

Я посмотрел, как ребята поправляют снаряжение.

- У всех порядок? Попрыгали!

Перед штурмом у меня всегда немного холодеют руки. Может, знают, сколько гадостей им предстоит сделать, и заранее цепенеют? Короткими перебежками мы рассосались по всей сцене. Семь человек на ораву в пятьдесят и более рыл. Но если бы все решалось количеством...

- Доложить.

- Красная группа на позиции, – флегматично отозвался Сат Риго.

- Желтая подходим, подходим... Все. На позиции.

- Белый – три порядок.

- Белый – два порядок.

Это доложились кусочки моей микрокоманды.

- Парни, значит, так. Аккуратно, спокойно. За спиной хвостов не оставлять. Император потом грехи отпустит. И не вздумайте сдохнуть. У нас еще полно дел. Все. Поехали потихоньку. Белой – отдыхать, быть на шнурке.

Наше время еще не пришло. Первыми должны умереть снайперы на крыше. Потом все, кто закрывает или может перекрыть выход отсюда. И только затем...

Прошло несколько томительных минут.

Первым отозвался Сат.

- Красная – порядок.

Отлично. Значит, сверху из нас лежащих кабанов не сделают.

- Желтая – порядок.

И коридор для отхода готов.

- Движение белой.

К боковой стене, густо заросшей чем-то вроде винограда, мы подскочили одновременно, словно призраки, материализовавшиеся из темноты.

- Трап!

И Доратх слегка приседает и опускает сложенные в замок руки до пояса. Потом, поймав мою ногу, резко вздергивает ее вверх, и я, подброшенный живой катапультой, мягко зацепляюсь на перила балкона. Не вылезая наверх, я закрепил конец троса за один из силовых элементов конструкции и бросил бухту вниз.

- Лесенка на месте.

- Сейчас, подожди. - Я подтянулся на перилах, вглядываясь в темноту зала, выходящего на балкон, но кроме полоски света вдалеке ничего не увидел. Пощелкал оптикой шлема, но по любому выходило, что в зале пусто.

- Белой подъем.

Пока ребята поднимались, я внимательно изучал балконные двери и окна. Датчики всех типов, вплоть до интерференционных. Ладно, никто, впрочем, и не обещал ничего хорошего.

Начнем. Сначала вибрационный. Микрогорелкой я раскалил стекло так, что клей, которым был прилеплен датчик, естественно, «поплыл», и через несколько секунд, он обессиленно качался на своих проволочках. Теперь обрывной. Той же горелкой я сначала проплавил узкое отверстие в стекле, а потом медленно оплавил провода обрывного датчика так, что, лишившись изоляции, они намертво закрепились в положении «все хорошо, прекрасная маркиза». Маятниковый и инфракрасный скончались так же скоропостижно. Собственно, главную трудность представлял собой компьютеризованный эхо-датчик. Но и для него нашлось заветное слово.

В итоге не прошло и двух минут, как мы все втроем стояли в полутемном зале, вероятно, гостиной. Мягкий пушистый ковер заглушал все звуки настолько, что, не таясь, я подошел к двери, из-за которой слышались голоса и пробивался свет.

Никаких сомнений не оставалось. Заговорщики в полном составе. Зная, что все попавшее в микрофоны бронешлема автоматически записывалось, я некоторое время постоял, слушая их белиберду. Назывались какие-то имена, цифры, даты... Ничего, Рохар разберется.

Постепенно разговор скатился на второй круг. Я понял, что ничего полезного больше не услышу, и решил войти.

Красивый удлиненный зал, отделанный резными деревянными панелями, овальной формы стол и кресла вокруг него с пятью такими разными, но в чем-то неуловимо схожими людьми. Каждый из них боялся. И страх этот пропитывал каждую клеточку их тел, выплескиваясь липким потом и каким-то скомканно-затравленным выражением глаз. Несколько секунд оторопевшие революционеры только рассматривали нас, беззвучно хлопая пустыми клювами. Один из них вдруг вскочил и, видно собираясь позвать на помощь, раскрыл рот. Мой летящий по плавной дуге сапог закрыл его обратно, отбросив обмякшее тело к стене.

И тут, наверно, какой-то бес вселился в них. Разом, словно подброшенные пружинами, они вскочили со своих кресел и бросились на нас, доставая на ходу оружие. И три длинных очереди, шипя, мгновенно вспороли ставший соленым и влажным воздух.

По очереди я обошел все тела, обыскивая трупы. Найденное я складывал в отдельный пакет, надеясь, что потом все это поможет Ша Рохару выдернуть оставшиеся корешки.

Потом мне пришлось выполнить обещание, данное Императору.

С огромным трудом мы добрались до дворца. Несколько раз мы ввязывались в скоротечные перестрелки, и натыкались на разрозненные формирования обеих сторон, пока не встретились с механизированным патрулем ИБ. Ребята подбросили нас почти до места, а сами умчались на очередной вызов. К утру мятеж был в основном подавлен. Еще копошились недобитые кусочки, но главное было сделано. Лишившиеся централизованного управления заговорщики рассыпались на отдельные быстро уничтожаемые группы.

С тяжело набитыми рюкзаками мы поднимались по лестнице императорской резиденции. Повсюду на постах стояли мои ребята и незнакомые мне молодые офицеры со знаками отличия Имперской стражи.

Сам Император стоял в малом зале приемов и с кривой ухмылкой слушал бравые доклады штабных генералов об их молодецком участии в подавлении восстания.

Рохар стоял рядом, и улыбка генерал-полковника теперь напоминала скорее волчий оскал. Его рука от предплечья до плеча была плотно забинтована. Я даже ничего не успел подумать на этот счет, как увидевший меня Император довольно ощерился, как волк волку, и бросил одному мне понятную фразу:

- Показывай.

Молча, отработанными четкими движениями мои десантники распахнули рюкзаки и вывалили прямо на прекрасный ковер вандийской ручной работы пять обезображенных смертью отрезанных голов.

Мои новые владения были великолепны. Прежняя родина была скорее суровой хозяйкой, а не любящей мамой. Несколько висюлек да скромная квартира в бетонном улье – вот все, что мне обломилось за двадцать пять лет службы. Император был в этом отношении куда щедрее. Он подарил мне настоящий дворец с прилегающим к нему обширным парком. Все это находилось на скальной террасе одной из окружавших столицу гор.

Город, освещенный утренним солнцем, лежал предо мной, как на ладони. Пережившие ночной кошмар переворота горожане готовились к празднику Слияния Лун с удвоенной энергией. О неудавшемся путче напоминали разрушенные дома и дороги, да усиленные военной полицией патрули. Несмотря на удачное завершение истории, на душе было все равно беспокойно.

Одетый в просторную тогу, или, как говорили киит ратс, – хатти, я подобно римскому патрицию обходил свои владения. Сначала парк, похожий скорее на кусок слегка облагороженного леса, затем маленький водопад, впадавший в небольшое озерцо, из которого вытекала речка и покидала мои владения. Витиеватой формы бассейн, питавшийся из этой же речки, примыкал к зимнему саду и концерт-холлу под куполообразной стеклянной крышей.

Стоило мне присесть у края бассейна, как словно из-под земли вырос Иши Арох, мой дворецкий. Сначала я хотел отправить его на пенсию, но он оказался на редкость дельным и информированным стариканом. Похоже, он знал буквально все. Была у него еще одна странная, но приятная особенность. Увидев меня, занимающегося в саду, он даже бровью не повел, словно ката китайского у-шу были для него в порядке вещей. Когда он спал, было для меня загадкой. Он подавал мне еду даже в полночь, когда мой верный ординарец спал мертвецким сном.

Дело в том, что была у меня такая привычка – есть ночью. В смысле, она есть и сейчас. Ну, в общем, когда я проснулся среди ночи от голода, рядом со мной стоял поднос с разнообразной легкой едой. Помнится, подобным качеством обладала моя бывшая жена, просыпавшаяся через секунду после меня со словами: «Милый, ты, наверное, есть хочешь?». Этих слов, разумеется, Арох не говорил, но молча стоял рядом, дожидаясь моих пожеланий или пустого подноса. Сначала я испытывал легкие угрызения совести, но, заглянув в его глаза в очередной раз, успокоился. Дело в том, что у него был вид человека, исполняющего крайне важную и ответственную работу, а никак не прислужника. В это утро он появился с подносом, на котором стоял высокий стакан с зеленоватым прозрачным соком дерева Ийнох.

- Господин, я хочу напомнить тебе, что завтра Праздник Трех Лун.

- Да, спасибо, Лиро Ди уже подготовил парадный китель.

- Я не об этом. Выбрал ли ты спутниц для праздника?

- А я должен кого-то выбирать?

- А что ты вообще знаешь об этом празднике?

- Например, то, что я должен провести свою банду по площади перед дворцом Императора.

Глаза Ароха округлились.

- Это все?

- Нет, конечно! – я слегка нагнулся, чтобы взять с подноса бокал с соком. – Еще я знаю, что это праздник тройственной любви и все такое.

- Ну, в общем, верно. За неделю до праздника мужчина рассылает приглашения женщинам, которых хотел бы видеть. Потом ждет ответа и выбирает из согласившихся четырех. Но за два дня до праздника он должен дать знать, кого выбрал. А потом происходит окончательный выбор девушек и места встречи.

Я кивнул головой.

- Здорово. Во избежание скандалов и обид. Ну, хорошо, а если мужчина женат, а женщина замужем?

- Так ведь это и есть свадьба! – воскликнул он и добавил после паузы: – Или развод. Если, конечно, они сами захотят этого.

Я вздохнул.

- Ладно. А просто так развестись нельзя?

- Традиция!

Он поднял левую ладонь вверх, что означало у киит-ратс – пожатие плечами.

- Но я так понимаю, что я выпадаю из этого праздника жизни?

- Почему?

- Ну, я ведь не рассылал приглашения, и так далее...
- Пять тысяч шестьсот тридцать одна.
- Что «пять тысяч шестьсот тридцать одна»?
- На сегодняшнее утро пять тысяч шестьсот тридцать одна девушка прислала согласие быть твоей гостьей на празднике.
- А чего так много? - обалдел я.
- Спроси лучше, почему так мало. Только эти девушки ухитрились узнать твой адрес.
- Ты хочешь сказать, больше пяти тысяч девушек имеют настолько близкое отношение к армии, разведке или безопасности, что получили доступ к закрытым терминалам Сети?
- Совершенно верно.
- И каждый офицер разведки типа меня удостаивается такой чести?
- Не-ет! - Замотал головой Арох - Ты-то ведь национальный герой.
- Кто-кто? - Я чуть не выпал из кресла.
- Герой, - кивком подтвердил он. - Сериалы, наклейки, ну все по полной программе.
- Что-то ты крутишь. - Я подозрительно глянул на него поверх бокала. - А где же все эти телепродюсеры, поклонницы и прочее?
- А пойдем. - Он пошел в дом, а я нехотя поплелся за ним.

В кабинете он показал мне на кресло посетителя, а сам уселся за рабочий стол, похожий на надгробную плиту какого-нибудь тирана.

Огромный, во всю стену терминал Сети чернел гигантским темным провалом. Пульт управления терминалом был нестандартным, с входами скремблеров, флэш-шифраторов и еще какими-то неидентифицируемыми наворотами.

Легко, как пианист-профессионал, Арох пробежался по клавиатуре, и экран ожил. Показывали какого-то суетливого и улыбчивого молодца с микрофоном на фоне толпы, остервенело штурмующей высотное здание. Из-за шума толпы было не разобрать, что он говорил. Я понял, все ждали выхода. Моего выхода. И тут на балконе появился - нет, ни хрена вы не отгадали, - на балконе появился я. Собственной персоной. Если быть совсем точным, то все же не я, но сходство было впечатляющим. Даже шеврон «Небесных стражей» на рукаве был на своем месте. Эмблему, кстати, полагалось заработать. Если береты мы выдавали после зубодробительной полосы препятствий, то эмблему получал лишь боец после боевой операции. Таким образом, мы четко делили боевой и тыловой составы. Кстати, любой желающий мог поучаствовать в бою. Даже писари и повара. Но жаждущих получить это украшение, среди обеспеченцев было немного.

- Это что за клоун? - не удержался я.
- Это не клоун! - укоризненно произнес Арох. - Это Рих Дас. Актер, сыгравший тебя в сериалах

«Дыхание Света» и «Возмездие». Очень хороший актер, кстати. И делает он это по прямому распоряжению Императора.

- Ну, народ... И название-то какое придумали.

- Это еще не все. - Он что-то нажал, и замелькали какие-то люди в штурмовом снаряжении на фоне холмов, и я собственной персоной, дающий бесценные указания заглядывающим мне в рот офицерам. Потом картинка сменилась, и вновь показали меня, сидящего на холме. Под заунывную музыку я грозно смотрел куда-то вдаль.

Холм я узнал. Тогда, после не очень удачной операции, я просто сидел на ветерке и жевал травинку, бездумно глядя на горизонт.

Я нахмурился:

- Неужели все ТАК плохо?

- Ну почему? Я тут кое-что записал, подумал, тебе будет интересно.

Картинка опять сменилась. Показалась хорошенькая девушка, справа от которой на маленьком экране мелькали кадры штурма телебашни, а потом сцена расправы изнасилованной девушки с пленными, судя по плохому качеству записи, снятая камерой охраны здания.

- ...прозванный «мясником», снова подтвердил свою кровавую репутацию, устроив бессмысленную резню среди арестованных солдат и офицеров. Адвокаты родственников погибших и раненых работают над коллективным иском, который позволит, по их утверждению, засадить кровавого мясника Ша Гранга на всю жизнь. Чудовищный монстр, свободно разгуливающий по нашим улицам - это плевок на всю правовую систему Империи. Мы призываем всех...

- Хватит, хватит...

- Ну и напоследок.

Арох что-то переключил, и на экране в бешеном темпе замелькали изображения девушек. Некоторые из них были весьма откровенны и почти все снимки были явно сделаны профессиональными фотографами.

- А это что? Пять тысяч желающих?

- Угу...

Мелькание остановилось на обнаженной девушке со столь совершенными формами, что я присвистнул.

- Ну, так что? - ехидно переспросил Арох. - Выбирать будем или...

- Давай выбирать! - милостиво разрешил я.

На экране возникло лицо зрелой, лет тридцати-сорока женщины с таким хищным выражением лица, что леди Дракула в сравнении с ней выглядела бы тихой деревенской девочкой, по ошибке забежавшей в портовый кабаk.

- Ша Ли ирисант Дахо. Сорок два года. Модель. Рост...

- Нет, слушай, мы так и за три дня не управимся! Насколько полная информация о них?

Вместо ответа он задрал клавиатуру терминала так, чтобы стала видна эмблема на свободном поле в правом углу, там, где обычно ставил свой знак производитель. Двойной круг. Ну-ну. Имперская Безопасность, значит, освоила и этот вид продукции.

- Хорошо. Давай для начала исключим всех старше пятидесяти пяти и моложе шестнадцати.

Пальцы запорхали над клавишами.

- Четыре тысячи двести шестьдесят девять. - Я продолжал, загибая пальцы.

- Черноглазых и всех ниже... - Я показал рукой ниже чего.

- Две тысячи восемьсот тридцать.

- Затем всех толстухек и худышек. Потом убери всех кривоногих...

- Это как?

- А так. Смотри: линия от середины бедра до середины колена по лицевой части ноги должна делить ногу с коэффициентом симметрии не ниже восьмидесяти процентов.

- Ого! - Арох даже присвистнул. - Сейчас формализую на программаторе.

Он повис над клавиатурой и через некоторое время выпрямился.

- Готово.

- Сколько осталось?

- Тысяча девятьсот шестьдесят пять.

- Да, многовато... Можешь удалить всех с объемом груди менее и более...

Я показал руками любимый размер. Арох усмехнулся.

- Понятно.

- Имеющих нарушения в психике и психомоторике.

- Сделано.

- Потом... Потом убери всех с точкой интеллекта ниже ста десяти единиц.

- Ого.

- Сколько осталось?

- Сто шестьдесят пять.

- Ближе к теме. Но все равно до дури. Теперь это все в сетку, и расставь галочки: рыжеволосые, танцовщицы, модели и вообще спортсменки, зеленоглазые и светлоглазые. Всех,

не имеющих галочек, можешь убрать.

- Все равно много. Тридцать пять.

- Остальное на твое усмотрение! - Я хлопнул ладонью по подлокотнику и, улыбаясь, посмотрел в его старческие выцветшие глаза. - Пусть это будет сюрпризом.

Я встал из кресла и уже собрался уходить, но он жестом остановил меня.

- Ну что еще?

- Просит аудиенции адвокат семьи Каррох.

- Что надо этому крючкотвору?

- Говорит, дела, не терпящие отлагательства.

- Это он так говорит?

- Утверждает...

- Значит так. - Я помолчал. - Семья не хотела меня знать, когда я валялся в госпитале и торчал на фронте. Мне продолжать?

- Ясно. - Аррох коротко кивнул и продолжил: - Да, и еще рвется твоя невеста.

Я чуть не упал.

- Кто-кто?

Он был невозмутим, как статуя.

- Невеста.

- Ясно. Невесту туда же, куда и адвоката.

- Остальных туда же?

- Кого это остальных?

Он начал перечислять, справляясь со списком из своего блокнота.

- Ано Бехан - телевизионный продюсер.

- Не интересно. Дальше.

- Захон Или. Жрица храма Бикху.

- О!.. А этой чего надо?

- Хочет представить тебе твоих жен.

Я задумчиво посмотрел на потолок. Нет, не похоже, чтобы он обвалился, в отличие от моей крыши. Затем медленно перевел взгляд на Ароха. Видимо, было в моем взгляде что-то такое, что заставило его торопливо прояснить ситуацию, одновременно двигая бумажки на столе взад

и вперед.

- Понимаешь, они считают тебя живым воплощением Бикху.

- И что?

- Они, то есть эти жрицы, также считают тебя своим мужем.

От такого изобилия даже у бегемота рожа треснет.

- Так, жрицы тоже свободны.

- Я боюсь, господин, что просто так ты от них не отделаешься, - с грустью в голосе сказал Арох.

- Это почему же?

- Если ты их отвергнешь, в качестве развода они обещали устроить коллективное самоубийство.

- Не шутят?

Арох задумчиво посмотрел на меня.

- А кто их знает! Прецедента как-то не было...

- Ладно, познакомимся, поговорим... Что-нибудь еще?

- Существенного нет.

- Тогда пойду, поброжу по саду. Если что, беспокой, не стесняйся.

Ранним утром нет лучше ёршика для мозгов, чем медитация. А динамическая - король всех прочих. Это я усвоил еще в детстве. «Солнечный дракон» подарил мне утраченное было равновесие. Я окунулся в Движение мягко, как в лесной родничок, не потревожив ни единого лепестка на его берегу. Мягкие волны его беззвучных течений вели меня по своим тайным лабиринтам, пока, наконец, не подняли наверх, где солнце вошло в меня, оставшись в груди маленьким комочком тепла и света. С этим комочком я и остался на зеленой траве, чувствуя, как словно круги на воде от меня растекается что-то, чему нет названия. Лиро почтительно стоял сзади и ждал, пока я не закончу.

- Ты когда встал? - спросил я его как можно строже.

- Извини. - Он виновато помялся. - Не отошел еще после той ночи...

- Запомни. Ты прежде всего «Небесный страж». Ката «Хрустальных нитей» тридцать раз подряд. И не появляйся, пока не закончишь.

- Так это же два эи!

- Пока ты споришь, время идет, - сказал я, ехидно улыбаясь.

Унылый Лиро побрел на дальнюю поляну, а я одним движением смахнул с себя накидку,

разбежался, подпрыгнул вверх и по длинной плавной дуге вошел в гладкую, как стекло, воду бассейна. Не успели мои ноги коснуться дна, как я выгнулся, что есть силы, вверх и, выброшенный инерцией собственного тела, вылетел на бортик бассейна с другой стороны. Лучше любого душа. На такой скорости вода тверже мочалки...

Я как был голый, так и прошлепал наверх в спальню.

Там, белый на белом, висел на манекене сияющий золотом мундир полного генерала или как они здесь говорили, алго, сшитый буквально за ночь в Императорском ателье. Разглядывая его, я задумчиво подошел к удивительной красоты резному бару-холодильнику из белого дерева. Я улыбнулся, вспомнив свою сверхскоростную карьеру в Императорской армии. Всю мою дорогу по этому миру меня сопровождала какая-то немыслимая и разнузданная удача. Генерал, Шеф Императорской гвардии, командир дивизии отборных ублюдков и полка совсем законченных гадов. А еще у меня теперь огромный дом и мечта из сказки – белая, абсолютно белоснежная спальня без единого темного пятнышка. Ну, просто рай. Если не считать кучи трупов, конечно.

Осторожно вошел дворецкий.

- Захон Или ждет тебя.

- Так рано?

- Она провела ночь перед домом.

От неожиданности я чуть не пролил чашку с коро на себя. И пролил бы, если б резко не отодвинулся назад. В итоге залил темно-коричневой жидкостью белоснежный ковер под ногами.

- Ей что, некуда пойти, раз она проводит ночь в машине? – хмуро спросил я, разглядывая отвратительное пятно. Настроение как раз соответствовало небольшому смертоубийству.

- Нет, машина сразу же ушла.

- Ты хочешь сказать, она провела ночь на земле? – Похоже, голос меня совсем подвел, потому что Арох торопливо произнес:

- Это мы быстро уберем. Не останется даже пятнышка. – И добавил: – Твои ребята что-то ей постелили на траве, и поставили навес.

Слава богу, ну не все так безнадежно в этом дурдоме.

Я медленно выдохнул, и поймал себя на мысли, что чуть было не психанул по совершенно пустяковому поводу. Неужто нервы сдают? Это плохо. На войне нервные не живут.

Заглянув в гардеробную, где была такая куча дорогих тряпок, что можно было бы одеть целую роту, я замешкался.

- Арох, у меня совсем нет опыта в такого рода делах. Ты не посоветуешь, что бы мне напялить?

Он нырнул в комнату и, спустя несколько мгновений, показался, неся на вешалке нечто балахоноподобное белого цвета с тончайшей золотой каймой по краям.

- Я думаю, это подойдет.

- М-да? - Я с сомнением окинул взором предложенную шмотку и тяжело вздохнул. - Ладно, только покажи, как это носить.

С помощью Ароха я довольно быстро оделся, и уже через несколько минут спускался в главный холл.

Еще на лестнице я заметил высокую фигуру в черном хатти, неподвижно стоящую возле небольшого бассейна.

Я не прошел и половины разделяющего нас расстояния, как жрица обернулась, и я увидел неправдоподобно красивую белокурую девушку. Ее слегка вьющиеся длинные волосы свободно лежали в капюшоне хатти, проливаясь оттуда кольчатыми ручейками. Ее лицо сделало бы честь королеве. Подойдя ближе, я увидел то, от чего сердце мое вдруг замерло. Ее глаза были даже не желтыми, а настоящего золотого цвета.

Подождав, когда я подойду, она мягко и грациозно опустилась на мраморные плиты пола на колени и произнесла густым певучим голосом, низко склонив голову:

- Повелитель, твои жены ждут тебя.

Я на секунду замешкался, но потом взял себя в руки и как можно тверже сказал:

- Встань!

Она безмолвно повиновалась.

- Садись. - Я показал ей на легкое кресло у воды. Легко, как пушинка, она бесшумно опустилась в плетеное кресло. Я сел рядом, постаравшись это сделать так же тихо и, придав своему голосу соответствующий, как мне казалось, тембр, спросил:

- Ты, я вижу, взрослая женщина. Как ты можешь верить во всю эту ерунду?

Она сосредоточенно вздохнула.

- Повелитель, я прошу у тебя только любви для себя и других твоих жен.

- Какой я тебе повелитель и тем более муж? Предположим, этот твой Бихшу, Бикху или как там его, существует. С чего ты вообще взяла, будто это я?

- Ты помнишь тот камень возле водопада? - заговорила она, опустив голову.

- Ну, помню. Камень как камень. В него попала молния, вот он и развалился. Я-то тут при чем?

- Это не камень! - сказала она, подняв глаза цвета готического золота. - Это древнее капище. Стоит оно с незапамятных времен. Кто-то говорит - миллион лет, кто-то - больше.

- Не болтай ерунды. За такое время самые высокие горы становятся песком. А этот кирпич давно бы уже разрушился.

- Его вообще нельзя разрушить! От него не смогли отколоть даже щепотку на анализ.

- Чепуха... Есть всякие буры, лазеры, взрывчатка, наконец.

- Его не смогли взять даже клайдером.

- Чем?

- Уничтожителем материи.

Тут до меня дошло.

- Это такая маленькая серебристая штучка, вроде карандаша?

- Ну да. - Она пожала плечами, словно объясняла мне известные всему миру истины. - Только это не сам клайдер, а излучатель.

- Что ты знаешь об этом?

- Повелитель, вся информация, имеющаяся у жриц, в твоём распоряжении. Я только прошу поехать со мной в храм. Ты должен взять каждую из нас хотя бы один раз. Иначе отвергнутая тобой умрет...

- Это еще почему?

- Когда девушка решает добровольно стать твоей женой, она принимает авансом ответственность за возможный отказ. Цена такого отказа - смерть.

- И многие уже расстались с жизнью?

- Никто, - просто ответила она. - Ты ведь здесь в первый раз за много тысяч лет.

- И много вас?

- Двенадцать.

- А старухи и младенцы среди вас есть?

Неожиданно лицо ее раскрылось удивительным цветком улыбки.

- Мы все в возрасте от семнадцати до сорока лет.

- А что происходит с теми, кто взрослеет?

- Они уходят из храма и начинают жить нормальной жизнью.

- И я обязательно должен переспать с каждой из вас?

- Да, - просто сказала она и кивнула головой.

- Я надеюсь, хотя бы не за один день. На вечер у меня обширные планы.

- Сначала я просто хочу, чтобы ты приехал посмотреть на свой дом.

- А разве это не мой дом? - спросил я, обводя вокруг рукой.

Она брезгливо дернула своим округлым плечиком, словно мы сидели в занюханной конуре.

- Если, конечно, хочешь, это будет твоим домом. Но ты еще не видел того, другого...

Я встал.

- Прямо сейчас?

- Через три эан я доставлю тебя в любое место, какое пожелаешь.

- Дах! Хорошо.

Вот таким образом неумное любопытство и моя беспримерная кобелиная сущность привели меня на борт легкого быстроходного антиграв-глайдера, летящего к храму Бикху. Сзади на небольшом расстоянии следовал «Камарг-21» с охранной оккой. У меня язык не повернулся сказать им, чтобы оставались во дворце. Ничего, пусть ребята проветрятся. Я с удовольствием смотрел на хищно вытянутое тело винтокрылого штурмовика, еще не поступившего на вооружение армии. Это был подарок Ша Камарга – отца изнасилованной девочки.

Рассекая небо под плотными облаками, я с блаженством, временами переходящим в плотское возбуждение, любовался золотоволосой красавицей, уверенно ведущей глайдер. Тут мне в голову пришла еще одна мысль.

- Послушай. А если вдруг будут дети?

- Не вдруг, а обязательно будут! – сказала она, не отрываясь от управления аппаратом. – Мы все готовы к этому.

- Так все-таки...

Она снова улыбнулась.

- Наша конфессия довольно большая и объединяет почти всех наиболее богатых людей планеты. Дети Бога – автоматически потомственные дворяне и желанные женихи для любой девушки.

- Ты так говоришь, будто заранее знаешь пол не родившихся детей! – в который раз за это утро удивился я.

- Тебя это не должно удивлять...

М-да, что тут ответишь?

Проскочив над городом, наша машина некоторое время скользила над предгорьями, пока не влетела в извилистое и глубокое ущелье, на дне которого змеилась широкая автострада. Наконец, впереди показалось величественное здание, стены которого плавно смыкались со стенами ущелья. Перед дворцом, похожим на строения древних ассирийцев, была большая, заполненная машинами и людьми площадка.

Глядя на эту кучу народа, я решил продолжить разговор, но меня прервала жрица. При виде толпы она вынула из зажимов на приборной доске трубку коммуникатора, нащелкала большим пальцем правой руки цифры, поднесла ее к уху и произнесла неожиданно ровным и холодным тоном, каким обычно отдают приказы.

- Лиа, мы на подходе.

Она одним движением вогнала трубку в крепежный узел, чуть не сломав при этом жалобно скрипнувший аппарат. Потом обернулась ко мне и сказала с улыбкой:

- Девочки нас встретят. - И, видимо, желая сгладить впечатление, спросила: - У тебя есть еще какие-то вопросы?

Я вернулся к теме.

- Но что будет с матерями?

- Воспитывать дитя Бога - тяжелый труд и большая ответственность. Те, кому улыбнется удача, проведут остаток жизни, занимаясь этим.

- И никогда больше не выйдут замуж?

- За кого? - совершенно искренне удивилась она.

- Но ведь вы молодые девушки, зачем себя хоронить?

Она озорно улыбнулась, показав чудесные ямочки на щеках.

- О нет, мы вовсе не собираемся, как ты выражаешься, «хоронить себя», но нам вполне хватает светской жизни. Благотворительность, образование... Многие из нас ведут исследовательскую работу в различных областях. Но, насколько я понимаю, тебя интересует секс?

Я кивнул.

- Тут все просто, - сказала она, уверенным движением заводя глайдер на посадку. - Это решает каждая девушка сама. Никто не навязывает ей воздержания.

Легкий толчок, и машина, аккуратно притертая к каменным плитам посадочной площадки, послушно замерла в коридоре из светловолосых меднокожих амазонок, отгеснивших толпу.

Приехали...

Не успели мы выйти из глайдера, как толпа, окружавшая храм, качнулась было к нам. Хлесткая команда заставила девушек оцетиниться шестами, и люди испуганно отпрянули назад.

- Что за девушки? - спросил я мельком.

- Младшие жрицы, - коротко пояснила Захон.

- А их что, я тоже должен ну, того?.. - Она чуть не рассмеялась.

- Нет, это вовсе не обязательно! Но если захочешь...

Захон хитро посмотрела на меня, чуть склонив голову.

- Нет-нет, - торопливо сказал я, памятуя о ждущей меня дюжине.

Сопровождаемый жрицей, я шествовал по направлению к храму, а коридор за нашими спинами уже сомкнулся в каре, не давая подойти близко. Среди толпы были видны лица зевак и ярко блестящие зрачки объективов телекамер.

Возле одной из них я увидел ту самую женщину, чей невероятно злобный комментарий по

поводу моей персоны немало позабавил меня.

Не обращая внимания на толпу, я подошел к высоким, матово поблескивающим дверям, на которых красовался искусно вырезанный в толще металла черный дракон.

Не успев удивиться появлению старого знакомца на дверях этого заведения, я был поражен открывшимся зрелищем. Огромные ворота беззвучно и мягко растворились, пропуская сначала в тонкую, как волосок, а затем все более и более расширяющуюся скважину поток голубого света.

Опоры-арки, подпиравшие стеклянный, удивительно прозрачный потолок, и пол из полированного металла, рассыпали мириады бликов по мозаичным стенам. И озарили одиннадцать живых статуй в тончайших белых накидках.

Признаюсь, сердце мое замерло, когда я увидел их. Одиннадцать девушек, похожих только в одном: все без исключения были прекрасны.

Движением руки жрица остановила меня и остановилась сама.

- Повелитель, я хочу представить тебе твоих жен. Ри Асто. - Высокая светловолосая девушка со скуластым лицом и немного раскосыми глазами сделала несколько шагов из полукруга и встала на колени в десяти метрах от меня.

- Кена Ратхон.

Тонкая и подвижная, словно язычок пламени, черноволосая и смуглая Кена не прошла, а скорее пролетела расстояние, отделявшее ее и Ри Асто, и легко, словно пушинка, опустилась на пол.

- Ли Раттах...

- Риса Тено...

- Инар Тего...

Девушки выходили по одной, пока у моих ног не склонилась последняя.

- Захон Или, - произнесла жрица и опустилась рядом.

- Захон, - сказал я, - извини, я не понял. Вы жены или рабыни?

- Как прикажешь, Повелитель, - глухо отозвалась жрица.

- Тогда встаньте! - приказал я.

Раздался легкий шелест ткани, и девочки вспорхнули на ноги. Обводя их взглядом, я сказал тихо, но твердо:

- Я не знаю, за какого бога вы меня держите, но рабыни мне не нужны. Вы прежде всего люди, а потом уже женщины. И только в последнюю очередь все, кем вы себя считаете. И первейшее право, признаваемое мной за людьми - это право на свободу воли и волеизъявления. То, как я сюда попал - я имею в виду вашу угрозу самоубийства - иначе как шантаж не назовешь. Но раз уж это произошло, так тому и быть. Но от вас я потребую одной вещи: поступать согласно своей воле и своим желаниям. Если вас не пугает это противоречие, то считайте, что мы

договорились.

К концу моей речи уже почти все девушки улыбались. Одна только Захон Или оставалась серьезной.

- Захон, - обратился я к ней. - Тебя что-то беспокоит?

- Да, Повелитель.

- Говори.

- Ты говоришь, как человек, хотя дела твои - это дела Бога...

Я перебил ее.

- А если ты считаешь себя женой Бога, ты просто обязана иметь достаточно воображения, чтобы понять: меня не интересуют рабы. Если вы претендуете называться женами Бога, то просто обязаны хотя бы в мыслях стать богоравными. Все! - Я улыбнулся, как мог теплее. - Мне надоел этот спор. Что у нас дальше по программе?

Захон наконец улыбнулась.

- Мы хотим показать тебе твой дом.

- Так намного лучше. Это я про твою улыбку, Захон. - Я оглядел девушек: - Ну? - Потом подошел, развел руки в стороны, загреб как можно больше тугой девичьей плоти и добавил тоном требовательного ребенка: - Ведите!

Непривычные к такому нахальному обращению девушки вели себя сначала немного скованно, но потом разошлись.

Первым делом мне показали... как вы думаете что? Правильно, спальню. О, да. Спальня - это да. То есть если сама спальня это просто да, то кровать - вообще нечто. Она была величиной с комнату моей теперь уже безвозвратно потерянной двухкомнатной квартиры там, на Земле. Похоже, планировалось, что все двенадцать моих жен должны разместиться здесь одновременно. Причем, чтобы не было так пустынно, можно было еще пригласить всех младших жриц. Господи, а жить-то как хочется! - подумал я, в деталях представив себе эту картину.

После спальни последовала небольшая, но богатая библиотека, заполненная в основном оккультной и философской литературой, и исследовательский центр, немало поразивший меня обилием высококлассной аппаратуры. Всеми исследованиями руководила смуглокожая хаттар Сат Хои. Задумчиво бродя по лабораториям, я неожиданно для себя нарвался на замечательный приборчик, оснащенный прикладом и прицельным приспособлением. Все остальное было такого странного вида, что заставило бы сдохнуть от зависти любого телепродюсера безвременного покинутого мной мира. Он лежал на одном из лабораторных столов, сиротливый и заброшенный среди этого высоконаучного великолепия.

- Это что? - спросил я, показывая на него кивком подбородка. Вынырнувшая из-за спин подруг Захон Или подошла к столу и, взяв это в руки, одним ловким движением чего-то там передернула, вынула, и прямо ей в раскрытую ладонь упал небольшой, размером с карандаш, серебристый цилиндрок.

Она протянула его мне со словами:

- Узнаешь?

Я с превеликой осторожностью взял его в руки. Да, это был тот самый безымянный девайс, используемый Имперской Разведкой.

- Смелее! Он пустой.

- Что значит «пустой»?

Тут в разговор вступила Кена Ратхон.

- Клайдер «Ханок-300» армейского образца, состоит на вооружении Имперской звездной пехоты. Это - «Ханок-305». Облегченный вариант для проведения полицейских акций.

- Чего??? Какой-какой пехоты?

- Имперской звездной пехоты, - бодро отрапортовала она.

- Так! Или вы рассказываете мне все, что знаете об этом чуде, или я за себя не ручаюсь.

- Как, прямо здесь? - поинтересовалась полногрудая Ри Асто. И каким-то очень ловким движением расправила складки одежды на точеных бедрах.

Я тяжело вздохнул. Нет. Я, не справившийся в свое время с одной женой, похоже, влип по полной.

Итак, опуская все эпитеты и красоты, я передам вкратце рассказ Захон Или, услышанный мной в просторном холле между библиотекой и обсерваторией.

Давно, лет триста назад, когда киит ратс расплодился до края материка, на маленьком кусочке суши между океаном и горами они обнаружили страну Истанди. В гости они никого не звали, вообще вели себя замкнуто, но их очень заинтересовали орудия киит ратс, сделанные из тяжелого серебристого металла. Плавить и обрабатывать его было настоящей мукой, но зато вещи, изготовленные из него, служили почти вечно.

В обмен на слитки этого металла истандийцы начали продавать различные орудия и приспособления, позволившие достаточно быстро продвинуть цивилизацию до определенного уровня. Затем они научили жителей Алонис добывать и другие металлы, относящиеся на моей родной планете к категории редкоземельных и тяжелых. Постепенно киит ратс перестали производить продукты питания, довольствуясь поставляемыми из других стран в обмен на собственные и истандийские товары. Тем более что в горах еды было не очень-то и много.

Все шло хорошо до тех пор, пока цивилизация не подросла до уровня спутников-шпионов и прочей ерунды. Тогда-то в распоряжении разведок Киит ратс, Ирингар и еще нескольких стран с развитой технологией и появились спутниковые снимки. На снимках Истанди из космоса было ясно видно и взлетное поле, и явно космические или аэрокосмические аппараты. Судя по отсутствию пусковых ферм и теплового фона при взлете, истандийцы продвинулись в этом смысле куда как дальше всего Алонис. Затем были обнаружена база на Раведе, одной из удаленных от Алонис планет, и космические корабли, интенсивно курсирующие между Истанди и той самой базой. Куда потом девался металл, было неясно. Выяснить не позволяло

техническое несовершенство используемой техники. Причем никто не уничтожал ни спутники, ни спускаемые аппараты. Только один раз севший, видимо, прямо на дороге аппарат, двуногие и двурукие в скафандрах отнесли в сторону, после чего продолжили свой путь в трактороподобном экипаже. Эти снимки в числе прочих мне продемонстрировали на экране в холле. Жителей Алонис такое пренебрежение злило куда больше, чем открытое проявление враждебности. Но у них хватило ума не проявлять своего недовольства открыто. Снимки засекретили, просочившиеся в печать слухи опровергли. В общем, все как у нас. Правда, несколько раз появлялись заметки, что кто-то пропал на границе с Истанди. Но идиотов не жаловали и здесь.

Идиллия была нарушена несколько лет назад, когда разразилась война между Киит ратс и Арлинг Аа. Поставки тяжелых металлов, добываемых не только в горах, но и в степной зоне, резко упали. Соответственно сократились и поставки оборудования от истандийцев. Но активно вмешаться в военный конфликт они не желали, делая только одно. Под великим секретом они передавали военные технологии, еще не знакомые этому миру. Причем с наглухо залитыми блоками и недвусмысленной картинкой взрыва, предупреждающей любое желание вскрыть эти самые блоки. Но самое главное было в другом. Первые клайдеры были захвачены у арлингов. Сначала разбитые и покоренные, с вынутыми или мертвыми излучателями, а затем и вполне боеспособные. Судя по тому, что истанди подобного не производили – просто негде, – и они, и арлинги питались из одного источника. Затем пружина начала раскручиваться дальше. В рядах армии арлингов стали появляться высококвалифицированные чужаки, и стабилизировавшееся вроде бы положение на фронте опять качнулось не в нашу сторону.

От Истанди потребовали ответа. После несостоявшегося покушения на Императора некоторая информация была дана. Тогда и стало известно и о галактической Империи, и о гатрийских наемниках – главной военной силе арлингов. Немногочисленные, но очень хорошо подготовленные воины с планеты Гатри, были ядром имперских вооруженных сил. Но за деньги часть гатрийцев, в основном те, кого мы бы назвали «отщепенцами», воевали где угодно и с кем угодно. Положение вновь изменилось с моим прибытием. Оказывается, наши ракеты накрыли тогда не только штаб армии, но и командующего гатрийскими наемниками Исиора ден Иминар. А заодно и собранных на совещание командиров отдельных подразделений. Теперь за мою голову была назначена такая награда, что в прифронтальной зоне рыскала не одна сотня желающих поживиться. Правда, зная свой скверный характер, халявой я бы это не назвал.

Откуда поступало свежее подкрепление, мои жены не знали. Знали только одно. Космодрома на Арлинг Аа не было. Но над островом время от времени вспыхивала радуга, что-то вроде северного сияния. По своей прошлой жизни я знал, что подобное сияние возникает при выбросе элементарных частиц в ионосферу. А примерно через несколько дней начиналась активизация действий арлингов либо на каком-то участке фронта, либо на всех фронтах. С некоторой долей вероятности можно предположить, что сияние было связано с работой некоей установки по перебросу войск. Какой именно, истандийцы не знали или просто говорили, что не знают.

Теперь все встало на свои места. Оставался еще один вопрос. К слову сказать, казавшийся мне главным.

Я рассказал сидящим вокруг меня девушкам краткую историю своего появления в этом мире. Начиная от моего пребывания в секретном институте, заканчивая тем, как я очухался в незнакомом теле.

- Видите? Никакой я не бог, а просто парень, которому чудовищно повезло, - закончил я свой рассказ.

Но вопреки ожиданиям девушки заулыбались, и рыжеволосая Кена, обернувшись к Инар Тего, попросила:

- Инар, расскажи Бикхо Бехан (Легенду Бикху).

Удобно устроившись в мягком кресле и полузакрыв глаза, Инар, обладательница роскошной гривы пепельно-русых волос, начала петь.

Никакого музыкального сопровождения не требовалось. Мягкий, мелодичный и неожиданно сильный голос Инар был красив сам по себе.

Тот, кто придет издалека,
В чужое тело облаченный,
Обрушит горе на врага
И град спасет благословенный,
Огнем огонь остановит
И к звездам проложит дорогу,
Тот, кто врагов своих простит,
Недаром носит имя Бога.
Ему покорны свет и мрак,
Огонь и сталь в его руке,
И стаи бешеных собак
В бескрайней утонут реке.
Пройдя по звездному мосту,
Он обретет свою судьбу,
Шагнувший через пустоту,
Прославивший свою звезду...

- Красиво. Это вы написали? - спросил я, немного помолчав. Девушки сдержанно засмеялись.

- Ну что ты! - ответила за всех Ли Раттах. - Когда это было написано, никто не знает. Такая надпись есть на всех Кора дишел.

- На этих огромных валунах?

- Ну да.

- А я-то гадал, чего на нем нацарапано... Знал бы, что про меня - никогда в жизни не сломал бы! - попробовал я обратить все в шутку.

Тут уже они засмеялись в голос. Кто-то сказал:

- Их еще штук сто по всей планете. Да, богатое поле деятельности...

- Ну да! - Я делано обиделся. - Делать мне больше нечего. - И добавил, обращаясь к Захон: - Я, кажется, еще не видел ваш спортзал?

- Тебе интересно?

- Разумеется! - ответил я, вставая с кресла.

Увиденное в спортзале меня немного озадачило. Макивары, мишени для метательного оружия, стойки с мечами и пиками. Удивленный, я подошел к одной из стоек и взял в руки меч. Прямой и легкий, с глубокой гардой, он напоминал рыцарский. Только не тот, которым ковырялись на турнирах, а боевой, для настоящей драки.

- Откуда все это?

- Это историческое оружие. Искусство владения им передается жрицами твоего храма из поколения в поколение, - ответила Кена.

- Но почему остальные ничего не знают об этом?

- Это тайное знание. Оно сохранилось только в Храме Воина. Люди сами все растеряли. Мы сначала пытались сохранить школы, где обучали искусству боя, но последняя закрылась более ста лет назад.

- И что, вы всем этим владеете? - с недоверием спросил я.

- Риса, Ками! - скомандовала Кена.

Девушки скрылись на несколько минут и появились уже облаченные в доспехи, надежно укрывавшие их от возможных повреждений.

То, что я увидел, было, конечно, не вершиной боевого фехтования, но вполне, вполне достойно.

- А шести, с которыми стояли младшие жрицы?

Риса и Ками ушли переодеваться, а их место заняла другая пара.

Шести выглядели намного лучше. Стиль, чем-то похожий на «Посох буддистского архата», но смещенный в сторону коротких ударов.

- А без оружия? - не сдавался я. - Кто из вас лучшая?

Захон оглянулась.

- Наверное, Кена.

- Кена, ты не против поединка со мной? - спросил я смуглокожую красавицу, разгоряченную зрелищем схватки на мечах.

- Может, лучше в спальне? - предложила она, потягиваясь, как кошка.

- Победишь, будешь первой! - пообещал я, сбрасывая сандалии. Сверкнув глазами, она убежала и вернулась переодетая во что-то отдаленно напоминающее кимоно. В ее руках была такая же одежда для меня.

Я взял принесенное в руки и критически осмотрел. На меня это было явно мало. Я сбросил свою накидку, сунул одежду в руки кому-то из девчонок, и остался только в просторных расшитых шароварах.

- Кена, подожди минуту, я хочу немного размяться! - сказал я и проделал короткое, но энергичное ката «Золотой росы».

Строго говоря, разминка мне была не нужна. Я просто хотел привыкнуть к полу и своим штанам, которые развевались на мне, словно флаги.

- Я готов, - сказал я и повернулся к ней.

Глаза Кены горели, будто два уголька. Приняв необычную, но вполне рациональную стойку, напоминавшую «журавля», она начала сокращать дистанцию и вдруг неожиданно прыгнула, едва не задев пяткой мой живот. Я упал вниз и, не давая ей обрести опору для новой атаки, крутнулся мельницей. Девушке не хватило буквально мгновения для группировки тела, и я сшиб ее с ног. Но Кена не собиралась сдаваться. Она кувыркнулась и вскочила на ноги в полутора метрах от меня, тут же атаковав ударом пятки назад. Я скользящим движением заблокировал ее ногу, и рукой ударил в коленный сгиб.

Кена опять кувыркнулась на пол и снова встала в стойку. Судя по всему, на этот раз она собиралась достать меня снизу. Я легко ушел от атаки, «Драконьим хвостом» сделав сальто над ее головой.

- Теперь попробуем по-другому! - объявил я. И новую атаку встретил вязкими движениями «паука». Через мгновение Кена стояла с закрученными за спину руками, которые я удерживал одной рукой, а второй держал на контроле ее горло.

Зал огласился приветственными криками. Девушки радовались моей победе, как своей. И только Кена отошла в угол, тихо переживая неудачу.

Я подошел к ней и положил руку ей на плечо.

- Кена, ты победила.

- Как?

Еще не веря, она смотрела на меня, пытаясь понять, шучу я или нет.

- Ну, покорила мое сердце. Тебе так больше нравится?

- Да! - Она коротко кивнула и, счастливая, ускакала переодеваться.

Прошло немало времени, пока я наконец не оказался у тех самых дверей, через которые вошел в храм. Не могу описать настроения, с которым я покидал этот дом. Одно, пожалуй, знал точно. Я сюда еще вернусь.

Обратно я решил добираться на «Камарге». Выйдя из храма, я обнаружил коридор из воинственно настроенных амазонок, которые, как оказалось, и не покидали своих позиций, отсекая поредевшую уже толпу. Увидев меня, десантники возле вертолета тоже оживились и заняли позицию «Двойного веера». Не потому, что мне угрожала какая-то опасность, а потому, что так положено.

Проходя по живому коридору, я вновь обратил внимание на столь «полюбившую» меня тележурналистку. Она стояла спиной ко мне и гневно говорила что-то в микрофон. К продажности и беспринципности журналистов я привык давно. Как, впрочем, и к военным, забывшим или никогда не знавшим, для чего и откуда у автомата растет ствол. Только в этот раз я почему-то решил подойти и засвидетельствовать свое почтение лично. Увидев, что я подхожу к оцеплению, из храма ко мне поспешила резервная окка младших жриц,

вооруженных полицейскими доспехами и шоковыми разрядниками.

Красивое, чуть смугловатое лицо уроженки предгорий портила гримаса, скривившая губы, и острый прищур темных глаз. Именно таких обычно называют стервами.

- ...к своему титулу мясника решил добавить еще один. Клоун, одним своим именем марающий всю армию, решил стать живым богом, купив на свои кровавые деньги шлюх из храма Бикху. Малолетние сучки, конечно, с радостью лягут под кого угодно, лишь бы оправдать свою и без того грязную репутацию. Но в этот раз они перешли все пределы даже своей животной похоти...

Она стояла спиной ко мне. Оператор делал ей страшные знаки руками и губами, призывая обернуться. Наконец, не закончив очередное ведро дерьма, она последовала его совету и встретилась со мной лицом к лицу.

- Я, наверное, не вовремя? - учтиво поинтересовался я.

Сказать, что во мне все кипело, значило ничего не сказать. Я вспоминал легких, словно танцующие в солнечном луче пылинки, девочек-жриц. И еще много чего. От моей ярости воздух вокруг тихо звенел и закручивался маленьким вихрем вокруг ног.

- Ну, что же ты замолчала? - ласково заговорил я. - Повтори, пожалуйста, все, что ты говорила в камеру, только глядя мне в глаза. Я думаю, зрители оценят твой гражданский подвиг.

Ее немного трясло. Вероятно, от холода. Все-таки горы. Наверное, всего-то двадцать—двадцать пять выше ноля... Но я не собирался ее прощать. Одно дело оскорблять меня, другое дело - дорогих мне людей. За это я рвал глотки всегда. И всем.

К этому времени резервная окка уже оттеснила оператора и журналистку от толпы, образовав еще одно кольцо оцепления. И, судя по лицам девушек, настроены они были весьма решительно.

Репортерша, наконец, смогла унять бившую ее дрожь и, пригнувшись, будто призывая бык перед броском на тореадора, нарочито четко выговаривая слова, буквально проскандировала мне в лицо:

- Ты вонючий и наглый мальчишка, одуревший от выпитой крови убитых тобой людей. Я не знаю, чем ты подкупил этих храмовых проституток, что они признали тебя Богом, но я знаю твою истинную цену...

Ярость, бурлившая во мне, внезапно вскипела и несколько неожиданно выплеснулась облаком рыжеватого вихря из песка и камней, метнувшегося из-под моих ног. Смерч накрыл ее, и на мгновение она исчезла из вида, а потом песок опал вместе с какими-то лоскутками.

Я поднял глаза и увидел, как абсолютно голая женщина, лишенная не только одежды, но даже всех волос, стояла столбом в совершеннейшем ужасе, не в силах даже руками прикрыть свою наготу.

Ровно через минуту я был в воздухе и пытался унять легкое покалывание в голове и руках, массируя затылок и кисти рук.

Я уже почти подлетал к своей резиденции, как Доратх предал мне трубку. «Кто?» - глазами

спросил я его.

- Эрхар Ирх.

- Да, слушаю.

- Командир, у меня не очень хорошие новости.

- Подожди, дай догадаюсь! Еще двести жриц объявили меня своим мужем.

- Нечто похуже.

- Да? - заинтересовался я. - А что может быть хуже?

- Сутки назад сбежала Элар Кимон. Ну, эта, командир «Сит Тамиратх».

- Ну и что?

- Она «танцующая». Нет-нет, я понимаю, ты на моих глазах уничтожил шестерых «огненных танцоров», но она... это нечто. Охранники говорят, когда она совсем очухалась, то порвала наручники и метнулась к ограде.

- Ты хочешь сказать, они не смогли подстрелить ее?

- Нет, - с раздражением ответил Ша Ирх. - Я только хочу сказать, что там у них вместо обычной колючки карихитовая проволока. Соседний завод расплатился за рабочие руки. Так вот, в клочья! Ты слышишь? Как бельевую веревку! Полмиллиметра в диаметре и полтонны на разрыв! - И чуть спокойнее добавил: - Я уже послал две окки полного состава в твою резиденцию.

- Ты что, и в самом деле думаешь, ее это остановит?

- Нет, - неуверенно сказал он, - но что-то же делать надо? Да, кстати, охранники говорят, она ранена.

- Это как? - удивился я.

- А так. Кому-то пришлось в голову послать ей вслед очередь из станкового гранатомета.

- Ну и что?

- А то, что ей приспичило уходить по ущелью. Поисковая группа потом нашла пятна крови на камнях.

- Много?

- Чего «много»?

- Я спрашиваю, крови много?

- Достаточно. Похоже, зацепило ее серьезно.

- А почему ты думаешь, будто она пойдет ко мне домой?

- Так куда же еще?

- Слушай, ты агих хотя бы иногда смотришь? - не выдержал я.
- Нет, - ответил он заинтересованно. - А что?
- Там уже с утра показывают ликование народа возле одной гостиницы.
- Дах! Как же я сразу не догадался... Рих Дас приехал, этот актер. Да?
- Ага. Я к гостинице.
- А ребят направить туда же?
- Нет. Никого не надо. Пусть устроятся у меня, как смогут, и отдыхают. И пусть не вздумают рыть там окопы. Иначе их ждет страшная смерть от руки моего дворецкого.

Он засмеялся.

- Хорошо. Конец связи.

- Конец связи.

Я отдал трубку Доратху и произнес, наклонившись к его уху:

- Ты знаешь гостиницу «Скала света»?

Он утвердительно кивнул.

- Там на крыше есть площадка?

- Нет, так будет, - меланхолично произнес он.

- Давай туда.

Доратх снова кивнул, прижал ларингофон к горлу и отдал несколько коротких команд.

«Камарг» резко взял вправо, и в моем окне на мгновение блеснули ледники Асоххати и густо-синее небо над горами.

То, что Элар Кимон подстрелили, это, пожалуй, хорошо. И хорошо, если ногу. Тогда она не боец.

За размышлениями я не заметил, как мы подлетели к гостинице. Машина еще висела над посадочной площадкой, как парни горохом ссыпались на бетон.

- Тахор! - окликнул я своего пилота, когда мы сели. - Я тебе оставлю пару ребят, сгоняй ко мне домой, привези парадную форму и заправь машину под горлышко. Да и заодно поинтересуйся, может ли Арох отменить мои приглашения на праздник Трех Лун.

Я повернулся к Доратху и показал два пальца и на машину. Он мгновенно понял меня, и двое из окки заскочили обратно.

- Все. - Я хлопнул его по плечу. - Давай.

Четыре турбины «Камарга» мягко взвыли. Обдав меня плотным воздухом из-под сливающихся в сверкающий диск лопастей, он взмыл под облака. Я проводил его взглядом и направился к

лифту, ведущему в гостиницу.

Перед входом меня ждал какой-то служка. Он уже хотел спросить что-то, но увидел десантников в штурмовом снаряжении и собрался исчезнуть. Я остановил его.

- Как тебя зовут?

- Ас...си, г...господин, - произнес он заикаясь.

- Хорошо, Асси. Скажи мне, где находится номер, в котором остановился Ша Гранг?

- Он в 12-м.

- Это какой этаж?

- Это п...пентхауз.

- Как туда подняться?

- Вот... - Он рукой показал на лестницу.

- Отлично! - Я хлопнул его по плечу, и от неожиданности он осел на пол.

Но не прошли мы и десяти метров, как путь нам преградили двое здоровенных молодцов.

- Туда нельзя.

- Это почему же? - искренне удивился я.

- Там частные владения.

- Уж не Ша Гранга ли часом?

- Да. - Кивком головы подтвердил один из шкафов.

- Ага. А я, по-твоему, кто?

В совершеннейшем смятении он рассматривал мое лицо.

- Двойник? - неуверенно предположил он.

- Ну да, - обрадовался я. - Точно! Я двойник, а это, - я показал на нетерпеливо роющих копытом штурмовиков, - это клоуны. Ты проводи меня скорее к тому парню, - продолжил я доверительным шепотом. - А то не ровен час, покажут они тебе пару своих трюков, обхохочешься до смерти.

После моего дворца и храмовых покоев пентхауз показался мне скромной квартиркой. Правда, весьма обширной. Не успел я толком осмотреться, как двери одной из комнат распахнулись, и в холл выскочил я собственной персоной в окружении стайки прелестных нимф.

Признаюсь, вблизи сходство было еще более близким. Единственное, что ему не удалось скопировать полностью - так это походку. Вообще такую степень подобия мне не приходилось видеть. Невольно я позавидовал мастерству актера. Ведь он не видел меня живьем... Стоп! Стажер. Из штаба. Ясно!

- Ша Гранг! Я счастлив. О боги, я счастлив видеть тебя.

Он пожимал мне руку, хлопал по плечу, улыбался и вообще всячески показывал свою приязнь. Его девушки клубились вокруг нас шелестящим и душистым роем.

Мне-то он был вполне симпатичен, поэтому я улыбнулся ему в ответ и сказал:

- Вижу, твоя стажировка не прошла даром.

- Ты узнал меня? - нахмурился он. Потом вновь просветлел лицом и поинтересовался:

- Где я прокололся?

- На мимике. Ты очень хорошо ее скопировал. А это значит, ты видел меня своими глазами. А чужих в части за последнее время было только двое. Значит, один из них ты.

- А кто тот, другой?

- Скорее клоун, чем актер. - Я широко улыбнулся, вспомнив его кислую рожу. - Проверяющий из штаба фронта, - коротко пояснил я.

Внезапно он вскочил с широкого дивана, на котором мы устроились.

- Ты обедал? Слушай, они здесь прекрасно готовят.

- Некогда. - Я нахмурился, вспомнив цель своего визита. - Совершил побег очень опасный преступник, у которого со мной свои, личные счета.

- Но, - он обвел взглядом комнату, по которой расползлась охранная окка. - Разве твои солдаты и моя охрана не смогут остановить его?

- Ее. Это женщина. И даже с учетом того, что она, скорее всего, серьезно ранена, я абсолютно не уверен, что ее смогут остановить.

- А ты сможешь? - Он внимательно посмотрел мне в глаза.

- Я думаю, да. Но я не хочу, чтобы кроме меня кто-то еще рисковал.

- Мне нужно будет уйти? - Он казался опечаленным.

- Да, - твердо сказал я.

- Жаль! - Он хитро улыбнулся. - Мне понравилось. Еще никогда за свою жизнь я не получал столько аплодисментов.

- Еще успеешь! - усмехнулся я. - Обещаю тебе, как только вся эта бодяга закончится, ты сможешь вернуться и продолжить лавроуборочную страду.

- Обещаешь? - Склонив голову, он заглянул в мои глаза.

- Обещаю, - рассмеялся я. - А теперь снимай грим, забирай девушек и дуй отсюда.

Он что-то еще хотел добавить, но я прервал его.

- Давай-давай! - И махнул рукой, показывая, что разговор окончен. Через некоторое время

шум смолк. Ушел Рих Дас, упорхнули девушки, остался один я, окруженный своими верными солдатами.

«Черт, девушки!» – подумал я и потянулся к матово-черной коробочке коммуникатора.

- Здесь Круг – один.

- Слушаю тебя, Круг.

- Дай-ка мне Ирха.

Щелчок, и в наушнике возник немного усталый голос Ша Ирха.

- На связи.

- Слушай, мне нужно пять-шесть девушек из числа тех, кто получил штурмовую подготовку и уже побывал в деле.

- Ну, есть такие...

- Кого ты предлагаешь?

- Окку «Бешеной Асги»

- Рейд на Арисанд? – уточнил я.

- Он самый.

- Годится. Переодень их в самую легкомысленную одежду... Стоп. Здесь переоденем. Затем, – я перечислял, что они должны прихватить с собой. – Датчики движения, термодатчики, масс-детекторы... И все это срочно, ты меня понял?

- Исполняю. Конец связи, – ответил он и отключился, услышав «финиш».

Но это было еще не все.

- Доратх!

- Здесь, командир.

- С ребятами развороши гардероб и переодень четверых в гражданское. Убери местных бойцов и замени их нашими ребятами.

- Понял. – Он помялся. – Тут к тебе рвется один...

- Кто?

- Шумный такой, я не понял.

Я вздохнул.

- Ладно, давай этого скандалиста.

Скандалиста запустили через пару минут. Невысокого роста и тщедушного сложения, с всклоченной седой шевелюрой, он ворвался, как предводитель команчей, с ревом и криком

потрясая сухонькими кулачками.

- Я сгною тебя в провинции. Да ты у меня сдохнешь, играя голос за сценой. Меня! Меня, великого Аддахи, велел не пускать к себе в номер! - Тип воздел глаза к небу. - Боги отняли у него разум. Идиот! Это была твоя идея? Ты забыл, кем был бы без меня? Ты что, возомнил себя настоящим Ша Грангом? Да ты посмотри на себя, фигляр несчастный. В одном его мизинце величия больше, чем во всей твоей противной фигуре. Откуда ты взял эту бездарную массовку? - возопил он, показывая на окопавшихся в холле разведчиков. - Так, по-твоему, должны выглядеть легендарные «Небесные стражи»?!!

Я спокойно слушал его тираду, раздумывая, чего такого ЕЩЕ не сделал, чтобы взять Элар Кимон с наименьшими потерями. Тут появился Доратх, ведя четверых парней.

- Дядя, утхни, - попросил он захлебывающегося старичка. Сдвинув его в сторону, словно блюдечко со стола, он подвел ко мне четверку в цивильном платье.

- Ну как, командир?

Выглядели они в гражданском не очень. Плотный загар и жилистые руки выдавали их с головой. Ладно, сойдет. Я махнул рукой, и битюги утопали на позицию. Внезапно в холл из соседней комнаты заглянула Тего Тирах, уже развернувшая мобильный центр связи.

- Командир, адзати Рохар на связи.

- А... Давай. - И уже в трубку: - Приветствую. - Раненый в руку при прорыве к императорскому дворцу, генерал-полковник был, похоже, свеж и бодр. Во всяком случае, голос его был вполне тверд.

- Слышал, ты нашел себе новое развлечение, - после приветствия сказал он.

- Смотря что ты имеешь в виду.

- Поимку огненных птичек на хитрую наживку в виде собственной задницы.

- Что, уже доложили?

- Все шутишь... Лучше скажи, тебе помощь нужна? Люди, оружие, техника.

- Нет-нет. Этого ничего не надо. Я думаю, основная часть программы начнется часам к трем утра. После парада и последующих увеселений.

- Ладно, похоже, тебе виднее. Если что, я твоим связистам оставлю прямой выход на себя.

- Спасибо, Рохар.

- Удачи твоей охоте.

Человечек, стоявший рядом, «Великий Аддахи», как он себя называл, нервно двигал острым кадыком, пытаясь выдавить из себя хоть слово. Потом, прокашлявшись, он тихо даже не спросил, а просипел:

- Это тот самый Рохар? Адзати Рохар? Имперский Страж?

- Ты знаешь другого Рохара? - холодно осведомился я.

- Значит, ты... - До великого Аддахи, кажется, дошло. Не закончив фразу, он схватился за сердце и упал бы, если бы его не подхватили на руки.

- Врача! - скомандовал Доратх.

Подскочивший Сат Риго быстро осмотрел теряющего сознание старикашку, нагнулся за бутылкой воды, руками оторвал стеклянное горлышко, налил воду в стакан и протянул его Аддахи. Тот сделал несколько мелких глотков. По мнению Риго, этого количества влаги было совсем недостаточно. Остатки он вылил прямо ему на голову.

Взгляд человечка сразу посветлел, и он встрепенулся.

- Сат, - обратился я к Риго. - Не подскажешь ли, откуда такие чудодейственные способы лечения?

Гадко ухмыльнувшись в ответ, он молча ушел, оставив меня в самых тяжелых сомнениях.

Тем временем очухавшийся импресарио причитал, заламывая руки, как третьеразрядный исполнитель короля Лира.

- О, как я мог ошибиться! Где были мои глаза...

- Хватит, - остановил я его. - Что ты делал для Даса?

- Я был его агентом.

- Дальше.

- Я устраивал для него пресс-конференции и встречи с продюсерами.

- Твой контракт прекращает действие, - жестко сказал я. - Можешь идти.

- А как же пресс-конференция? - ужаснулся он. - Фотографы из Линарг Дамис и Ригдан Карох, программа «Грань»... - Считая, он загибал пальцы на руках. - И еще...

В совершеннейшем ужасе он смотрел на свои руки со всеми загнутыми пальцами. Потом бессильно уронил их вдоль тела и побрел прочь, приговаривая:

- Они меня разорвут. Точно разорвут. И пыли не оставят. Предупреждала меня мама...

О чем там его предупреждала мама, я так и не узнал. Потому что в этот момент мне в голову пришла ценная мысль: если я внезапно откажусь от всех встреч и перестану появляться на людях, Элар Кимон будет трудно меня найти. По-моему, невежливо заставлять даму искать себя...

- Постой.

Он остановился и посмотрел на меня с надеждой.

- Уточни, пожалуйста. Ты представлял его как актера, который играл меня, или как Ша Гранга?

- Как Ша Гранга...

- Кто еще, кроме тебя, знал, что это актер?
- Никто. У меня договор на эксклюзивное представление тебя перед журналистами и публикой.
- А откуда он у тебя? Я ничего не подписывал.
- Меня вызвали в Имперскую Безопасность и выдали договор. Сказали, что пока ты занят, тебя будет представлять Рих Дас. И все...
- А почему тебе?
- Потому, что я лучший! - ответил он, горделиво приосанясь.
- Садись. - Я показал ему на одно из кресел. - Рассказывай, что там у тебя намечено.

Он вынул из бокового кармана куртки свернутый пополам листок и стал читать, водя по списку трясущимся пальцем.

- Через два эан пресс-конференция. Затем обед с представителями деловых и промышленных кругов. После этого будут фотографии из журнала Ригдан Карох и издательского дома Линарг Дамис. Потом делегация женского комитета «Достоинство». Потом перерыв на эан и прямой канал программы «Грань». Затем концерт в Император-холле, потом опять перерыв, после этого ужин, и в полночь парад.

Он оторвался от списка.

- Тут вы должны были поменяться. - Он развел руками.
- Ладно. Давай так. Все, что можно отменить, отменяй. Остальное... - Тут уже я развел руками.

Аддахи просиял.

- Отлично! Сейчас, сейчас...

И он вновь склонился над списком.

- Так, пресс-конференция, - он поднял на меня глаза. - Тут уж никак. Потом обед. Можно посидеть немного и уйти.

- Годится, - поощрил я его.

- Затем, - продолжал он, - фотографии, ну, эти быстро. Скажем им, чтобы пошевеливались, и через десять эан вытолкаем. Так, женский комитет перебьется, прямой канал...

- Сократить можно? - поинтересовался я.

- Сейчас узнаю.

Он вытащил из другого кармана телефон.

- Это Аддахи. Да, да. Ани Тха срочно. Сейчас, сейчас, - сказал он уже мне, оторвавшись на мгновение от трубки.

- Да? Ани? Слушай, у меня небольшая проблема, - начал он, блуждая глазами по холлу. - Надо подсократить программу.

Из трубки донесся неразличимо-гневный женский голос. Аддахи нервно помассировал шею и переложил аппарат из руки в руку, поднеся его к другому уху.

- Нет, это ты меня послушай. Сократить все равно придется. Зато тебя ждет сюрприз. Догадайся. - Пауза. - Нет. - Опять пауза. - Нет, не угадала. - Он посветлел лицом. - Да! Точно, девочка. Так что твои зрители будут в полном восторге. Да. - Он помолчал, прислушиваясь. - Еще круче, чем ты думаешь. Все. Остальное потом. Пока.

- Значит, никто не знает? - с иронией спросил я его.

- Ну... - Он тяжело вздохнул. - Она ведь утверждала перечень вопросов, и я должен был объяснить, зачем выкинул все специальные и профессиональные темы.

- Ладно. Кто еще знает, что вместо меня должен быть актер?

- Больше никто! - заверил он меня.

Наш разговор был прерван Лиро Ди, вынесшим на вытянутых руках, как святыню, мой парадный мундир.

- Лиро! - обратился я к нему. - Если ты немедленно не сделаешь лицо попроще, то я прикажу этим костюмчиком вычистить все нужники в гостинице. Ты меня понял? - строго спросил я его.

Бедняга, видимо, представил себе эту сцену в красках, ибо побледнел так, что стал одного цвета с белоснежной формой.

- Все-все, я пошутил. - Я поднял руки, показывая, мол, сдаюсь. - И мне придется в этом целый день париться? - спросил я теперь уже своего продюсера.

- Ну, это было бы, конечно, идеально, не в гражданском же вам выступать.

- Лиро, - обратился я вновь к своему ординарцу. - Ты кроме этого ничего не притащил?

Не моргнув глазом, Лиро отрапортовал, как на плацу.

- Штурмовой комплект, рейдовый комплект, выходная форма, фотохромный комбинезон...

Я почесал за ухом и распорядился:

- Давай выходную.

Пока я переодевался, Аддахи поинтересовался у моего адъютанта, действительно ли он притащил такую кучу барахла лишь потому, что вдруг что-нибудь из этого может мне пригодиться. Получив утвердительный ответ, он воскликнул:

- Мальчик, да тебе же цены нет! - И, понизив голос до шепота, добавил: - Если тебе когда-нибудь понадобится работа, то у меня всегда найдется место.

Стоя перед огромным, во весь рост, зеркалом и рассматривая свое отражение, я внезапно вспомнил, как полгода назад так же рассматривал себя, стоя в клозете подземной базы.

Правда, тогда медалей и орденов было значительно меньше. Да и погоны пожиже. Я подмигнул самому себе, а точнее, своему предшественнику. «Ну что, парень? Не посрамил я твою шкурку?» Ладно. Поправив берет и кобуру, я вернулся в холл.

Непривычные к виду парадной формы парни повскакивали с мест и замерли по стойке смирно.

- Вольно, ребята. Не на параде. – Как хорошо быть генералом.

- Ну, что? Пошли? – спросил я.

- Да, время, – согласился Аддахи, и мы направились к лифту, ведущему в конференц-зал.

Народу в зале было не продохнуть. На столе, вопреки моим ожиданиям, было только четыре микрофона в ряд и букет шикарных бледно-желтых геххай, по запаху чем-то похожих на наши розы, а по виду на лилии.

После короткого представления всем присутствующим и полного перечисления всех моих титулов посыпались вопросы.

- В чем секрет твоих военных успехов?

- Мои успехи – это мои солдаты.

- Это не твои солдаты – это солдаты Императора.

- Там, где мои успехи – это мои солдаты, а там, где успехи Империи – Императора.

- Почему у тебя так много каторжников?

- С позволения Императорского прокурора я дал этим людям еще один шанс. И они им воспользовались.

- Ты не считаешь, что стоило набрать элитную часть из дворян? – спросил молодой голос из угла зала.

- Когда я формировал свое подразделение, оно вовсе не было элитным. Тогда мы были просто командой смертников. Но, видимо, даже для смерти мы оказались слишком плохи.

В зале раздался смех.

- Но теперь, когда ты можешь набирать лучших из лучших, не стоит ли обратить свой взор на молодых дворян? – не унимался все тот же голос.

- Я считаю, таких подразделений должно быть много. Война длинная, и славы хватит на всех. Поэтому у каждого офицера есть возможность превратить своих солдат в образцовых. Это лишь вопрос времени и собственных навыков. И вовсе не происхождения.

- Правда ли то, что ты голыми руками убил полную хетту «танцующих»?

- Правда.

- Как тебе это удалось?

Я улыбнулся.

- Диета и здоровый образ жизни. - Снова смех в зале.

- Как ты отнесся к тому, что жрицы назвали тебя Бикху?

- Нормально.

- Ты действительно чувствуешь себя богом?

- Разумеется, нет.

- Твои солдаты еще не отдают тебе почестей, как Богу?

- Каждый, кому придет в голову такая мысль, будет чистить солдатские нужники, пока не вылечится.

- Ты уже выбрал спутниц для праздника Трех Лун?

- Да.

- Кто это?

- Секрет, - сказал я и добавил: - Скажу только, это был самый трудный выбор в моей жизни, поскольку все без исключения женщины, приславшие мне приглашения, были просто ослепительны.

Мой нехитрый комплимент был встречен дружными аплодисментами женской части зала. Встал высокий и пожилой журналист с ярко-оранжевой карточкой информационного агентства «Полюс».

- Мы видели, что произошло возле храма Бикху, когда ты так оригинально расправился с Ини Асор. Скажи, как тебе это удалось.

- Ты смотрел от начала до конца?

- Да.

- Тогда ты должен был слышать, что она сказала о жрицах.

- Ну, - он замялся. - Эту площадную брань трудно было не услышать.

- Тогда у тебя должен быть другой вопрос.

- Какой?

- Почему я сделал с ней только это, а ничего более серьезного. Обычно мои враги не выживают.

- Но по отношению к своей невесте ты мог быть и снисходительнее...

Так вот кто тогда рвался ко мне во дворец! Всех, всех разжалую к чертовой матери. Всех в саперы. Хоть бы одна сволочь предупредила.

Я надеюсь, что пауза, пока я собирал в кучку разбегающиеся мысли, не была слишком

длинной.

- Когда я валялся в госпитале, и позже, уже на фронте, у нее была масса поводов и способов найти меня. Но она предпочла другой путь.

Видимо не очень довольный моим ответом, репортер тем не менее сел.

- Почему ты позволил той девочке совершить самосуд над арестованными офицерами?

- Встань, пожалуйста, я тебя не вижу.

Из центра зала, занятого элитой журналистского корпуса, поднялась грузная дама лет семидесяти.

- Спасибо. Я ничего ей не позволял. Наказать этих уродов была целиком и полностью моя идея.

- Но это же беззаконие! - возмутилась она.

- Ага, - согласился я. - Только вы это расскажите девочке, с которой сорвали одежду, а потом несколько часов подряд насиловали. Затем ей не дали даже одеться, а просто привязали к ножке стола, засунув кусок грязной ветоши в рот, чтобы не скулила.

- Ничего с ней не случилось. Она, наверное, была сама рада, когда эти парни проявили к ней внимание.

Тут я и вскипел.

- Понимаю, - сказал я отчетливо и громко. - Для дамы такой внешности, как твоя, любое проявление мужского внимания - это счастье, которое так редко выпадает. Я очень сожалею, что не тебя привязали под столом голую, хотя и сомневаюсь, что мне твой вид доставил бы эстетическое наслаждение. Но ты меня убедила. Я понял, что, отрезав гениталии у этих ублюдков, я наказал их вовсе не так строго, как мне бы этого хотелось. Надо было отдать их тебе. Правда, в этом случае Имперский прокурор точно растерзал бы меня за неоправданную жестокость.

Зал покотился от хохота. Смеялся и я, провожая взглядом взбешенную женщину, покидавшую пресс-холл. Но допрос продолжался.

- Что ты намереваешься сделать с призовыми деньгами за «танцующих»?

- Ничего.

- Как это?

- Для получения этих денег мне нужно отдать их амулеты. - Журналист, задавший вопрос, согласно кивнул.

- А я не собираюсь отдавать их. Слишком дорого они мне обошлись.

- Какую цену ты имеешь в виду?

- Сто двадцать пять моих солдат отдали свои жизни в том бою. Нет таких денег, которые могут перевесить эти амулеты.

- Правда, что ты своими руками отрезал головы у командиров повстанцев?
- Правда.
- Почему ты не приказал сделать это своим солдатам?
- Особо грязную работу я стараюсь делать сам.
- Тебе нравится убивать?
- Встань, пожалуйста.

Из первого ряда поднялся совершенно седой мужчина в дорогом костюме.

- Ты ведь журналист?

Он согласно кивнул.

- Когда ты ведешь наблюдение за продажным чиновником или проводишь какое-нибудь журналистское расследование, тебе приятно? Думаю, нет. Но ты все равно делаешь это, ибо твоя работа в некотором роде – ассенизация общества.

- Спасибо, я понял.

* * *

Было еще много вопросов. Наверное, все это продолжалось бы еще очень долго, но мой агент вежливо и очень решительно прервал пресс-конференцию.

Затем по длинной застекленной галерее мы прошли в зал приемов на торжественный обед. Скудное и бессмысленное мероприятие, однако, было скрашено присутствием нескольких знакомых мне людей. Занимательная и полезная беседа с двумя крупнейшими в Киит ратс промышленниками стоила того, чтобы посетить такое тоскливое сборище. Мне было сделано несколько забавных предложений, если вдруг я решу оставить службу, и даже одно откровенно своднического толка.

Подошел даже Ши Камарг, чтобы лично засвидетельствовать свое почтение. В ответ я не удержался и завел с ним разговор на специальные темы. Будучи крупнейшим на Алонис конструктором машин вертикального взлета, он сначала с некоторым снисхождением, а потом с удивлением, плавно переходящим в изумление, слушал мои разглагольствования по поводу возможных улучшений конструкции его машин. Каюсь, мои знания были почерпнуты мною из знакомства с вертолетами Камова. Но справедливость требовала еще одного.

- Ши Камарг, не кажется тебе, что у боевых машин должно быть более короткое и хлесткое имя?

- Что ты имеешь в виду?

- Ну, все же знают и так, что эти машины сделаны твоей фирмой. Но имя у машины должно быть свое. И твое одновременно. Например, просто «Ка» и номер. Возникает сразу множество ассоциаций. Каймо (молния) или Кат (смерть)...

Он задумчиво посмотрел на меня.

- Да... Интересно. Надо подумать.

- Обязательно.

Но ничто слишком хорошее или слишком плохое не продолжается слишком долго, и Лиро Ди, как и было условлено, под благовидным предлогом выдернул меня оттуда.

Когда я вернулся к себе в апартаменты, там всю кипела работа. Ребята распаковывали и устанавливали аппаратуру, которую привезла Бешеная Асга. Сама она, разодетая, как портовая проститутка, стояла во вполне гармоничном окружении своих девушек.

Увидев эту картину, Аддахи замер в немом шоке.

- Асга, кто тебе посоветовал все это одеть? – спросил я тихо. Она недовольно передернула плечами, словно хотела сбросить с себя эту ярко-красную кричащую тряпку.

- Мне сказали, что ты хотел видеть нас в чем-нибудь легкомысленном...

- А где ты все это взяла?

- Внизу, в магазине.

- Внизу, в метро?

- Ну да.

С каждым ответом она становилась все неувереннее. Я улыбнулся, ласково потрепал ее по руке и сказал:

- Сейчас все поправим.

- Аддахи? – окликнул я выходящего из ступора продюсера. – У тебя есть знакомый модельер, из тех, кто занимается женской одеждой?

- Да-да, конечно! – забормотал он, хватая свой телефон.

Не прошло и получаса, как мне доложили о прибытии Ша Нархата. По тому, как кинулся к дверям холла Аддахи, я понял, что это тот, которого он ждал.

В холле приемов, в окружении ассистентов, ящиков, ящичков и коробок, стоял высокий и худой Ша Нархат – звезда столичной моды.

После церемонного представления я, как мог, коротко объяснил, какого именно рода помощь мне требовалась.

- И последнее, – сказал я, когда все вопросы были решены. – Асга и ее девушки – это простые девчонки из городских предместий. В свое время они натворили разных глупостей и попали под каток правосудия. Теперь они солдаты Императора, и за спиной у каждой кровь и смерть. Но они все равно маленькие и беззащитные девчонки, даже если они научились этого не показывать. Постарайтесь их не обижать.

Нархат только поклонился с неожиданно мудрой и лукавой улыбкой и удалился в одну из комнат, отведенных для него.

Фотографы крупнейшего на планете информационного агентства «Линарг Дамис» появились ровно за минуту до назначенного срока.

Быстро и без суеты из ящиков и кофров на свет появлялась разнообразная аппаратура, мгновенно превратившая малый холл в настоящую фотостудию. Так бы они и трудились, если бы не Бешеная Асга и ее девочки, которые появились в зале. Непривычно тихие и невероятно красивые. Прекрасные настолько, что фотографическая команда несколько секунд буксовала, пялясь на девчонок и одновременно пытаясь работать.

Я продолжал отдавать команды, готовя свою банду к визиту Элар Кимон, а фотографы как-то тихо и незаметно начали снимать. Я понял это только тогда, когда один из них полез менять кассету в аппарате. Так они и работали до тех пор, пока не вошел Лиро Ди с мундиром, в котором мне предстояло париться до самого парада. По идее, время фотографов уже закончилось. Но, взглянув на руководителя бригады, я понял, что парни будут стоять насмерть, пока не снимут меня в этом наряде. Вели они себя хорошо, и я дал команду оставить их еще на несколько минут.

Вопреки ожиданиям, мундир оказался вполне удобным и сидел превосходно. Даже воротничок не давил. Невероятно. Есть все же в жизни настоящие чудеса.

Чуть позже подошли четверо Рохаровских ребят. Сначала я хотел отослать их подальше, но потом посмотрел на них внимательнее и решил, что эти парни, разодетые словно городские пижоны, и с повадками волкодавов, будут полезны, так как немного разнообразят нашу компанию.

Прямой канал «Грань» выходил из помещения на верхнем этаже телебашни. Проходя по холлу, я машинально оглянулся в поисках следов боя, и практически ничего не увидел. Вокруг кипела работа, и все в спешном порядке закрашивалось и замазывалось.

Скоростной лифт вознес нас на самый верх, где располагались обзорные площадки. На одной из таких площадок, с видом на дворец Императора, и находилась студия программы «Грань»

Ани Тха, немолодая, но еще красивая женщина, встретила меня у самого лифта. Она удивленно оглядела нашу разношерстную компанию и произнесла:

- Аддахи говорил мне, что будет настоящий Ша Гранг.
- Может, я попробую его заменить? - вежливо спросил я.

Вместо ответа она вдруг пристально посмотрела мне в глаза, а затем перевела взгляд на сопровождающих. Что уж она там увидела - не знаю, но почему-то ойкнула и заторопилась.

- Сюда, пожалуйста.

Меня привели в гримерку, где быстро произвели какие-то манипуляции с лицом. Я хотел было отказаться, но вспомнил поговорку насчет чужого монастыря.

- Вы готовы? - пропел над ухом голос Ани Тха.
- К чему? - Я удивленно обернулся.
- Так, давайте быстро пройдемся по вопросам... - Ани держала в руках небольшую книжечку,

похожую на ресторанное меню.

- А вы готовы? - спросил я. - Давайте сюда свои вопросы.

Она подала мне список.

- Вы ведь, насколько я знаю, профессионал? - уточнил я.

Она кивнула.

- Тогда...

Я аккуратно разорвал список на мелкие клочки.

- Надеюсь, мы не разочаруем друг друга?

В ответ она покачала головой.

- Ну, тогда держитесь...

Зал, в который нас привели, был полон народа. Человек двести сидели в креслах, расположенных амфитеатром вокруг площадки.

Стоило нам появиться в студии, как зал взревел. Кто-то аплодировал, кто-то кричал чего-то гневное, но равнодушных не было.

Усиленный динамиками, зазвучал голос ведущей.

- Разрешите представить вам генерала Ша Гранга и его офицеров.

И снова крики и аплодисменты.

- Имя генерала Гранга известно многим, но в последнее время он стал необычайно популярен. В основном в связи с его деятельностью как командира дивизии особого назначения Императорских Военно-воздушных сил. Но, еще до войны, его имя было связано с многочисленными скандалами, потрясавшими светскую жизнь столицы. Скажите генерал, как случилось, что светский хлыщ стал боевым офицером?

Я улыбнулся.

- Во-первых, я хочу поблагодарить всех, кто пришел сегодня в студию, даже если они и не питают ко мне дружеских чувств. По опыту знаю, равнодушие - худшая форма отношения к человеку. А отвечая на вопрос, могу сказать следующее.

Когда не рвутся снаряды и в стране царит мир, одни из самых неудобных людей - боевые офицеры. Привыкшие или желающие жить так, чтобы кровь кипела в жилах, они часто совершают поступки, которые люди оценивают как странные или эпатажные. Если начинается война, они быстро находят свое место на передовой. А если нет, растрачивают силы в экстремальном туризме, диких поступках или любовных похождениях. Каждый офицер в душе авантюрист и экстремал. Хоть немного. Иначе очень трудно смириться с мыслью, что от смерти тебя отделяет тончайшая пленка, имя которой - Судьба.

- Но такой карьерный взлет... Кое-кто связывает его с именем Эрны Дарх.

- Можно быть паркетным генералом по протекции. Но командовать десятками тысяч человек в ситуации, когда от действий каждого зависит судьба страны? Не думаю, что Администрация и Император настолько недалёковидны.

- Ты убил тысячи человек, и после войны тебя будут судить как военного преступника!

Вскочивший с места низкорослый человечек потрясал маленьким кулачком, и, казалось, был сам готов броситься в драку.

Охрана быстро посадила его на место, но он еще кипятился некоторое время, выкрикивая что-то бессвязное.

- Можно ответить?

- Да, пожалуйста. - Ани была сама любезность.

- За время боевых действий нашей частью самостоятельно и при поддержке различных соединений, было уничтожено около сорока тысяч человек. Как правило, все они находились на территории нашей страны незаконно, с оружием, и не скрывали враждебных намерений.

Если кто еще не понял, то скажу. Убийство - это та работа, за которую солдату платят деньги. Это, если хотите, его основная цель.

И у любого общества нет иного выбора, как кормить эту банду профессиональных убийц под названием Армия. В противном случае общество будет кормить какую-то другую, скорее всего иноземную банду убийц. И эта иноземная банда будет совсем не так лояльна к мирному населению. Если у вас нет собственного сапожника, вы будете покупать обувь в другой стране. И кормить вы будете не своего работника, а чужого. Так же и с армией. Общество, не желающее иметь и кормить собственную армию, будет кормить чужую.

Но каждый солдат не просто убийца. Он вырос в этом обществе. У него есть друзья, братья, сестры, мама и папа. И в каждом гражданине своей страны он не может не видеть близких ему людей. У солдата чужой армии таких привязанностей нет. Поэтому любая мысль о том, что придет чужой дядя с автоматом и все заживут лучше прежнего, просто бред. В лучшем случае покоренную страну превратят в сырьевой придаток. А, выкачав все природные и людские ресурсы, просто выкинут на помойку.

Слово вновь взяла ведущая.

- Но при подавлении мятежа вы убивали граждан нашей страны.

- Я вижу в зале полицейского офицера.

Грузный мужчина в черной форме тяжело поднялся со своего места.

- Офицер, напомните присутствующим выдержку из полицейской инструкции. То место, где сказано о порядке действий в случае массовых противоправительственных выступлений с применением оружия.

- Огонь на поражение.

- Спасибо. - И видя, что он собирается сесть, я добавил: - Еще один вопрос. Сколько полицейских было убито в ходе мятежа?

- Около двухсот полицейских и порядка пятисот гражданских лиц, - хмуро произнес он.

По залу пробежала волна вздохов.

- Спасибо. - Я кивнул офицеру, и он сел. - Мы просто очистили город от банды маньяков. Говоря мы, я имею в виду не только себя и своих людей, но и честных полицейских, сотрудников Имперской безопасности и многих прочих, не позволивших этой мрази захлестнуть город и всю страну.

Ани выполнила свое обещание, и вопросы сыпались из нее, как из пулемета. Но в целом она скорее поддерживала меня, чем «топила». Давала закончить мысль и пресекала излишне крикливых. Впрочем, вопросы были иногда не очень приятные.

Но отдуваться за всех я не хотел.

- Ани, ты совсем забыла про других гостей своей студии.

Ответом мне был взгляд, полный непонимания.

- Разве девушки из эскорт-агентства...

Уже видя, как гневно вспыхнули глаза девушек, я прервал ее во избежание членовредительства.

- Это не так. Позвольте представить вам капитана Асгу, командира роты. - Бешеная встала и изобразила вежливый поклон. - Командира взвода лейтенанта Т'Мири, полковника Доратха, лейтенанта Лиро Ди, сержантов Ди Гиса и Эли Намши.

- Но девушки не в форме, и я подумала... - проблеяла телезвезда.

- Девушки в отличной форме, - мягко не согласился я. - И выглядят так, как надо. А мундир... Его они еще натаскаются.

Надо отдать ей должное, в коматозном состоянии Ани Тха пребывала лишь несколько секунд.

- Капитан Асга...

- Просто Асга. - Девушка очаровательно улыбнулась и поудобнее устроилась в кресле.

- Вам не трудно жить в окружении мужчин? Такая толпа самцов...

- Они не самцы, Ани. - Асга оглянулась вокруг. - Они мужчины. И самое трудное, это не жить среди них, а через день хоронить боевых товарищей.

- Доратх? - Ани улыбнулась. - Можно я буду вас называть по именам.

- Конечно, Ани. - Доратх был сама любезность.

- Генерал младше по возрасту очень многих из вас. Скажи, легко подчиняться совсем еще молодому человеку?

Доратх улыбнулся.

- Генерал на моих глазах порвал в клочья шестерых бойцов, которые были в состоянии уничтожить весь наш полк, не оказавшись он на их пути. Поверьте, Ани, если бы возраст на войне хоть чего-нибудь значил, в армии воевали бы одни глубокие старики. Он просто лучший из всех, кого я знаю. Единственное подразделение, где в бой ходит без исключения весь списочный состав – это наша дивизия. Даже специалисты связи и повара. До него никому и в голову не могло прийти, что это цементирует подразделение лучше любого устава.

Он может заменить почти любого военнослужащего нашей дивизии, кем бы он ни был. Если генерал чего-то не знает, то просто спрашивает, а не надувает щеки.

- А легко охранять такого человека? – не сдавалась ведущая.

В ответ раздался дружный смех.

- Да не надо это ему, – отсмеявшись, произнес Доратх. – Он просто идет вперед и с радостью принимает всех тех, кто идет рядом.

Переключившись на моих соратников, ведущая дала мне возможность перевести дух, а их в свою очередь попотеть, выдерживая атаки зала и звонивших в студию людей.

Постепенно список официальных и неофициальных мероприятий этого бурного дня и не менее бурного вечера подошел к концу. Ночь трех лун вступала в свои права, а Эллар Кимон все не появлялась. Меня это уже начинало немного беспокоить. Нельзя, чтобы такая лиса бродила ночью по деревне...

После парада почти всей толпой, за исключением отпущенных по домам, мы завалились ко мне во дворец.

Ребята и девочки всю веселились, изображая вечеринку по поводу праздника, и распивали древние напитки из богатого винного погреба. Они как раз затеяли танцы, когда автоматика, среагировав на появление постороннего в охранном периметре, вырубил в доме свет. Заинструктированные до умопомрачения солдаты и офицеры в мгновение ока рассосались по углам, словно захваченные врасплох тараканы. Я не хотел, чтобы мне мешали.

Неясная тень скользнула от окна к центру комнаты. Разделенные на сегменты движения плавно, словно ртуть, перетекали одно в другое. Не очень быстро, но точно. Я хорошо знал, что скрывается за такими вот медленными движениями. Очень хотелось попробовать на зуб такого бойца, но война – не олимпийские игры. В руку кольнул предупреждающий сигнал, и я крепко зажмурил глаза от ослепительной вспышки, залившей все вокруг. Даже через плотно сжатые веки я увидел кровавое марево огня. Ноль пять секунды. Я открыл глаза. Мой оппонент продолжал двигаться так, словно ничего не произошло. Но это был блеф. Он был ослеплен. Надолго. Остались слух, обоняние и тактильная чувствительность. Ничего, сейчас их не будет тоже. Мягкий, рокочущий звук барабанов рагора из мощных динамиков заполнил комнату, а за мгновение до этого система вентиляции дома залила его удушающим ароматом тропических цветов. Скользящий змеиный укол «драконьего жала» мог бы подарить ей легкую смерть, но в последнее время мне очень надоело убивать. И палец сместился на сантиметр ниже.

По моей команде вспыхнул свет. Заранее заготовленные наручники, а точнее, целая система кандалов из сверхпрочного и очень упругого сплава опутала ее серебристым коконом металлических полос.

Я сдернул капюшон, скрывавший ее лицо, и увидел то, что и ожидал увидеть. Элар Кимон собственной персоной.

Негромким голосом я отдал распоряжения.

- Кхорданг! Эту птичку отвези Ша Рохару, и поосторожнее с ней. Если что, просто убей. Это приказ. Твоя жизнь намного дороже, чем то, что может знать эта маленькая злючка. Остальным отпуск - пять суток. Все, кто хотят, могут остаться в моем доме. Доратх, будь с ребятами к этому сроку у Храма. Хорошо?

Увидев удивление в глазах своих друзей, я остановился.

- Что-нибудь не так?

- Ты что, собираешься отдаться этим бешеным девчонкам из Храма?

- Не бойсь! - улыбнулся я. - Мы же «Стражи Неба». Отступить нельзя.

- Да? Это тебе не «танцоров» класть.

Я улыбнулся еще шире.

- Прорвемся. Тахор! - окликнул я своего пилота. - Поехали.

В чем-то ребята были, конечно, правы. Эти пять дней я не забуду и на смертном одре. Краткие передышки в виде нашего совместного путешествия по самым фешенебельным магазинам столицы были полностью перечеркнуты той формой, в которую претворилась благодарность моих новых жен за подаренные безделушки.

Через пять суток я стоял на взлетной площадке позади храма, и сердце мое было полно нежности и любви к этим женщинам, которые подарили мне целый океан любви.

Девочки стояли здесь же. Уже был слышен свист турбин «Камарга», резавших прозрачный утренний воздух, когда из плотной группы вышла Захон Или.

- Повелитель, мы знаем, что никогда больше не увидим тебя.

Я хотел было ее прервать, но она властным жестом остановила меня.

- Помни только, здесь твой дом.

- Захон! Здесь не только мой дом. Здесь остается мое сердце.

С этими словами я нырнул в чрево вертолета и, перекрывая визг турбин, крикнул пилоту срывающимся голосом:

- Пошел!

Я не смотрел вниз, однако воображение не хуже зрения рисовало удаляющееся облако крепко взявшихся за руки девочек. Моих жен.

Тем временем война шла своим чередом. Новый ее вариант, предложенный нами арлингам и

гатрийским наемникам, нравился последним все меньше и меньше. За моей шкурой действительно шла настоящая охота. Но после «танцующих» все это было не так, чтобы очень. Можно сказать, мелочи жизни. Зато они не давали расслабляться охранным постам.

После небольшой перегруппировки моя дивизия приобрела несколько другие очертания и задачи. Десять отдельных, оперативно и хозяйственно независимых полков перекрывали всю ширину фронта от океана до океана. Разведка теперь занималась только агентурно-оперативной работой по дальним тылам. Вся же прифронтовая полоса перешла целиком и полностью в наше ведение. Мои ребята спали по пять-шесть часов в сутки, проводя больше времени на территории, оккупированной арлингами, чем на своих базах. Утешало только то, что в результате бесконечных рейдов арлинги вообще перестали спать. Теперь командиры экспедиционного корпуса передвигались не иначе, как в сопровождении плотной охраны, что, впрочем, не спасало их от нападений.

Новая форма организации поначалу требовала массу времени и сил, которых катастрофически не хватало. Но когда все наладилось, я даже урывал время, чтобы пробежаться за линией фронта.

Всем уже стало ясно, что арлинги войну проиграли. Проиграли, несмотря на помощь межзвездных наемников и все их хваленое превосходство в организации.

Мы уже почти прижали врага к береговой линии. Оставалась не занятой нами лишь узкая полоса, шириной в несколько сот и длиной, примерно, в полторы тысячи километров. Наша авиация и флот практически полностью отрезали их от возможностей снабжения и эвакуации, и понемногу готовили десантную операцию на Арлинг Аа.

Бывая по службе и просто в гостях у моряков, я мог видеть и сам остров, возвышавшийся гористой тушей над вечно туманным полярным Южным морем, и таинственные сполохи радужного света в небе над ним. По заявлению наблюдателей, они стали чаще. Несмотря на выявленную в прошлом зависимость между вспышками в небе и активизацией на фронтах, никаких новых операций арлинги не предпринимали. Это могло означать две вещи: гатрийцы или готовились к решительной контратаке, или проводили эвакуацию, бросая своих друзей-арлингов на растерзание. В отсутствие стратегических разведанных я активизировал глубокую разведку, но пока все было очень туманно. Приходилось принимать меры, исходя из возможности обоих вариантов.

Как раз в это время несколько выжидавших до поры стран образовали коалицию с целью «помочь» нам в окончании войны. Но они немного опоздали. Сейчас, когда наша армия могла, если б на то была воля Императора, установить любую, даже самую жестокую диктатуру на всей планете, они предлагали нам свои партизанские дружины за долю в пироге. Слава богам, что Император был весьма миролюбив. Но это не помешало ему «послать» новоявленных помощников весьма далеко.

Поскольку моя дивизия играла чрезвычайно активную роль в этом конфликте, я не мог допустить, чтобы какие-то случайности повлияли на ход дальнейших событий. Плохо представляя себе возможности галактической цивилизации, я, однако, предполагал, что, взявшись за устранение одного человека, они имеют все шансы на успех. Даже если этот человек я сам. Не имея возможности отследить или как-то предотвратить все это, я сделал так, чтобы и без меня дивизия осталась боеспособной и активной. Все решения, которые я раньше принимал лично, теперь принимались в широком кругу старших офицеров, с подробными

объяснениями «почему» и «как». С разрешения Императора был назначен мой преемник и его заместители. Ими стали мои верные соратники Ша Ирх, Иг Саро и Ша Кхорданг.

Разумеется, я не сказал им о своих подозрениях и предпринятых шагах, хотя и так все было ясно.

Но это не означало, что я собирался отсиживаться в темном углу. Тщательно и с соблюдением всех доступных мне способов соблюдения секретности, я стал готовить свой очередной рейд.

Как мне тогда казалось, мне пришла в голову очередная удачная мысль.

Центр связи всего экспедиционного корпуса располагался на небольшом островке среди прибрежного болота. То есть дорог никаких. В болоте – полным-полно всяких гадов и маленькая, но очень красивая змейка со специфическим ядом с труднопроизносимым названием в полем зубе. Если короче, единственная дорога туда – вертолетом. Разумеется, повсюду торчали всякие опознаватели «свой-чужой», радары, холл-сканеры, ракетные установки и прочая ерунда. Не очень удобное место, но, как известно, не всегда самый быстрый путь – лучший. Напуганные размахом наших диверсионных операций, арлингги таким образом решили избавиться от незваных визитеров. Но я все-таки решил попробовать. Вся трудность заключалась в том, что я планировал не только войти, но и выйти.

Пока я размечал наименее самоубийственный маршрут, в палатку вошел дежурный офицер, отдал честь и молча положил на стол листок с набором бессмысленных с виду букв.

Судя по всему, срочно. Только от кого? Неужели Рохару удалось расколоть Элар Кимон на что-то интересенькое? Вряд ли, но чего в жизни не бывает. Насчет ее судьбы у меня не было никаких сомнений. Раньше или позже от пыток у нее откажет мозг, и она попадет на поля Дисны. В этом смысле учреждение Рохара могло выдавать билеты туда уже на входе. Это всего лишь вопрос времени.

Что ж, почитаем депешу. Тройное перекрестное кодирование длинными ключами – это от врагов. А то, что в итоге получается вот такая абракадабра – это уже от друзей.

Пара популярных в среде армейских офицеров книг, раскрытых на нужных страницах, полчаса работы, и окончательный текст лежит предо мной.

«Молча. Бегом. Ко мне. Ша Дарх».

Я восхищенно смотрел на пламя, превращавшее шифровку в дым. Какой стиль! Какое чувство ритма! словно сквозь время ко мне прорвался раненый адъютант, выплевывая вместе с пылью и кровью слова королевского приказа.

Ладно, завидовать потом будем.

- Лиро!

Тут же на мой зов из воздуха материализовался ординарец.

- Командир?

- Мой «Камарг», малую окку охраны. Генерала Ирха. Быстро.

Ординарец тут же умчался. Зная его расторопность, я стал быстро собираться.

Не прошло и десяти минут, как я услышал гул «Камарга», приземлившегося прямо на штабную площадку. Тут же, поправляя на ходу форму, ворвался Ша Ирх.

- Ирх! - сказал я, глядя ему в глаза. - Принимай лавочку. Меня срочно вызывают в центральный штаб. Что делать, знаешь. - Мы вышли из палатки в сумрачное утро. Он кивнул.

- Ты надолго?

Я развел руками.

- Ну откуда я знаю? Все, давай.

- Счастливо.

Винтокрыл ухнул всеми четырьмя турбинами, и земля вместе с желудком резко провалилась вниз.

Весь перелет, занявший около пяти часов, прошел исключительно спокойно. Может быть потому, что шли мы на предельно низкой высоте, поднявшись вверх только перед входом в воздушное пространство столицы. Чтобы свои не сбили. Вообще в последнее время я заметил, что стал переходить в состояние полной готовности все чаще и чаще. Словно вокруг меня сжимались стены пока еще неведомой ловушки. Поймав себя на этой мысли, я понимал, что не арлингги, и вообще не война тому виной. Просто обостренное чувство опасности, не раз выручавшее меня из самых гадких передрыг, и в этот раз подсказывало мне лучше всякого барометра, что меня ведут. А такая дорога не бывает длинной. Вся моя одежда на такой вот случай была просто напичкана простыми и не очень приспособлениями, такими, которые мало весят, но вполне пригодны для убиения себе подобных.

Диспетчер воздушного потока посадил нас на одном из резервных аэродромов, окружавших столицу. Пока мы выгружались, из небольшого барака на краю летного поля навстречу нам вышла небольшая, примерно в шесть человек, группа в стандартной форме военной полиции. Уверенно и неспешно, словно выполняя самую что ни на есть рутинную работу, они подошли к нам. Среди них выделялся высокий седовласый мужчина в черном хатти, величаво несший в руках небольшую коробочку. Маленькую такую коробочку или шкатулочку. Тогда я подумал, что это очередные императорские штучки.

Я уже приготовился вкушать очередную награду, когда этот козел нажал чего-то там сбоку. И все... Последнее, что я помню, это ощущение дикого холода, пронзившего все тело, и раскаленного стержня, в который превратился мой позвоночник.

Пробуждение было жутким. Словно тысячи игл одновременно буравили мое тело. Я извивался, как червяк, пытаюсь сбросить путы парализовавшей мое тело боли, пока тягучая, словно патока, одурь не спихнула меня обратно в беспомощность.

В следующий раз я очнулся от боли в глазах. Я недовольно отвернулся, и от этого движения пришел в себя окончательно.

Связанный с головы до ног какими-то толстыми и исключительно прочными путами, я был втиснут в узкое кресло, находившееся в небольшом полутемном, как мне тогда показалось, помещении. Несколько кресел, таких же, как мое, панель управления чем-то и большие мерцающие экраны, расположенные полукругом перед креслами.

Постепенно изображение и звук прояснились, и я сначала услышал, а потом увидел троих людей, обступивших меня со всех сторон.

- Алахор кинати роо?

- Кини.

- Эхас аато, - обращался ко мне один из них с утвердительно-вопросительной интонацией. - И уже остальным: - Иихон ассас!

Я не стал даже пытаться ему ответить. Вместо этого я пристально рассматривал его полное бледное лицо, чтобы потом не забыть ненароком. Другой, который находился левее и в стороне, костистой и угловатой фигурой напоминавший богомола, что-то тихо просипел и подошел к одной из стен. Проведя над ней рукой, он заставил часть ее раскрыться, как створки шкафа.

Забравшись почти по пояс в его утробу, он что-то долго искал, а найдя, вынырнул наружу с ярко-синей коробочкой, сверкавшей металлическими гранями.

Обстановка в комнате сразу накалилась. Они кричали друг на друга, размахивали руками, только что в драку не кинулись. Пока они орали, я наконец-то сумел разглядеть и третьего, выскочившего на сцену прямо предо мной.

Несмотря на низкий рост, он, пожалуй, был не менее колоритен, чем его приятели. Круглый, почти бесформенный, он двигался с грациозностью льва. Его шаг и походкой-то назвать было нельзя. Он словно стелился над полом. Причем, что удивительно, одежда его, мешковатая и по виду похожая скорее на лохмотья нищего, при ходьбе беззвучно струилась вокруг, размывая очертания фигуры. Голова с крупными чертами лица отличалась плотным, почти крестьянским загаром. При этом ни волос, ни бровей не было, словно голову прокалили в тигле.

Толстый, как я его сразу окрестил, что-то коротко сказал, и сразу все стихло. Смешно раскачивая широко расставленными локтями, долговязый подошел ко мне и, выкатив из коробки шайбочку размером с ноготь большого пальца, стал совать ее мне под нос.

Я не сразу сообразил, что это таблетка, которую мне предлагают съесть.

Если бы меня хотели прикончить, то наверняка выбрали бы какой-нибудь другой способ. Ну, например, пристрелили бы, а для допросных препаратов всегда найдется шприц. Я уже внутренне почти согласился ее проглотить, когда толстяк, видимо, не дождавшись согласия, точным ударом ладонью распахнул мою челюсть, и таблетка упала в рот.

Я успел только подумать, что, пожалуй, нужно выплюнуть ее к черту, как она распалась во рту, оставив горьковатый привкус и пустую оболочку, которую я не преминул сплюнуть, метаясь в противную рожу толстяка.

Но, увы, толстяк ловко увернулся от плевка.

Зато я попал в того, с лошадиной мордой, и он долго оттирался и что-то злобно шипел, поглядывая в мою сторону. Ну, и это сойдет. Я ответил ему самым кротким взглядом, на какой был способен.

Все они чего-то ждали, вполголоса переговариваясь и поглядывая в мою сторону. Ждал и я, ибо, по моим представлениям, уходить было еще рано. Веревки оказались на редкость

прочными.

Постепенно что-то начало меняться. Выглядело это презабавно.

Длинный, ну тот, похожий на богомола, разговаривал с толстым, булькая при этом, как кипящий чайник.

- Аххаси исонга уйдет, будешь калх инони толстый гана. - Тот отмахнулся ладонью.

- Тинас, если сделает шаг, будет канхи воас.

- Ладно, сейчас каинони ваасон подействует и поговорим. Только не ино гасае, я тебя знаю.

- Ты забыл, что этот винно иссаи сделал с моими лучшими людьми? Будь моя воля, порвал бы гана иннос в клочья.

Тут он обернулся в мою сторону и по моему осмысленному взгляду понял, что я слушаю, о чем они говорят.

В несколько шагов он оказался рядом с моим лицом и, глядя глубоко посаженными узкими глазами в мои глаза, произнес, четко выговаривая каждое слово:

- Будешь отвечать на вопросы. Если ответишь честно, убью легко. Солжешь - умрешь медленно. Первый вопрос. Где твой корабль?

Как ни странно, я его понял. Они думали, наверное, что я тоже из какой-то хреновой галактической цивилизации, а здесь делаю работу, противоположную их задачам.

Так же четко, с трудом проговаривая слова в одночасье ставшего мне понятным языка, я сказал то, что было абсолютной правдой.

- Корабля нет.

- Нет? - Он недоверчиво покосился на меня. - Ушел?

- Нет, - подтвердил я. - Никогда не было.

- Хаирон касор ворота? - спросил он.

Смысл его вопроса всплыл секундой позже. «Проскочил в пространственный проход?»

Я пожал плечами.

- Наверное, так.

- Наверное - как?

- Не знаю.

- Знаешь. Скажешь.

- Таблетка каинони ваасон, формулу знаешь? Как действует, знаешь?

Он оторопел от моей наглости.

- Ну, примерно знаю.

- А я не знаю. Совсем, - отрезал я.

Он не сдавался.

- Второй вопрос. Кто послал?

- Никто.

С легкой полуулыбкой, словно поймав меня на шалости, он произнес: «Обманул. Будет больно». - А потом легко опустил ладонь мне на грудь. Боль вспыхнула испепеляющим жаром, и почти мгновенно тело отключило все нервные окончания пораженного участка.

Я не стал, подобно книжным героям, с улыбкой смотреть в глаза своему мучителю. Вместо этого я с расширенными зрачками бился с криком в своих путах, имитируя болевую агонию и заодно пробуя на прочность веревки, которыми был связан.

Надо отдать должное, и я, и веревки оказались на высоте. Путь не порвались и даже не ослабли, на что я втайне надеялся. Зато лысый мне, очевидно, поверил, потому что с упрямством носорога продолжал задавать свои дурацкие вопросы, перемежая их с болевым воздействием, пока не одурел от моего крика. После короткого совещания они решили оставить меня на потом, упоминая какого-то Хениасина Римоса. «Уж он-то из тебя все выбьет», - пообещал мне с мрачной улыбкой богомол.

Я не спорил. Я думал. Пока я пытался замерить глубину жопы, в которой оказался, меня перетащили в крохотную каютку, а точнее, судя по пустым стеллажам, бывший склад и, бросив на пол вроде мешка с навозом, удалились восвояси, заперев за собой дверь на жутко скрипучую задвижку.

После ухода хозяев я немедленно перевернулся на спину и стал осматривать свои апартаменты. Так, камер, похоже, нет. Датчиков тоже не видать. На двери, скорее всего, есть, но эта головная боль подождет. Сейчас главная проблема - веревочки.

Эти уроды меня, конечно, обыскали, но не раздели. А вот это очень-очень большая ошибка.

Лежа на боку, я выгнулся назад, пытаюсь подтянуть ноги к спине. Потом пальцами нащупал подошву сапог и маленькую проволочку, торчащую из подошвы. Потянув за нее, я стал обладателем небольшой полоски остро заточенной стали. Называть эту штучку стилетом я бы не стал, но за неимением гербовой...

Мой ножичек сделал то, что не смогли сделать мои руки минут за тридцать. И вовсе не потому, что был таким острым. А скорее потому, что на обратной его стороне была алмазная пила. Веревка, которой я был опутан, сопротивлялась с упорством банковского сейфа. Скрипела, щелкала и вообще всячески выражала свое недовольство.

Наверное, это выглядело очень смешно. Изогнувшийся в немыслимой позе, зажав один конец ножа между каблучков своих сапог, а вторым уперевшись в стену, я извивался, словно червяк на крючке, елозя путами по пиле. Освободившись от веревки, я с удовольствием разогнулся и стал растирать свои руки и ноги. Если я не ошибаюсь, они мне очень скоро понадобятся.

Веревка, которой я был связан, как оружие уже почти не годилась. А вот шов моих

генеральских штанов, а точнее – каррихитовая проволочка внутри него – самое оно, плюс две пуговицы. Полтонны на разрыв. Я потянул брючины в стороны, и с удовольствием услышал, как зазвучала натянутая струна. Для кого-то эта музыка будет похоронным маршем.

Первый мой клиент, тяжело ступая, уже шел по коридору, а я все слушал, как затихает звук струны. Судя по шагам, он был один. Взвизгнул засов, дверь распахнулась, и через дверной проем ввалился незнакомый мне огромный мужик с каким-то барахлом на подносе. Он успел сделать лишь один шаг, как тонкая змейка обвила его шею. Мужчину было действительно силен и очень быстр. Он даже успел схватить меня за руки. Но я нажал сильнее, и голова его, отрезанная от туловища, полетела в одну сторону, а я отскочил в другую, пытаясь не попасть под пульсирующий поток хлынувшей крови.

Несколько секунд на осмотр его вещей мне дали маленький, но очень удобный пистолетик, а точнее, одноручный фиксатор для излучателя и несколько непонятных предметов, которые я быстро рассовал по карманам. Самый главный девайс, лежащий на опрокинутом подносе, был ничем иным, как инъектором неизвестной мне конструкции. Все его причиндалы: иглы, баночка с какой-то жидкостью и пачка разноцветных ампул лежали рядом. Ладно, все потом. Да и карточка с забавными иероглифами не сразу, а как бы через паузу сложилась в осмысленные буквы «Хениасин Римос – корабельный врач». А... Да-да. Штатный палач.

Что ж, господин Римос. Вы получили ответ на главный вопрос.

* * *

Наполненный тихим, басовитым гулом коридор, неярко освещенный редкими плафонами, уходил от моей двери влево и вправо вперед. Шум раздавался именно с левой стороны. Подумав секунду, я направился в правый, полагая, что двигатель и рубка этого пока неизвестного мне корабля должны находиться в разных местах.

Не успел я пройти и десяти шагов, как из бокового ответвления коридора на меня выскочил еще один человек. Он только успел раскрыть рот, как его шея превратилась в кашу. Убирать тело я не стал. Черт с ними, все равно мой побег, наверное, перестанет быть секретом уже очень скоро. А раз так, тратить драгоценные секунды на заметание следов глупо.

Быстрым шагом я пошел вперед, убивая всех, кто попадался на пути, пока не ворвался в рубку. Там было пусто, если не считать колобка, пытавшего меня. Надо отдать должное, он не удивился, не разозлился, только глаза его раскрылись, словно створки дота перед боем.

Мягко, по-кошачьи, он выпрыгнул из кресла, сделав какое-то немыслимое сальто в воздухе, перевернулся и встал в защитную стойку. Да, красиво, ничего не скажешь. Но от эффектности до эффективности не один шаг.

Уомм рам хам мало хортанг чейпа...

Ставший вдруг нестерпимо ярким свет рисовал наши зыбкие тени в самом древнем танце. Танце войны. От его дыхания, мощного и ровного, словно дуновение урагана, колебались стены и вибрировал пол. Сила и мощь в вечном поединке со скоростью и точностью.

Махакала гью генпо цог...

Страшной, сокрушительной силой он обрушился на меня. И, наверное, ему показалось, что он победил – улыбка раздвинула его плотно сжатые губы. И поздно, слишком поздно понял он свою ошибку. Попадись в мою защиту, как в капкан, он уже не мог и не успел бы ничего

сделать, даже если бы был богом.

Экадзати маммо нам...

Руки мои – крылья дракона лишь подправили его движение, превратив его из убийцы в самоубийцу.

И только груды изломанных костей и кровавого мяса там, где был крепкий и здоровый мужчина.

Теперь, когда моя жажда крови была утолена, мне оставалось утолить жажду знаний. Для этого я выбрал «богомол». Вопрос лишь в том, где он. И тут мне повезло. Прямо на меня выскочил субтильного вида человечек, явно мечтающий только об одном: затеряться и исчезнуть с этого «Летучего голландца». Навсегда!!!

Я схватил его за шиворот и немного приподнял над полом. Потом, подбирая слова чужого языка, произнес:

- Длинный, с узкой мордой. Где?

Человечек бился в руках, как рыба на крючке, с ужасом глядя на меня. Для общего поднятия тонуса я несколько раз приложил его к стене и в результате добился-таки членораздельного ответа на вопрос.

Придерживая человечка за шиворот, я пустил его вперед, как собаку, и через несколько минут он привел меня в узкий коридор, плавно изгибавшийся вправо.

- Д-дальше нельзя, – сказал он, стуча зубами от страха.

- Почему? – строго, как школьный учитель, спросил я.

Кивком он показал на большой ярко-красный знак, начертанный прямо перед входом в коридор.

«Стой, стреляю», – машинально перевел я. То есть написанное звучало, конечно же, по-другому, но это был самый точный аналог.

- Механические стражи?

- Нет... Тени.

- Что «тени»?

- Не что, – поправил он меня. – Кто.

- Кто тени? – не сдавался я.

- Тени – Смерть... – Так тихо, что я едва его услышал, произнес он. Черт. Он был мне симпатичен, этот маленький человек. И я вовсе не хотел его убивать.

- Ты кто? – спросил я.

- Ил Ладор.

- Илладор?
- Нет, - поправил он меня. - Ил Ладор.
- Ил Ладор - кто?
- Я, - недоуменно воззрился на меня он.
- Нет, - терпеливо переспросил я. - Что делаешь? Чем занят?
- Механик-инженер.

Инженер это хорошо...

- Слушай, Ил Ладор. Я пойду туда. А ты спрячься подальше. Потом приходи в рубку управления. Я тоже приду туда. - И чтобы он не сомневался, добавил: - Остальные умрут. Ты - будешь жить.

- Нет. - Он покачал головой. - Ты тоже умрешь. Тень тебя убьет.

«Ну, уж хрен» - ответил я про себя. А вслух неожиданно для себя произнес:

- Тень против света - пыль против ветра. Иди. Мне пора.

Я легонько подтолкнул его и отвернулся, глядя в коридор.

Полусвет-полутьма —
Не граница, не ложь,
Смерть - обман, жизнь - тюрьма,
Только в тень не войдешь...

Этот нехитрый стишок написал мой товарищ по той прошедшей и ушедшей в никуда жизни. Там, являясь элитой из элит армейской разведки, мы тоже называли себя Тенями.

«Тени, говоришь, ну-ну. Посмотрим, какие они тени...»

Не являясь самостоятельным аспектом Искусства войны, Тень позволяла достичь очень тонких нюансов при использовании Главного атрибута.

Собрав всю Силу и Энергию в тонкое, как кисея, облако, я шагнул сквозь него в Тень.

Как всегда, при переходе в один из боевых режимов, первым поплыл цвет. Не сразу, но полностью все обесцветилось почти до черно-белых тонов. Но взамен появились невидимые ранее бесконечные оттенки серого. Так видит мир обыкновенная кошка, расплачиваясь плохим восприятием цвета за совершенное ночное зрение.

Потом поплыл звук и тактильная чувствительность. Ничего особенного, просто они сливались в одно целое со зрением.

Морщась от ярких вспышек, я потихоньку стянул с себя куртку и майку, оставшись голым по пояс. Сразу стало легче.

Ладно, попрыгали. Внешне лениво, а на самом деле очень тихо, я толчками продвигался по

длинному дугообразному коридору. Постепенно коридор стал шире и выше. Кожным зрением я уже видел две кляксы, висящие на потолке коридора.

Я сделал вид, будто что-то почувствовал, и внимательно посмотрел вверх, с удовольствием отметив, как кляксы замерли. Потом пошел дальше. Нога еще двигалась вперед в поиске опоры, когда тени зашевелились. Что-то огромное и страшное надвигалось на меня сзади с невозможной для человека скоростью, понуждая броситься вперед, не разбирая дороги, или повернуться к этому лицом.

Вместо этого я сделал шаг, резко вогнал кулак в едва различимое темное облако, и тут же развернулся с уходом вниз.

То, что было сзади, правильно оценило ситуацию, кинувшись вперед, когда мое движение еще не было завершено.

Я не стал блокировать его атаку, а просто упал вниз, подкатившись под заваливающегося в пустой удар противника, одновременно сделал захват одной из его конечностей, и рубанул снизу, распоров его тело на двадцать сантиметров.

Нехотя, по капле, тень покидала меня, пока я стоял перед массивной дверью, ведущей в апартаменты «богомолы», и рассматривал то, что собиралось меня убить. Даже не роботы, а какие-то странные животные. Правда, все, что я знал о биологии, категорически протестовало против того, чтобы назвать этих тварей Божьими. Хотя кто знает, какие тут у них боги...

Потом, не мудрствуя лукаво, я вытащил из кармана штанов излучатель и вырезал замок вместе с дверью и куском стены. Видимо, заблокированные каким-то образом петли или какой-то засов еще немного посопротивлялись, потом жалобно крикнули, и дверь рухнула в проем тяжелой грудой металлолома.

Большой ярко освещенный зал с высоким потолком был полон ковров, драпировок и напоминал будуар куртизанки. Я оглянулся, высматривая длинного, и увидел его. Он задумчиво сидел в монументальном кресле у низкого столика затейливой формы. Он, наверное, был так занят своей головоломкой, что не обратил внимания на такой пустяк, как вывороченная из петель бронированная дверь.

Глядя на него, я представил себе, как это лощеное насекомое будет биться от болевых спазмов, умоляя меня только об одном – убить его как можно скорее. Искусство пытки не было моей сильной стороной, но это не значит, что я был совсем профаном. Если надо, я могу заставить человека умирать месяцами, и при этом любить меня, своего палача, самой трепетной и сильной любовью, на которую он вообще способен.

«О мой Ромео, посмотри, какой чудесный хлыст...»

Наверное, я очень ярко себе это представил, потому что эта козья морда соизволила сделать вид, будто наконец-то меня заметила. Прекрасно, браво брависсимо... Только вот почему-то мизинчик у вас дрожит так мелко, да и дышите вы слишком глубоко и размеренно. Не иначе, как считаете. Раз два три вдох, раз два три выдох. У нас в разведшколе за такое спокойствие прогоняли по «черному» полигону. Интересно, с чего он начнет, с фразы вроде: «Что-то ты долго сегодня?» или «Проходи, садись, будь как дома?»

- Ты не играешь в кро? - спросил он.

«Ну, во всяком случае, свой вариант».

- Нет, я играю только в те игры, правила которых мне известны, - ответил я.
- Садись, я научу тебя.
- У нас есть время? - спросил я, подходя к нему.
- Время всегда есть.

Я присел на крохотную табуретку напротив, а он начал объяснять мне значение и принцип передвижения фигур по диагонально-двухцветному полю. Старая как мир, игровая версия поля боя. Король, или если хотите, штаб, стратегические ударные силы, тяжелая артиллерия, десант, пехота и кое-что еще, отличавшее эту игру от знакомых мне шахмат - некий аналог саперных частей, умевших устанавливать «мины».

Мозги с трудом повернулись в давно забытом направлении, и через двадцать ходов моя пехота под прикрытием тяжелой артиллерии и при участии отвлекающего маневра десанта взяла в клещи вражеского короля. Все. Дальше только агония. Партия!

- М-да... Мне почему-то казалось, ты будешь действовать исключительно мобильной пехотой, - проговорил «богомол».
- У меня широкий кругозор. Может, поиграем теперь в мою игру?
- Как называется твоя игра? - Он насмешливо поднял брови.
- Очень просто: «Вопросы и ответы». Я задаю вопросы, ты даешь на них ответы. Если я решу, что ты лжешь, то ты недолго, но очень интенсивно об этом пожалеешь. Понятно?

Он криво усмехнулся.

- Понятно...
- Отлично. - Я на секунду задумался. - Кто такие истандийцы?

Он сложил руки на груди и смерил меня длинным взглядом.

- «И стан» на варусе означает торговый форпост.
- Что такое варус?
- Торговый язык Империи, его еще называют Ингал-второй.
- Существуют другие языки?
- Конечно! - У него вновь приподнялись брови. - Ингал-первый уже почти не используется. Ингал-третий называют дипломатическим. И ставший фактически основным языком для военных - гатрийский. Всего в таблетке было шесть языков.
- А мы на каком разговариваем?
- Ты, наверное, не поверишь, если я тебе скажу, что на дворцовом диалекте Ингал-1...
- Почему тогда здесь все понимают дворцовый язык? Что-то не похожи они на дворян.

Он вздохнул.

- Вообще-то это преступление, обучать народ дворцовому языку. Но... - Взмахнул своими клешнями «богомол» - Это моя личная яхта.

- Яхта... - Я пожевал это слово губами.

На своем веку я перевидал много яхт. Это были и парусники, и плавучие дворцы нуворишей. Но, судя по всему, это транспортное средство не было ни тем, ни другим. Поэтому я уточнил то, что и так было понятно.

- Космический корабль?

- Ну да. - Он как-то странно посмотрел на меня. - Ты употребил странный эвфемизм. У нас говорят «ваикооси».

- Твоя таблетка не дает глубокого знания языка.

- А-аа. Это, кстати, секретная разработка нашего клана. Таких таблеток нет даже у Императора.

- И большой у вас клан?

- Четыре планетных системы.

- Это много?

Он поморщился.

- Да нет. Средне.

- Что, кстати, есть у тебя в таблетках, кроме языка?

Я так плотно фиксировал его психомоторику, что вся гамма его чувств, от растерянности до страха, промелькнула предо мной, как кадры учебного фильма.

С отчаянием обреченного он кинулся вперед, как танк на пушку.

Пушка выстрелила первой.

Пока он снова учился дышать, я осматривал апартаменты.

Что же такого было в его коробочке, за что он был готов умереть? Ладно, потом выясним.

- Отдышался? - ласково, как любящая мама, спросил я его. Дождавшись ответного нечленораздельного мычания и кивка головой, я жизнерадостно произнес:

- Продолжим! - и, увидев, как испуганно округлились его глаза, пообещал: - Свои таблетки можешь оставить себе.

Похоже, в обмен на них он готов был выложить все. И выложил... Оказалось, затеял эту войну некий клан, заинтересованный в получении тяжелых и редкоземельных металлов для своих целей мимо общеимперской системы поставок. До одури простая схема. Как бы естественным путем одно государство захватывает ресурсы другого. Дикари, сударь... Торговый форпост

получает дулю в нафталине, а мы в это время качаем металлы налево.

Все было замечательно, пока в эту драчку не ворвался я, уничтожив для начала командующего гатрийскими наемниками, которому клан гарантировал полную безопасность. Соответственно, несмотря на обещание утроенных гонораров, гатрийские наемники потихоньку линияли с планеты. Оставались лишь те, кому терять было совсем нечего.

Главный штаб экспедиционных войск готовил массовую воздушную операцию с целью уничтожить основные войсковые формирования, в число которых входила и моя дивизия.

Я не стал его огорчать, рассказывая, какой глубины окоп отроет мой солдат за то время, пока падает бомба. Вслух лишь предположил, что это будет непростой задачей.

- Скажи, - спросил я его. - Авиатехника к вам уже поступила?

- Не вся, - ответил он нехотя.

- Что за машины?

- Гатрийские, «Черный Посланник».

- Сколько?

- Десять машин.

- На такой широкий фронт? - не удержался я от сарказма. Он снисходительно посмотрел на меня.

- Это же «Черный Посланник»!!!

Да... Видимо, сильная машина.

- А пилоты?

- Пока еще нет.

Так, значит, начнут не завтра. Уже легче.

- На какое время назначена операция?

Он не хотел отвечать. Он хотел солгать, но я как бы невзначай вытащил ту самую коробочку с ампулами, которую забрал у бывшего палача. Конечно, это был блеф. Я не знал, как действуют вещества из этих ампул. Но ведь я мог начать эксперименты. Похоже, мой собеседник тоже догадался, кто из нас двоих будет подопытным кроликом. И все же солгал.

Заливаясь краской, словно институтка на постели, он почти прошептал: «Через три дня». Мужество всегда достойно уважения. Даже в такой ситуации. Но мне что-то не хотелось аплодировать. Устал, что ли?

Я встал, отыскал на одной из драпировок веревку, оборвал ее, обрушив целую конструкцию из каких-то светильников и тряпок. Потом плотно примотал длинномордого к креслу и стал демонстративно изучать конструкцию иньектора. Там было все просто. Сверху ампула, предохранитель, потом прижимаем к шкуре, и оп! Готово.

Все это время мой подопытный бился в своем кресле, как глист под током.

Нехотя я оторвался от созерцания иньектора, положил его на игровой столик прямо напротив вражеского короля и не сильно, но хлестко врезал «богомолу» тыльной стороной руки по щеке.

Он дернулся еще раз и затих. Потом я поднял его голову так, чтобы видеть глаза, и внятно произнес:

- Молчать. Скажешь слово, убью. Смотреть в глаза. Отведешь глаза, убью. Слушать внимательно. Операция будет через десять дней, девять, восемь....

Я контролировал почти все. Дыхание, пульс, давление, психо- и вазомоторику и еще кучу параметров. На короткое время я превратил себя в детектор лжи, сконцентрировав все внимание на допросе. Если б в этот момент меня захотели прикончить, то вряд ли бы нашли лучшее время.

Мокрый, словно из-под душа, длинномордый вывалился из моих рук, а я ходил по комнате, сбрасывая напряжение, и соображал. По всему получалось, что операция начнется через двое суток. Немного. Предупредить своих я, конечно, успею. Рассредоточим войска, зароемся по самые гланды, а потом? Как воевать, когда у тебя над головой штурмовики из мира, на черт знает сколько лет ушедшего вперед? Это как «Су?42» над полем Орлеанской битвы. Внезапно мне в голову пришла неожиданная мысль.

Я подскочил к длинному и встряхнул его, приводя в чувство.

- Как пилоты попадут на планету?

Он бессмысленно пялился на меня. Тогда я еще раз встряхнул его.

- Ну!

- Портал... - выдохнул он.

- Эти пространственные ворота?

- Да.

- Где это? Высадить сможешь?

- Ты что? - Он даже отодвинулся от меня, как от прокаженного. Но я уже разматывал удерживающие его веревки.

- Пшшел! - И пинком под зад погнал его в сторону рубки.

Через некоторое время, когда ему удалось собрать свой поредевший экипаж, яхта стала менять орбиту.

Из корабельного арсенала я смастерил мину, которую продемонстрировал всем по внутренней связи, объяснив, что именно произойдет с ними, если я не буду время от времени переводить таймер.

Это на тот случай, если кто-то решит поиграть в героя. Насекомое я привязал покрепче в одном из кресел, хотя он, похоже, более всего ценил свою жизнь. Ну и еще эти дурацкие

таблетки.

Через несколько часов мы прошли терминатор и начали заход на предпосадочную орбиту.

Все это время я изучал старые снимки местности, сделанные автоматическим картографом яхты.

Помещение, а точнее, убежище, где находился портал, располагалось в самом центре острова Арлинг Аа недалеко от их гребаной столицы. То, что я увидел, было не просто плохо. Дело было совсем швах. Похоже, в Форт Эллис, где америкашки прятали тела инопланетян, добраться было проще. Все это подробно и с превосходством в голосе объяснял мне бывший хозяин яхты.

Я не прерывал его. Сведения об организации охраны портала, которые он выболтал, были бесценны.

- Слушай, - спросил я, когда он наконец выдохся, - а зачем вам корабли, если есть порталы?

- Порталы, - назидательно пояснил он, - есть только в клане Дархон. Это самый большой секрет клана.

- А как же гатрийские наемники? Они ведь обязательно расскажут о портале.

- Не расскажут... - успокоил он меня. - Их усыпляют, а потом раз, и они на месте. Наемники обычно не любопытны. Тем более что существует другой путь...

В итоге я выяснил много полезной информации о способах путешествия в империи.

Пять кораблей со специальным оборудованием на борту ждут в некоей точке, пока не накопятся желающие совершить межпространственный скачок и не имеющие на борту собственных установок прокола многомерности. Потом, зафиксировавшись определенным образом, они ломают пространство так, что переход из одного края галактики на другой занимает очень небольшое по сравнению с прямым перелетом время. Способ дорогой, но установка пространственного прокола еще дороже. Сам прокол был нескольких типов, подразделяясь по глубине вскрытия метрики пространства и, соответственно, по скорости прохода дистанции. Но, несмотря на гигантскую экономию времени, прокол был все же хуже, чем портал. Тот был просто мгновенным, и не требовал выхода в космическое пространство.

Именно таким образом, через собственный генератор прокола, попала сюда яхта этого ублюдка. А сам он пролез через Портал. Поэтому он так много знал об организации охраны. Еще его осведомленность проистекала оттого, что он был прорабом на этой фабрике смерти. Своего рода ответственным перед вышестоящими кланами за то, чтобы все шло по плану. И именно его идеей было захватить меня в плен. Но кто ж ставит мышеловку на тигра? Идиот!

Я снова развязал его и заставил показать все корабельные закоулки. Сопровождающие нас слуги под моим чутким руководством превращались в некое подобие торгового каравана. Они тащились по коридорам этого немаленького корабля, задыхаясь под тяжестью различного барахла, которое, как мне казалось, может пригодиться в дальнейшей экскурсии.

Самую большую коллекцию оружия мы вытащили из каюты Дархора - того самого колобка, убитого мною в рубке. Даже хозяин яхты был удивлен, увидев целый оружейный склад, не уступающий арсеналу яхты.

Многое из того, что лежало сейчас на полу в рубке, мне было знакомо как трофейная техника

арлинггов. Был даже укороченный вариант моей снайперской винтовки. Зато с глушителем. Потом всякие клайдеры и успешно применявшиеся нами разнообразные взрывные устройства. Разумеется, была и та маленькая коробочка, с помощью которой меня парализовали на аэродроме. С ней я даже не стал разбираться. Просто бросил в рюкзак.

Было еще много техники, более или менее незнакомой. И еще больше незнакомой совершенно. Оружие и снаряжение, отнятое у меня, лежало здесь же. Самое главное, что был цел и совершенно исправен мой радиотелефон. Все, что я не брал с собой, отнесли в пустующий склад, временно превращенный в мертвецкую, после чего я наглухо заварил дверь.

Медленно, но верно, яхта приближалась к месту приземления, выбранному мной. По договору с хозяином яхты тот имитировал крушение, а потом, через какое-то время после того, как я уберусь восвояси, подаст сигнал бедствия. Разумеется, для достоверности картины ему требовалось весьма прилично повредить корабль. Но, как уверял хозяин, собранная на верфях клана Дархон яхта могла выдержать и не такое. Был в моем плане пункт, в который я не стал его посвящать, справедливо полагая, что неведение – лучшее лекарство от стресса.

Точно сосчитанная орбита привела яхту прямехонько на невысокий холм, начисто срезав его вершину. Шесть... Я выпрыгнул из кормового люка яхты и, наскоро заплывив его, пять... быстро побежал по склону холма, стараясь при этом не оставлять заметных следов. Четыре... Лес был недалеко, и я с разбегу влетел в его пушистую тень. Три... Ориентироваться не было необходимости. Нужный мне маршрут надежно сидел в памяти, привязанный ко всем возможным ориентирам, а кроме того, лежал в кармане в виде распечатки кадров орбитальной съемки. Преследователей я не планировал, однако двигался с максимальной скрытностью. Два... Речка, предусмотренная специально на случай использования поисковых животных или разных хитрых приборов, ориентирующихся на запах, оказалась точно в положенном месте. Один! Вспышка и чудовищной силы грохот невольно заставили меня обернуться.

За спиной плавно вставал такой знакомый по одной из моих экскурсий красно-черный клубящийся гриб. Выходило так, что поворачиваться нужно было как можно быстрее. Попасть под радиоактивный дождь в мои планы не входило.

Собственно, этот «бабах!» и был той частью плана, которой я забыл поделиться с хозяином яхты и его командой. Менее всего я сейчас нуждался в волкодавах на хвосте. Прокол случился только в одном. Не зная ни принципа движения яхты, ни топлива, которое она использует, я заминировал ее так, чтобы иметь полную гарантию молчания экипажа. Ну, кто ж знал, что этот корабль так же полон секретов, как и та коробочка, которая лежала в моем рюкзаке.

Кстати, о коробочке с таблетками. Детально я собирался осмотреть ее на ближайшем привале. Меня так заинтересовала технология мгновенного переноса знаний, что я не мог удержаться от соблазна украсть эту вещь. Не знаю как кому, а даже мне, обладавшему почти абсолютной памятью, учеба давалась достаточно тяжело, и гранит науки не был моим любимым блюдом. Само запоминание как механический процесс было делом элементарным. А вот установка семантико-логических связей, или, как говорят педагоги, «усвоение материала» никогда не давалось мне просто.

Так вот. Вещество таблетки провело своего рода инсталляцию нескольких языков, установив не только логические, но и эмоциональные связи между собой и ранее накопленными знаниями. Все произошло так, словно у меня теперь появилось еще шесть родных языков. И они стремительно заполняли семантические пробелы, как будто вещество таблетки все еще действовало. А может, и в самом деле действовало. В общем, я жаждал новых знаний, причем

быстро и на халяву. Единственная причина, по которой путь мой не был отмечен пустыми облатками от таблеток, это не вполне ясный механизм их действия. Ведь нельзя же проглотить их целую пачку и не расплавить мозги от такого количества новой информации.

Я быстро шел по дремучему лесу, похожему на тайгу, в тщетной попытке догнать уходящее солнце. Забравшись на очередной холм, я расстелил карту для сверки маршрута. Ориентиры – высокая пальцеобразная гора и шпили арлингговской столицы Дайвира – были там, где им и полагалось быть.

Я перевел бинокль на восток и увидел рой летательных аппаратов, прочесывающих местность вокруг места катастрофы концентрически расходящимися кругами. Интересно, кого они ищут? Все, посидели, и хватит.

К закату я добрался до места, которое сам для себя обозначил, как «точка-ноль». Отсюда, с подножья склона, начиналась самая неприятная часть дороги. Так необходимая мне база стояла на отвесном обрыве плоскогорья. Обходы были еще хуже, ибо склоны были еще круче или более осыпные. Поэтому мне оставалась единственная дорога. В этом месте весенняя река прорезала узкую щель в скале, с которой водопадом лилась в долину, тем самым сильно уменьшая высоту, на которую мне нужно было забраться, и при этом отполировав мою будущую дорогу почти до гладкого состояния. В общем, выбор: или двести метров по нормально-шершавой стене, или тридцать по гладкой.

Поднявшись по короткому участку старого русла, я вплотную подобрался к стене. Нормальная стена, отполированная почти до блеска сезонным водопадом.

Быстрый альпинист – мертвый альпинист. Медленный – тот, кто сидит дома.

Я разделся до трусов, благо было совсем тепло, и покидал барахло в раздувшийся рюкзак. Потом попытался приладить его поудобнее и так, и сяк, но ничего не выходило. Вздохнув, я его снял, вытряхнул на камни содержимое и полностью перепаковал..

Опять надел. Уже лучше, хотя все равно плохо. «Ах, была бы веревочка», – подумал я ожесточенно. Но нет веревки. А раз нет, то и жалеть, стало быть, не о чем.

Я посмотрел еще раз на гору слева (черт, метров сто пятьдесят-двести) и прямо у подножья сел в «лотос».

Сначала тонкой иглой, а затем все более расширяющимся конусом снизу в меня входил синий искристый водоворот и, сливаясь с огненным столбом неба в дан-тянь, растекался по жилам сначала тонкими струйками, а потом все более и более сильными потоками энергии, пока во всем теле не запульсировал мощный шар света.

Потом я начал скручивать свет, тонкой спиралью выталкивая его наружу, туда, к стене. Сразу появилось ощущение предательского холодка, заструившегося по коже. Тело, как могло, протестовало против такого расхода жизненной силы. Подавив или отключив все, что мне мешало, я продолжил. Скользя по граниту тонким светящимся жгутом, свет, как живой, взбирался все выше и выше, пока не скрылся за изломом стены.

Старый трюк, известный мне с давних времен и позволявший делать материал чуть шероховатее, был сильно модифицирован мною. Правда, еще не опробован.

Вот и веревочка готова. «Ну, что? Поехали?»

Цепляясь за несуществующую веревку, я как мог быстро полез вверх, ибо она, в отличие от настоящей, достаточно скоро исчезнет.

Я почти успел. До среза стены оставалось всего метров десять, когда жгут завибрировал и «потек». Я едва успел найти какую-то щель и вцепиться в нее мертвой хваткой, как жгут с тихим шелестом истаял в вечернем воздухе.

Теперь на руке был вес не только моего тела, но и рюкзака. И было бы полбеды, если б я видел хоть какую-нибудь опору. Но ее-то как раз не было. Поэтому я изогнулся, положил левую руку поверх правой и подтянулся как можно выше. Абсолютно гладких стен не бывает, как говорил мой Учитель. Я провел ладонью по стене и остановил ее там, где камень мне показался... ну, мягким что ли. Вряд ли я смогу словами описать, какого рода ощущение дает камень, готовый принять вашу энергию.

Найдя как раз такое место, я плотно прижал ладонь к поверхности и начал понемногу погружать руку в камень. Ладонь ушла неглубоко. А мне, кстати, глубоко и не надо было. Рука, намертво приросшая к граниту, была надежной опорой, на которую я перенес вес тела. Так и пошел дальше, отвоеывая у скалы сантиметр за сантиметром. Но скоро и эта лафа кончилась. Я выдохся окончательно и бесповоротно. Установившийся энергобаланс позволял мне надежно держаться на скале неограниченно долго. И только. На собственно подъем сил уже не было. Вспомнилось неожиданно, как Учитель говорил в ответ на бесконечные «как» и «почему»: «Не можешь изогнуться сам, изгни мир вокруг себя». Выхода не было. Я пару раз коротко вздохнул и начал погружаться в транс.

Мелькнули какие-то невнятные картинки, но подходящей не было.

И тут же я вспомнил, как в одном из моих любимых фильмов каскадер лезет по вертикальной стене здания, оказывающейся в итоге едва отклоненным от горизонтали макетом.

Внезапно я рассмеялся, представив, как некая камера сейчас отъезжает назад, и оказывается, что это вовсе не скала, а конструкция из тряпок и досок, лежащая на земле. Потом я встаю и иду по этой конструкции вперед, пока не спотыкаюсь об ее край...

Удар был страшен.

Я очнулся, когда было уже совсем темно. Приподняв голову, посмотрел назад. Вышло, что, пролетев над срезом скалы шесть метров по горизонтали, я головой врезался в камень на самой вершине.

Уж изогнул так изогнул... Вообще-то, строго говоря, это все номера на грани фола. Единственная мысль, да что мысль, даже тень мысли сомнения - и все, не отскребут.

Рюкзак лежал рядом, подняв порванные лямки вверх, как сдохший пес. Оставалось немного. Еще два часа пути, и из последних сил я вполз на одну из скал.

Первым делом я начал собирать из подручных средств антенну. Выглядела эта конструкция жутко. Больше похожая на горячий бред абстракциониста, чем на нечто, имеющее отношение к связи, она тем не менее должна была дать мне возможность отправить такое нужное сообщение.

Настроив радио на волну фронтового разведцентра, я медленно и внятно проговорил сообщение в микрофон, а затем нажал клавишу передачи. Сжатое и закодированное, в доли

секунды оно ушло в эфир. Потом для гарантии я повторил его и стал ждать. Собственно, ради этого я и полез на такую неудобную гору. У меня был весьма маломощный передатчик, а ближайшая точка, способная принять и расшифровать мое сообщение, была почти в восьмистах километрах.

Через несколько минут я услышал едва слышный шелест. Нажав клавишу дешифровки, через полминуты я получил подтверждение в получении сообщения и стандартное пожелание удачи в долгой дороге домой. Да, моя дорога и впрямь ожидает быть долгой.

Сообщение было получено адресатом, но еще не расшифровано. Мой код был принципиально сложнее и требовал участия в дешифровке личного ключа начальника разведки фронта.

Представив, какая беготня начнется, когда они поймут, от кого пришло сообщение, и какая хрень над ними нависла, я улыбнулся. Улыбнулся, несмотря на то, что впереди меня ждали совсем не розы.

Самая гнусная часть пути была пройдена. Оставалась самая сложная и самая смертельная. «Сущее ничего», как сказал бы один мой старинный друг по Команде.

Около пяти часов утра я уже сидел среди корней огромного куста ригахи и в бинокль рассматривал крепость, которую собирался не менее чем через два часа начать штурмовать. Это и была «точка один». Отсюда уже не было никакого возврата. Впрочем, для меня возврата не было и раньше.

Несмотря на то что солнце давно уже скрылось за горизонт, мне не требовалось переключать свою оптику в ночной режим. Виной тому было бессчетное количество прожекторов, успешно превращавших ночь в день. В их резком бело-голубом свете видны были и военный городок, и окружавший его ров, как флажками отмеченный сторожевыми вышками. Сам городок был разделен на сектора безопасности радиальными и концентрическими заборами, шедшими прямо от центра, в котором стоял большой купол. Этот колпак и был целью моего визита. Вернее, не сам купол, а то, что находилось глубоко под ним. Вырезанная в толще скальных пород полость, где находился портал, соединенный с поверхностью мощным грузовым подъемником.

Был, конечно, вариант: уничтожить сам подъемник, но это никак не решение вопроса. Это только отсрочка того Апокалипсиса, который здесь начнется, выпорхни гатрийские «Черные Посланники» на свободу. А мне нужно было именно кардинальное решение проблемы. Даже если мне предстоит сдохнуть, я хотел точно знать, что с моими девочками и друзьями ничего не случится. Мне было, что защищать на этой планете.

Во всем обозримом пространстве лагеря шла обычная армейская суета. Деловито сновала солдатня, вальяжно прогуливались офицеры, то и дело взрывалась какая-то техника в обширных ангарах, прилетали и улетали вертолетоподобные агрегаты и антиграв-глайдеры.

Медленно, по миллиметру я обшаривал глазами весь этот муравейник в поисках какой-нибудь заваливающей дырочки в их обороне. Меня даже устраивала не дырочка, а так, легенькая рябь на их безупречном доспехе. Я уж протиснусь.

Дырки, к слову, бывают разные. И технические, например, не просматриваемые участки. И технологические, типа датчиков движения на осыпном склоне. Бывают даже логические, как то неудачное распределение постов. И так далее. Как правило, если они есть, то всех типов

одновременно. И происходит это не оттого, что люди, устанавливающие системы безопасности, некомпетентны. Нет. Просто не существует армии, которая способна сделать такую кучу мероприятий вовремя и качественно.

Сейчас я был просто уверен, что кое-кто из солдат на вышках просто спит, перебрав вчера в бардаке. Некоторые датчики намеренно выведены из строя теми же солдатами, бегающими в соседний городок за пойлом и бабами. И так далее без счета.

Но внешне - полный ажур и благолепие.

Итак, первая линия обороны - едва заметные в жухлой траве тонкие усики датчиков движения. Это так, ерунда. Следом тензорная дорожка - тоже на движение, но уже нажимного действия. Между ними - частокол похожих на ножи и наверняка так же остро заточенных стальных полос. Расстояние между полосами сантиметров шесть, а высота - метра четыре. Потом тонкая сетка - это от мелких грызунов. Вольт на сто. И сетка помощнее. Она неярко мерцала, сообщая всем заинтересованным лицам, что ток в системе питания охранной системы есть. Примерно на пятьдесят тысяч вольт...

Далее шел оптический барьер из отдельных столбиков, между которыми шла сплошная лазерная завеса. Самой завесы, разумеется, видно не было. Но я знал, если переключиться в инфракрасный или УФ диапазон, то пространство между столбами засияет, как занавес в театре.

И далее, отгораживающие один сектор от другого - двойная колючка на столбах и бетонная стена с бойницами вокруг центрального купола.

Кроме этого, были еще телекамеры, инфра- и ультравысокочастотные датчики, зенитные излучатели и.... Стоп. Нет, не так. СТОП! Вот так лучше.

Зенитный излучатель - конструкция, весьма похожая на клайдер. То есть неизвестного мне типа излучающее устройство, разрушающее межмолекулярные связи в веществе. Именно подобные штучки делали невозможным авианалет на любой стационарный объект. Так была защищена наша столица, так защищался Дайвир - столица Арлинг Аа. Проблема этих излучателей заключалась не только в их чудовищной дороговизне, но и в огромном количестве охлаждающей жидкости определенного качества, которую потребляли эти пушки. Миниатюрные по сравнению с ними излучатели клайдеров перегревались тоже. Но с увеличением размеров количество тепла, выделяемого этим типом устройств, росло в кубической прогрессии. Мобильное применение таких зениток по этим же причинам практически исключалось. Так что это было очень мощное, но исключительно оборонительное сооружение.

В тусклом свете фонаря я рассматривал свою карту, пытаюсь понять, откуда берется вода для прокорма этих плевалок. Ручей на западе не годился - был мал и медлителен. Бурение водяной скважины маловероятно. Плоскогорье, находившееся на высоте двух тысяч метров, не то чтобы совсем не предполагало подобных затей, но делало их сомнительными. К тому же скважина не могла дать необходимое количество воды. Но была неблизкая и вполне приличная ледниковая речушка, текущая между хребтом и плоскогорьем. Оттуда можно было забрать большое количество чистой, что немаловажно для систем охлаждения, воды.

Мой интерес к этим «зениткам» был вовсе не академическим. Дело в том, что, являясь мощными огневыми точками сами по себе, они были до крайности плохо защищены пассивными системами обороны. Классическая фортификационная ошибка была повторена

инопланетянами с точностью, достойной лучшего применения.

Как я искал водовод – это отдельная история. Скажу только, что рюкзак мой полегчал сразу на пять кило. Потом были еще кое-какие приготовления, и к нужному сроку – за час до рассвета – все было готово.

Как истинный буддист, я осенил себя крестным знаменем и нажал клавишу радиодетонатора.

В небо плеснуло огнем, и водопровод перестал существовать. По крайней мере метров десять. Потом еще одна кнопочка, и из-за скального гребня редкими и совершенно не холостыми снарядами начал плеваться легкий кассетный миномет.

С чувством глубокого удовлетворения я наблюдал, как спокойный лагерь превращается в разворошенный муравейник.

Слабо закрепленный миномет только имитировал атаку, но тем не менее несколько раз исключительно удачно попал в казарму и радиовышку. Наконец, отцы-командиры отдали волевое решение, взвизгнули сервомоторы, и по гребню и всем подозрительным местам начали бить лучевые пушки.

А я тем временем начал стрелять по прожекторам на вышках. Вы даже не представляете, как много удовольствия можно получить от такого невинного занятия!

Успели мы почти одновременно. Горы слева больше не было. Именно там, в хлопьях деструктурированной материи, сложил головы неведомый отряд в самоубийственной попытке штурмовать неприступную твердыню. Вот только обломки скалы засыпали почти весь южный сектор, уничтожив практически полностью систему электронной и пассивной обороны. Ну, это ж пустяки. Вон и солдатики на броневиках торопятся продемонстрировать боевой дух и вытаптывают остатки охранных систем...

Но мое место на этом празднике жизни – не на сцене, а пока что в гнезде осветителя.

Не быстро, но и не слишком медленно, я скользил между камнями, скрываясь в резких тенях единственного оставленного мной в живых прожектора. Только один-единственный прожектор – это скорее иллюзия освещения. Слишком много удобных теней оставляет точечный источник света.

Приблизившись вплотную к башне, я нахально стукнул пару раз по ее звонкой стене. Вроде как «Открывай, мол, свои!».

«А вдруг сработает?»

Башня излучателя неожиданно колыхнулась, ее серводвигатель как-то по-особенному загудел и со щелчком остановился. Потом раздался ни с чем не сравнимый характерный звук открывающегося обрезиненного бронелюка, из него вынырнул гуманоид и резко и гортанно выкрикнул что-то в темноту.

Что именно, мне было совершенно непонятно, да и не очень интересно. Ему также что-то прокричали в ответ, и он заторопился обратно. Да только поскользнулся и упал. Да так неудачно, что сломал себе шею.

Не очень вежливо подхватив его поперек туловища, я вбросил тело в отверстие люка и влетел в

его чернильную утробу сам. Потом я хотел как можно тише закрыть люк, но он, вдруг обретя свою жизнь, неожиданно щелкнул замками и наглухо врос в стену. Сверху, из тускло освещенной дыры лаза, что-то сказали. Не раздумывая, я уцепился обеими руками за скобы лесенки и бросил себя вверх.

Шесть метров я пролетел, как на крыльях, и, не рассчитав скорости, чуть не врезался в пульт управления установкой. Человек в кресле только начал менять выражение своего лица, как тонкое лезвие ножа пришилило его голову к спинке.

Новый нож уже замер в моей руке, готовый к смертельному броску, но в крохотной рубке никого больше не было.

Так, теперь быстро-быстро.

Пульт управления оружием был явно рассчитан на дебила. Даже ярко-оранжевая кнопка под массивным колпачком сбоку от пульта вполне ясно намекала на свое предназначение.

Медленно и осторожно я сдвинул штурвал влево, потом вправо. Перекрестье прицела, послушное моей воле, сдвинулось тоже сначала влево, потом вправо. Так, с этим вроде бы понятно. Теперь спусковая скоба или гашетка. Это уж кому как нравится.

Но тут наличествовала одна проблема. Кнопок было две. Одна под левый большой палец, другая под правый. Синяя и красная. Недолго раздумывая, я навел пушку на ближайшую башню и нажал обе сразу.

Экран прицельного устройства как-то сразу обесцветился, и меня чувствительно тряхнуло. Я так резко двинул штурвал в сторону, что чуть не проскочил другую башню. И только третья успела развернуть ствол в мою сторону. Не знаю, на сколько я ее опередил. На секунду, а может, на доли секунды.

Убив последнего конкурента, я поливал смертью все, что двигалось, потом заклинил гашетку в положении постоянного огня, задрал ствол вверх и опрометью кинулся из башни.

Я был полностью уверен в том, что защитный свод портала из такого орудия можно было срезать до цоколя. Но не надо. Ведь если я уничтожу подъемник, до портала уже не добраться. Весь этот переполюх в курятнике имел лишь косвенную, но никак не прямую цель.

Перегревшаяся без охлаждения башня восстала в утреннее небо огненным столбом. Воздух застонал от осколков, шрапнелью сыпанувших вокруг. Теперь, надо полагать, меня похоронят окончательно и бесповоротно.

Примерно полчаса я лежал под какими-то обломками, дожидаясь спасательных команд. Собственно говоря, спасать-то было некого. И нечем. Вместо того, что еще недавно было военным гарнизоном, была только пыль, неярко освещенная рассветным небом. И лишь купол, нависающий надо мной гигантской тушей, невредимый, как и раньше, торчал ржавым гвоздем в моем сердце.

А в небе, замирая и проявляясь вновь, завис тоскливый вой турбин. Надо полагать, подмога. Нет, не мне. В этой битве я был одинок, словно путник в ночи. А, вот и врагов мне еще подбросили. Чтоб не скучал...

Несколько минут, и, поднимая клубы пыли, аппараты стали зависать над останками городка. Со скрипом провернулись невидимые мне запоры. Хрустя пылью, набившейся под салазки,

дверь купола медленно поехала в сторону.

Закрывая глаза от ветра, насыщенного пылью, на порог купола вышел офицер и попытался что-то разглядеть в этом месиве. Крохотной мышкой я проскочил между ним и дверью, не потревожив даже пыли на стальном полу. Так же беззвучно я скользнул в пространство лифтовой шахты и замер под ней, неудобно устроившись в силовых конструкциях клетки под ее полом. Собственно, все пространство купола, за исключением небольших площадок, и занимал лифт. Метров двадцать на двадцать.

Примерно через десять минут в лифт вошли несколько человек, о чем-то негромко переговариваясь. Клеть вздрогнула и пошла вниз. Сначала медленно, а потом все ускоряясь и ускоряясь, пока плотный и прохладный воздух не засвистел в фермах подъемника. Через какое-то время раздался визг тормозов, и мы начали снижать скорость, и еще секунд через десять остановились совсем.

А до низа шахты было еще далеко. Не особенно доверяя словам покойного «богомла» о том, что портал находится на нижних этажах, я все же решил начать снизу, тем более что собственных мыслей на этот счет у меня не было.

Обмотав руки специально припасенным автоматным ремнем, я начал. Редкие лампочки аварийного освещения появлялись и исчезали в темноте, отмечая мой путь.

Повинуясь не подводившему меня чутью, я начал притормаживать. Ремень уже давно дымился, оставляя тонкую мутную дорожку вдоль маслянисто поблескивающего троса. Я уже не скользил, а, скорее, карабкался с минимально приемлемой скоростью, пока резко обострившееся чувство опасности не заставило меня остановиться совсем. Освещенные участки давно закончились, но не нужно было обладать зрением кошки, чтобы увидеть тонкие острые шипы, усеявшие частоколом весь пол.

Да, ребята, ловушки ставить вам еще учиться и учиться. Я мог бы пройти по остриям, как по паркету. Подошвы моих сапог такие штучки не брали, но, побоявшись датчиков и всякой прочей нечисти, я забросил крюк на одну из могучих демпферных пружин, возвышавшихся надо мной, словно храмовые колонны. Так, по грязным от густой черной смазки пружинам, я и перебрался на свободный от игл участок пола. Толщина стали у пружин была такой, что они даже не вибрировали, пока я по ним ползал. Осталось найти техническую дверку и вперед. Но дверка отказывалась находиться. То есть совсем. Я вновь забрался на пружину и стал изучать стены. Вот, например, этот калечного вида кронштейн и едва заметный прямоугольник под ним метрах в восьми над моей головой. По-моему, хороший кандидат на выход из этой задницы.

С тридцатого или сорокового раза мне удалось зацепить на нем аркан. Я пролетел по воздуху метров шесть и мягко впечатался в стену шахты. Перчатки, сплетенные из высокопрочного пластика пополам с каррихитовой нитью и припасенные как раз на такой случай, держали тонкий трос насмерть, даже не думая скользить.

Потом, держась за кронштейн одной рукой, словно бабуин, я сматывал трос и раздумывал о тысяче и одном способе бесшумно открыть дверь. Способ первый. Я аккуратно ткнул ее пальцем. Никакого эффекта, естественно. Способ второй. Я ковырнул ее ножом на себя.

Мягко, словно створка сейфа, не скрипнув и даже не зашипев, она плавно приоткрылась на несколько миллиметров. Продолжая висеть, я достал из кармана небольшое зеркальце и аккуратно осмотрел пространство за дверью. Там было пусто. Коридор из ниоткуда в никуда. Просто коридор явно технического назначения. Больше всего мне нравился слой пыли на

бетонных плитах пола. Не раздумывая более, я протиснулся в лаз и прислушался. Вообще-то звуков было много. Гудели какие-то механизмы, шумел воздух в магистралях, еще чего-то совершенно неясное всхлипывало, шипело и вообще всячески жило. Но человеческих звуков вроде не было. Ну и ладно. Кому куда, а нам вперед. С тем я и пошел, ощупывая и оглядывая пространство вокруг. Но этаж был, похоже, отведен целиком под резервную систему энергоснабжения.

Так же без приключений я попал на этаж выше. Тут уже шумело существенно громче, и пыли не было вовсе. Но это была все та же энергоустановка, занимающая в итоге два огромных, по десять метров высотой, этажа. Еще два этажа - и вот уже работающий реактор. Следы людей стали появляться чаще. Так же в одиночестве я проскочил и вентиляционный, и насосный этажи. Мне это начало надоедать. Захотелось кого-нибудь расспросить. Как на грех, очередную дверь с этажа преграждала легкая, но вполне серьезная решетка с тяжелым, но совершенно несерьезным замком. Может быть, я и прошел бы мимо, если б не наглый датчик контактного типа за дверью. Просто издевательство какое-то. Нельзя же так настойчиво приглашать в гости. Помер датчик очень быстро. Я бы сказал, скоростно скончался в ходе вскрытия. Замок же сдался сам, показав покладистый характер и сговорчивость, так свойственную именно таким вот монументальным изделиям.

Пока я работал, вокруг было относительно тихо, за исключением какого-то странного ритмичного звука. словно медленно вращалось скрипучее колесо. Осторожно ступая, я пошел на звук.

Стальные двери в два ряда с глазками недвусмысленно говорили о назначении этих комнат. Похоже, я попал в местную гауптвахту.

Подойдя к той двери, из-за которой раздавался звук, я прислушался. Теперь стало ясно, за дверью кто-то стонал, стараясь ритмичным звуком убаюкать боль. Замка вообще не было. Просто задвижка. Но какая! В четыре стороны, с вращающимися ригелями и контрольными шплинтами. Оглянулся. Нет, это была единственная дверь, снабженная таким засовом. Уверенно, словно делал это много раз, я распахнул дверь.

В полутемной, душной камере пахло кровью и мочой. В углу едва ворочалась и ритмично постанывала в голос какая-то куча тряпок. Я подошел ближе и рукой откинул в сторону тряпье.

Грива темно-русых волос и глубокие зеленые глаза. Вот все, что осталось от Эллар Кимон. Осторожно я разложил ее на полу, выдернул из кармана аптечку, нашел на ощупь болеутоляющее.

Через несколько минут она открыла глаза и уже осмысленно посмотрела на меня.

- Ты... Отк....а?

- Молчи. - Я прикрыл ее разбитые губы рукой. - Я буду спрашивать, а ты кивай, если да, или из стороны в сторону, если нет. Поняла? - Кивок. «Да».

- Легкие целы?

«Да, нет». То есть вообще-то да, но не совсем. Ладно, подождет.

- Печень? «Нет».

- Почки? «Нет».

- Селезенка? «Да, нет».

И так далее.

Твари. Ну, я еще понимаю, наркотики или что-то подобное, но эдакое средневековье.

И все-таки интересно, чем это ты так достала своих хозяев.... Или заподозрили двойную игру? Или очередные внутриконторские разборки? Но молодую и тем более красивую женщину жаль особенно. Тем более что лично мне она ничем таким не досадила. А пару раз даже избавила от скуки.

Ладно, враги наших врагов - наши союзники. Ну, хоть в потенциале.

Был лет триста назад на моей родной планете такой старый фокус, позволявший поднимать практически мертвых людей. Лишь бы мозг еще был жив. Тибетские монахи вообще великие затейники. Можно попробовать.

Я поудобнее сел возле нее и потихоньку, толчками стал входить в состояние тамис.

Круг первый.

Ровный гул заполнил мое тело, окутывая, как одеялом, потом за клубился, меняя цвет от темно-синего до ярко-золотого, и распался на тысячи игл, начавших свой танец вокруг меня искристым водоворотом.

Круг второй.

Тяжелый, как свинцовая патока, темно-фиолетовый Гротхи стекал от меня вниз, к горячему ядру планеты, легкий, словно дыхание ребенка, желтый Гротхи поднимался от меня вверх к небу и солнцу, а рожденный мною черный Гротхи-вихрь уже метался по камере в поисках жертвы.

Круг третий.

Но острый, как стальная игла, белый Гротхи уже вонзился в него, давая ему тень разума. Уже осторожно, осознавая себя, как новую сущность, он кружил по камере, и в этот момент мягкий, как зеленый росток, розовый Гротхи пророс в нем тенью чувств.

Круг четвертый.

Могучий вздох пронесся по всему подземелью, когда новорожденный Даки понял, что сделали с его сестрой Дакини. Ярость и боль его была беспредельна. А потом нежность и любовь к сестре заполнили его сущность.

И в одном движении он подарил ей свою жизнь, рассыпавшись на миллионы осколков алмазной пыли.

Конечно, это был только фантом. Но, осознавая себя настоящей сутью Даки, он сделал то, что было под силу только Даки.

Руки у меня дрожали от усталости и боли, когда я срывал с Элар, покрытой кровавой коростой, остатки камуфляжа.

Она вздохнула от боли, и эта боль вспыхнула в моей голове, как будто была моей. Неужели не получилось?

Нет, просто прилипшая кровь отошла вместе с кусочком кожи. В остальном ее тело было здорово. Оставалось еще одно. Органы еще не знают, что все в порядке, и блокируют импульсы от мозга и обратно, мешая им нормально работать.

Грязными от масла руками я растирал ее нагое тело, разгоняя кровь. Наконец, понемногу она полностью пришла в себя и с удивлением и недоверием ощупала свое тело.

- Как, как ты это сделал? Кто ты?

Ее огромные кошачьи глаза смотрели на меня со страхом, которого я в ней раньше не замечал.

- Я тот, за чьей жизнью ты уже дважды приходила. Хочешь попробовать еще раз?

Она дернулась, как от удара током.

- Нет! Второй раз я приходила потому, что мне нужно было тебе кое-что сказать.

- Ну да, конечно. - Я устало улыбнулся. - Послушай, мне нужен ответ только на один вопрос. Где Портал?

- Что ты собираешься делать? - Она удивленно приподняла брови.

- Повторяю вопрос. Где Портал? - я был неумолим, словно королевский прокурор.

- Ты все равно не выберешься отсюда, - упрямо сказала она. - Я не знаю, как ты проскочил системы охраны, но обратно тебе хода нет.

Я тяжело вздохнул. Теперь понятно, почему ей переломали все кости. Ну не понимает человек доступного языка!

- Ну?

Она отвернулась, закусив губу, и глухо проговорила:

- Шесть этажей вверх, по коридору направо.

Я поднялся с пола, по привычке отряхнув колени, и направился к двери.

- Ты меня убьешь? - спокойно спросила Элар.

- Нет, - не оборачиваясь, ответил я. - То, как с тобой обошлись твои друзья, доказывает, что ты им сделала большую гадость. Ты враг моих врагов. Но мне пока не друг.

- Как я могу стать им?

- О... - Я улыбнулся. - Это длинная история.

- Тебе не справиться одному, - повторила она.

- Так. Короче. Сколько тебе нужно времени, чтобы покинуть комплекс?

В ответ она потянулась своим великолепным телом, пробуя его, как музыкант перед игрой.

- Пятнадцать зан.

- Учитывая, что наверху, кроме купола, ничего нет?

Она озадаченно посмотрела на меня.

- База уничтожена? Кем?

Я в ответ нетерпеливо переступил с ноги на ногу. Черт! Кто кого тут допрашивает?

- Выбраться сможешь?

- Я все-таки килон раихан деан.

«Танцующая в огне звезд»... машинально перевел я с гатрийского. И продолжил на этом же языке:

- Я ухожу, а ты начнешь выбирать. Но не раньше, чем через пять минут. И немедленно покинешь комплекс. Ясно?

Вместо ответа она удивленно склонила свою голову в молчаливом поклоне.

«Ну, хоть так», - подумал я, скачками поднимаясь по лестнице.

Перед нужной мне дверью я остановился, проверяя тело. Остатки разумного вихря Гротхи еще клубились во мне, и вместо обычной в таких условиях проверки я просто обрушил бронированную дверь в проход.

Оглушительный взрыв и вспышка заставили меня нырнуть под стену.

Взрывное устройство за дверью вместо того, чтобы придавить меня тяжелой плитой, сдетонировало так, что охранники, вероятно, ожидавшие меня, были сметены ударной волной. Я снова нырнул в коридор и с пола сделал несколько выстрелов, добив уцелевших.

Так, стало быть, встречаются. Ладно.

Подобрав с пола брошенный кем-то клайдер, я вынул разрядник, прикрутил его, как мог, к гранате и, рванув кольцо, запустил все это в поворот коридора.

Глуховатый взрыв. Ярчайшая вспышка запечатлела на моей сетчатке все неровности и дефекты стены. Часто моргая для восстановления зрения, я высунул в коридор крохотное зеркальце. Чисто. Двигаясь дальше, я обратил внимание на два черных пятна жирной сажи со смутно различимыми очертаниями стоящих людей. Ждали, значит. Ну-ну.

И тут по ушам хлестко ударил надсадный вой, и из невидимого репродуктора до меня донеслись какие-то гневные команды.

Да, надо пошевеливаться. Интересно, кто там у них на охране портала? Знать бы прикуп....

Сзади что-то зашевелилось. Я, не раздумывая, сорвал с подвески гранату и метнул ее вдоль по коридору, как бильярдный шар.

Ладно. Наверняка я потом пожалею. Дхати очень дорогое состояние.

Еее ноо сати исооо тхатти.

Но очень приятное...

Мне казалось, что очень медленно, сражаясь с вязким, как мед, воздухом, я подошел к двери и плавно надавил. Противный скребущий звук рвущейся стали заполнил мою несчастную голову кисло-ледяными вспышками.

Дверь еще падала, когда я уже был в зале. Почти пустой, если не считать огромной, примерно метров в тридцать, конструкции, действительно похожей на ворота. Еще немного каких-то механизмов, гораздо менее впечатляющих, и единственная вещь понятного назначения - мощный подъемник порталного типа. Совсем немного солдат. Все они быстро умерли.

Исоо кайисии мисатти.

Как всегда, выход из дхати оставлял ощущение рези в глазах, боли в мышцах и костях, шуме в ушах... и собственной ничтожности в голове.

Скрипя всеми шарнирами, как столетний дед, я принялся осматривать установку, которую мне предстояло уничтожить. Уничтожить так, чтобы ни у кого не возникло даже мысли о возможности ее восстановления.

Золотого цвета дуга шла от одного края сверкающего и, по виду, монолитного диска до другого. Только с одной стороны клубился странного вида туман, а с другой была гладкая матовая поверхность серебристо-белого цвета с желтыми прожилками.

Самой удачной мне показалась мысль разорвать дугу в месте, где она соединяется с основанием. Попробовав первым делом полоснуть по арке из клайдера, я чуть было не попал под собственный луч, отраженный материалом, из которого она была сделана. А интересно, остальное такое же прочное? И я повел лучом по залу. Очень скоро большинство механизмов лежало в руинах, а я начал быстро соображать, что же такого можно сделать из имеющихся у меня частей, чтобы уничтожить эту вершину человеческой мысли.

Мои размышления не смог прервать даже звук деятельной возни в ведущих в зал коридорах.

Собрав излучатели у убитых мною солдат, я воткнул их в пятикилограммовый кусок динитротанола из своего рюкзака. Потом уложил его в стык арки и основания. Таблетка радиодетонатора утонула в пластике, оставив снаружи лишь короткий хвостик антенны.

Мне осталось уложить оставшуюся взрывчатку и еще два стержня от излучателей, как из-под потолка раздался громкий голос:

- Сдавайся, ты окружен. Коридоры вокруг тебя под прицелом автоматических излучателей. Обещаем обменять тебя у Императора.

- Да пошел ты! - ответил я по-русски, продолжая возиться со своей миной.

Тут что-то ухнуло, и отчетливо потянуло дымом. Почти сразу же защелкали затворы пороховых винтовок. Видно, солдаты тоже знали о замечательных отражающих свойствах Арки. Кроме того, они боялись попасть в мину, а я нет.

Очень скоро наступила патовая ситуация. Я не мог взорвать мину, поскольку самоубийство в мои планы не входило, но и выйти или даже отойти от нее на безопасное расстояние я тоже не

мог. Как только я поднимал голову из-за уцелевшего кожуха неведомого мне механизма, ее тут же стремились продырявить. И самое поганое, что эти гады явно тянули время. Что-то должно было произойти, и это что-то было на руку моим врагам.

Терять мне было уже совсем нечего. Я достал из кармашка заветную коробочку, по-очереди съел все таблетки, прихваченные у «богомолы» на яхте, надеясь на то, что новые знания хоть как-то мне помогут. Но время шло, а ничего не менялось. Никаких откровений на меня не снизошло, и постепенно ледяная ярость заполнила меня без остатка.

Да черт с вами! Я зло сплюнул на пол и вдавил клавишу взрывателя.

Спасло меня то, что тело автоматически залегло в небольшую выбоину, оставшуюся после моего куража с излучателем.

Когда через доли секунды я перевернулся на спину, то чуть не заорал в голос. Похоже, на ней не осталось ни единого живого места. Боль была адовой, и я даже не сразу понял: зал горит. Сталь, стены и пол плавилась и полыхала в едином костре. Только арка, невредимая, как раньше, стояла, сияя в пламени огня. Чудовищной силы взрыв не оставил ни единой царапины на ее золотом своде, а я горел заживо в этом костре. Та часть тела, которая избежала ожогов, быстро покрывалась волдырями и обугливалась.

На мгновение мне показалось, что прохладные руки Кены Ратхон коснулись моей сторевшей кожи. Наваждение было таким сильным, что боль на секунду утихла, давая собраться с мыслями.

Ярость, слепая и холодная, сошла с неба, словно благословение. И стоя в огне, пожиравшем мое тело, я принял да дзати.

Вне себя от злости и боли, сначала вогнал себя в ускоряющий режим, а затем, повинувшись какому-то внутреннему чувству, начал собирать всю энергию, какая была в радиусе многих километров вокруг, как делал это на поляне с валуном. Все живое, попавшее в эту стремительно расширяющуюся сферу, теряло тонус и засыпало, не в силах бороться с оттоком жизненной энергии, море превращалось в холодный кисель, а из воздуха выпадала снежинками вода.

Кольцо вокруг меня сгустилось настолько, что огонь уже не мог пробиться сквозь него. А скорость вихря все нарастала. Воздух вокруг стонал, раздираемый страшным волчком. Бетонный пол под ногами прогибался и шел волнами. Я уже не понимал, как мне удастся сдерживать смерч. Но пока я еще мог балансировать равновесием потоков, осторожно, словно канатоходец, я двинулся к Порталу.

Неожиданно зеркальный диск и арка, стоявшая на нем, как-то странно завибрировали, и откуда-то из недр донесся тихий вой, который постепенно переходил в надсадный визг на высокой ноте, пока не превратился в тонкое пение, похожее на комариный писк. Зеркальная поверхность диска вдруг пошла мелкой рябью, словно озерцо, и из центра полукольца донесся низкий ноющий звук.

Я стал раскрывать руки, и медленно расширяющийся вихрь начал сливаться с аркой. И в тот момент, когда диск под Порталом выбросил из себя столб радужного света, я разорвал кольцо.

Я еще успел увидеть, как неправдоподобно медленно дробится материал кольца, разлетаясь на

мириады золотых искр, и тут огромная черная воронка впитала меня, словно губка.

mir-knigi.org